

НАТАЛЬЯ ТОКАРЕВА

ЗАВОДСКИЕ

Записки краеведа

издательство
МАМАТОВ[®]
www.mamatov.ru

С.-Петербург 2013

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2Рос-4Пер)
Т51

Токарева Н.

Т51 **Заводские:** записки краеведа. — С.-Петербург: Издательство «Маматов», 2013. — 192 с., ил.

Автор выражает благодарность за помощь, оказанную при работе над созданием книги: В. С. Мартемьянову, К. М. Собакину, Г. Л. Веричевой, С. А. Степановой (Семковой), Л. А. Желтышевой (Дягилевой), О. Н. Желтышевой, Л. П. Устюговой.

ISBN 978-5-91076-088-6

© Н. Токарева, текст, 2013
© Т. Харитонов, словарь, 2013
© Издательство «Маматов», 2013

ПОСВЯЩЕНИЕ

Светлой памяти архитектора Суксунского района Грушковской Людмилы Ивановны, преданно любившей и ценившей старинный поселок, который стал для нее второй родиной.

ЭПИГРАФ

*Пролязгали годы,
Как цепи, железом.
Дымились заводы —
Копоть над лесом.
Синий чугуи,
Красная медь
Будили тайгу,
На Русь прогреметь...
Работал Урал —
От железа дрожал.
Руда изливалась в печах.
Работал Урал —
Державу держал —
Чугун на рабочих плечах.*

Василий Каменский

ГЛАВА I

СУКСУНСКАЯ СТАРИНА

«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...»

Род проходит и род приходит, а земля пребывает во веки. Перечитываешь страницы «Екклесиаста», и невольно возникает мысль: неужели там уже все сказано и мы ничего к этому не сможем уже добавить? И неужели прав древний автор: Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после?

Пронеслись над Суксун-заводом столетия, сторели как в один миг. Стирается из памяти прошлое, приходят новые поколения и не ведают о делах дедов и прадедов.

Цель моего повествования — вспомнить и рассказать о прошлом поселка Суксун (который и до революции, и даже позже именовался Суксун-заводом) и его жителях. Кто же были эти люди, наследники-ми которых мы являемся? Какие ценности и идеалы оставили нам ушедшие в мир иной предки? Сколько из прошлого мы еще не знаем, сколько нами забыто-перезабыто! Сколько выдающихся людей, о которых мы и не подозреваем, прошло и проехало через наш Суксун-завод! Сколько здесь переплелось судеб и жизней людей!

Древнее заводское поселение затерялось среди уральских населенных мест и древних холмов-гор, окружающих его с разных сторон. Насчитывая на своем веку более 360 лет, поселок пережил взлеты и падения, бунты и революции, царей и иных властителей, заводовладельцев, знал суровые и счастливые годы. Менялся, приспособлялся, негодовал, радовался и плакал. Когда-то по тихим суксунским улочкам степенно шли местные старожилы, пробегали бойкие торговцы, гордо проезжали «горное начальство» и бравые военные, прогуливались молодые франты и местные красотки.

А кто они были, старинные суксунские жители? Лишь потрепанные временем старые фотографии и документы, для чего-то и кем-то сохраненные, не сожженные, не выброшенные с домашним мусором на свалку, могут свидетельствовать о них.

Порою, собираясь на «майданах», старики вспоминают, как жили в старину деды и прадеды. Со временем их воспоминания и документы переходят на хранение в музеи и архивы. А в худшем случае — забываются. Только музейные работники умеют воскресить забытые имена, фамилии, факты. Может быть, в этом и есть наше, музейщиков, предназначение? В этом и смысл нашей работы: собирать, хранить, изучать и рассказывать другим?

Как только ко мне в руки попадает старая фотография, найденная на заброшенных чердаках, то сразу хочется как можно больше узнать, кого и сколько лет назад запечатлел фотограф. Иногда судьба преподносит старые документы, даже дневники! Порою эти находки оказываются просто уникальными! Современное поколение, наверное, и не догадывается, что в старину в Суксун-заводе многие жители вели записи каждый день. Заводское население имело возможность получить школьное и профессиональное образование, и многие тогда были грамотными. У некоторых были так называемые «Памятные книги», или календари, на полях которых делались важные пометки, записи.

Дневник! Какая это, оказывается, полезная и нужная вещь! На бумаге систематически записывались самые важные события, а кому они потом будут полезны — лишь время рассудит!

На протяжении многих десятилетий мне удалось поработать со многими архивными документами, побеседовать со старожилыми, записать и снять на видеокамеру воспоминания живых свидетелей старины, сопоставить исторические факты, выслушать разные точки зрения, сравнить, систематизировать собранный материал. Живые воспоминания — это уникальнейшая вещь! Ценность ее познается тогда, когда старики уходят в мир иной, и никто уже не расскажет нам то, что помнили и знали они. В этой книге я делюсь с читателем самым дорогим, собранным и изученным мною за многие годы. Вся жизнь и быт Суксуна как горнозаводского поселения связана с Демидовским заводом. Поэтому рассказанные мною далее истории о судьбах людей тесно переплетаются с его судьбой.

Когда-то, очень давно, на одном из суксунских чердаков мне попали в руки несколько рабочих дневников слугителя заводской

конторы Демидовских заводов — Федора Егоровича Обыденнова, по прозвищу Морозов, который жил в Суксуне в XIX веке. Он запечатлел и подробно описал события, происходящие в Суксунском и на других демидовских заводах: наблюдения за изменениями в природе, записи личного характера, написанные с уже вышедшими из употребления «ятями», «ерами», изложенные старинным слогом. Федор Егорович родился в Суксуне, когда построенный и пущенный в 1729 году Акинфием Демидовым медеплавильный завод можно считать почти древним «дедом». Заводу было тогда за 80 лет! Но во время детства и юности Федора производство на заводе оставалось еще устойчивым, Демидовы еще не накопили многочисленных долгов. Но уже в 1774 году завод был преобразован в железодельный. Выковывал железо из чугуна и очищал черную медь. Он же одновременно являлся медно-обрабатывающим.

При строительстве медеплавильного завода в Суксуне Акинфий Демидов привез сюда людей из разных мест, в основном из центра России. Многие мастера переводились в Суксун-завод с других заводов Демидова — Ревдинского, Невьянского, Нижнетагильского. По данным В.И. де Генина, в 1735 году на заводе Суксун насчитывалось 18 дворов жителей, занятых на производстве. А согласно первой подушной переписи заводского населения в 1747 году в Суксуне крепостных и приписных к заводу человек числилось всего-то 494 человека (не считая, как в те времена было принято, женщин и детей).

Не известно, откуда родом были Обыденновы, но, по всей вероятности, с Тагильских заводов Демидовых. Обосновались они в Суксуне крепко и надолго. Из первых страниц дневника явствует, что в 1819 году Федор Егорович в возрасте 11 лет поступил в Суксунскую заводскую контору для обучения заводским специальностям, а в 1825 году в возрасте 17 лет был отправлен в Санкт-Петербург в числе прочих мальчиков для дальнейшего обучения. В то время на уральских заводах держалась традиция — отдавать в заводскую работу мальчиков с малых лет. Такой порядок сохранился и в пореформенное время. Обычно дети поступали на работу в цеха, где уже трудились их отцы и братья. Путем практического ученичества перенимали у них производственные навыки и знания. Так возникали рабочие династии: доменщики, литейщики, прокатчики, сварщики, а также кузнецы, слесари, углежог и т. д. Федор с детства имел хорошие задатки рисовальщика, поэтому профессию мальчику определили сразу.

С 1831 года Федор начинает служить при заводах Демидовых землемером и чертежником. Он выполнял множество сложных чертежей для заводов. Это лесные угодья, доменные, калильные и пудлинговые печи, молоты, плотины, лесопилки, заводские инструменты.

К этому времени производство на Суксунском железодельном заводе заключалось в очистке черной меди, также там выковывалось полосовое железо разных сортов, изготавливались медная посуда, якоря, молоты, отливались колокола и даже пушки по подрядам. Рядом действовали Тисовский и Молебский, близлежащие к Суксуну заводы. Подальше были расположены Бымовской, Ашапский, Уткинский, Шаквинский, Камбарский заводы. Вместе они составляли единую группу Суксунских заводов. Главная контора всех этих заводов находилась в Суксуне.

Медь поступала в Суксун с Ашапского и Бымовского заводов. Переработка черной меди велась в сплейсофенных печах. Каждую такую печь обслуживали три человека. Мастеру платили в день по 12 копеек, а подручным — 10 копеек.

Все частные заводы в то время состояли в ведении Департамента Екатеринбургского горного начальства, в котором, кроме главного начальника, присутствовало три члена. Они управлялись одной конторой, состоящей из управителей или главных приказчиков, определяемых по воле завододержателя с законно утвержденной доверенностью из заводских людей или посторонних, но знающих заводское производство. Кроме Главной, в каждом заводе находилась особая контора, дела которой и заводское производствоверяются приказчику, заводскому надзирателю и расходчику. Сверх того определялись куренные надзиратели над лесами, дровами и жжением угля, также горные смотрители на рудниках. Конторы частных заводов подавали свои донесения и просьбы во 2-й Департамент Екатеринбургского горного начальства, откуда переводились в Берг-коллегию и Правительствующий Сенат. Положенную с заводов подать платили в Пермскую казенную палату.

С 1807 по 1848 годы заводами владели Петр и Павел Демидовы, пока не довели свои заводы до тяжелого финансового состояния. И тогда Суксунские заводы перешли в управление Товарищества Суксунских заводов — одну из первых акционерных компаний на Урале. В это время Федор Егорович Обыденнов служит в Суксунском, Уткинском, Тисовском, Невьянском заводах, поочередно назначаясь на ту или иную должность.

Бывая на заводах и выполняя свои работы, Федор Егорович не забывал записывать происходящее. Его дневниковые записи поведали нам много интересного о жизни Суксуна в то время.

К примеру, Петропавловское кладбище в Суксуне (ныне парк имени Золина) было заложено в 1795 году, а каменная Вознесенская церковь при начале строительства в 1790 году первоначально называлась единоверческой Христорождественской.

Если проследить хронологию записей, то получается такая картина прошлого века.

«Разбитие заводской конторы от громового удара было в 1797 году.

Нашествие на Москву честолюбца Наполеона следовало в 1812 году, в то же время была комета, предзнаменовавшая нашествие Наполеона, ныне в Бозе почившего.

Александр Павлович I, Император Всероссийский, изволил следовать из Сибирского края в С-Петербург в 1824 году.

Пожар улицы Шахаровка (ныне К. Маркса) был в 1831 году, в котором сгорели 45 житеьских домов, в том числе дом господский».

В этом же дневнике встречаются и такие интереснейшие записи, касающиеся Суксуна:

«Его Величество принц Лейхтенбергский Максимилиан в 1845 году в путешествии своем посетил Суксунский и Бымовской заводы, в первом при крещении у господина заводовладельца Павла Григорьевича сына, Александра Павловича, был крестным отцом.

Пожар в Суксунском заводе на Заречной улице (Роговик) был в 1845 году, от коего подверглось пламени 38 домов.

В 1846 году в Суксунском заводе существовал сильный падеж рогатого скота...

В 1847 году Благовещание было на третий день Пасхи, т. е. во вторник, а Пасха была — первый день 23 марта.

Священие в Христорождественском Храме придела великомученицы Екатерины было в Троицу 22 июня 1849 года. В этот день был дождь с юго-западным ветром»...

А вот записи, рассказывающие о служебных назначениях Федора Егоровича. В 1851 году его направляют на работу в Уткинский завод. В дневнике появляется надпись:

«1 числа мая получил предписание поступить из Тиса в Уту в приказчики, где, сдав завод до время прибытия настоящего приказчика Фадея Бобылева, отправился 4-го и прибыл сюда 6-го. Должность принял 7-го числа. Это распоряжение и выступление мое в Уту

последовало по воле господина управляющего подполковника Михаила Ивановича Фелькнера».

О службе Федора Егоровича на Уткинском заводе сделано много любопытных записей, которые касаются постройки новых домен, выплавки чугуна, отправки караванов по реке Чусовой.

Октябрь 1851 года.

«1 октября выдута домна № 1, которая действовала 269 суток. Выплавлено чугуна 192866 пудов»...

Апрель 1853 года.

«22 апреля пущены вновь выстроенные два кричных горна контуазским способом».

Июль 1854 года.

«11 июля заложение под домну фундамента при Богослужении Господу Богу, Пресвятой Богородице, Николаю Чудотворцу и пророку Илие. Молебствие с водосвятием священника Иннокентия Козельского. Домну назвали Ильинской в честь святого пророка Илии»...

Еще одна любопытная запись, сделанная в июне этого же года.

«Бывши ныне в Суксуне 26 числа, т. е. в субботу, заложил при отслужении молебствия через о. Николая Попова с водосвятием Богородице, Святым апостолам Петру и Павлу, святителю Николаю Чудотворцу дом полукаменный, на углу против саду, в соседстве по улице Казапату — с Филиппом Корзухиным, по Глинской — Николаем Исааковичем Щербининым. Под четыре угла положено по 20 копеек серебряных денег».

Во время рабочих переездов с завода на завод с Федором Егоровичем приключались разные истории. Об одной из них он повествует в своих записях.

«...В 1854 году 14 числа, месяца июля, в 5½ пополудни выехал в Суксун обратно, приехал 19 числа в 4 часа утра. В эту поездку, ехавши обратно и бывши уже около реки Малой Шайтанки, по неосторожности кучера экипаж мой навалился в ров, причем я пал в оном вертикально на землю головой и был под повозкой тащен самым быстрым бегом лошадей 20 или 30 сажений. Но, к счастью, ничего, кроме головы и левой руки, и то не сильно, душевредно не ушиб».

Федору Егоровичу приходилось довольно часто ездить с завода на завод. Дороги для проезда в заводы были небезопасны, а где-то их и вовсе не существовало. Невероятно плохо было ездить, особенно в распутицу и зимой. От губернского города к уездному дорога именовалась большой столбовой, а между городами лежала уездная

дорога. Население каждой местности свою часть дороги содержало в исправности и порядке. Земский исправник весной и осенью объезжал их для обозрения порядка. Дороги поправлялись и в зимнее время. Особенно опасной становилась езда в зимнее время, когда бушевали бураны и метели, стояли лютые морозы. Нередко путники сбивались с пути и замерзали. Чтобы избежать этого, волостными правлениями было предписано: по обе стороны дорог, лежащих в безлесных местах, ставить для указания пути вехи в два-три аршина из хвойного или лиственного лесу.

За хорошую службу Федор Егорович неоднократно награждался ценными подарками и наградами. Об этом он также пишет:

В 1849 году июня 12 числа в воскресенье по благоволению господина управляющего Михаила Ивановича Фелькнера получил в награду 25 рублей серебром».

Ноябрь 1851 года.

«8 ноября, бывши в Суксуне, получил от господина управляющего Михаила Ивановича Фелькнера подарок: на сюртук хорошего сукна».

Октябрь 1852 года.

«...за усердие к службе получил награды 50 рублей серебром и для служащих 130. Всего 180 руб.».

По дневниковым записям прослеживаются события рождения детей Федора Егоровича. Трудно сказать, сколько их родилось и сколько осталось в живых, но в самом дневнике упомянуты восемь имен детей Обыденновых.

Вот одна из записей. Сентябрь 1853 года.

«14 сентября в 7 часов пополудни родилась дочь Любовь, о чем я был извещен через нарочного...»

Март 1853 года.

«27 марта был на исповеди с женой и дочерью Агриппиной, 8-летней, которые кроме меня были 28-го у Святаго Причастия».

Из этих же записей известно, что отец Федора Егоровича, Егор Иванович Обыденнов (Морозов), родившийся в 1786 году, был похоронен в Нижнем Тагиле.

Май 1854 года.

«Был в г. Екатеринбурге, оттуда поехал в Нижний Тагил на высокогорный рудник. Там на могиле своего родителя поставил чугунный памятник с таковой же оградой».

Читаешь старые дневниковые записи, и приходят на ум слова пушкинского героя: «Минувшее проходит предо мною ...». Разве мог

Федор Егорович подумать, что его личные записи сохранятся надолго и станут ценнейшим документом из прошлого!

Ф. Е. Обыденнов по сословию — государственный крестьянин, получивший хорошее образование. Судя по его службе на заводах, по его личной библиотеке, записям в дневнике, чертежам, он был выдающимся человеком для своего времени. А сколько он положил трудов для заводских предприятий, куда его посылали на работы! Его записи сделаны грамотным и уверенным почерком. Можно сказать также, что этот человек, будучи очень набожным, отличался внутренней культурой, аккуратностью. В его записях встречаются изречения великих мудрецов — от царя Соломона до греческих философов, — пословицы, поговорки, переписанные религиозные тексты и наставления.

«Кто правду хранит — того Бог наградит. Не всегда говори, что мыслишь, но мысли, что говоришь. Делай больше, а говори меньше. Бога бойся, Государя почитай».

Аще кто хочет много знать, тому подобает мало спать, поутру рано вставать, Господа Бога на помощь призывать, отца и мать почитать».

Федор Егорович прожил достойно 77 лет. Его сын Николай (1840 – 1912) пошел по стопам отца. Дело землемеров-топографов продолжили их внуки. Удивительна судьба этого славного рода, потомков которого жизнь разбросала по разным городам и селам. А память о предках осталась лишь в пожелтевших фотографиях и документах. И на могильных камнях...

ПРО ПАРХОД И КОЛОКОЛЬЧИК

Сороковые–пятидесятые годы девятнадцатого века в Суксун-заводе насыщены интересными событиями. Одно из них — постройка и запуск в действие по реке Сылве парохода с железным корпусом. Урал находился далеко от рынков сбыта и был особенно заинтересован в развитии речного транспорта. Известно, что в 1815 году британец К. Берд создал первый в России пароход, который начал курсировать между Петербургом и Кронштадтом. Паровые плавающие большие боты появились на Пожвинских заводах В. А. Всеволожского. На них доставляли товар в Казань, но... весенний ледоход раздавил суда.

А в 1845 году в Суксуне был сделан пароход с железным корпусом, названный «Никита Демидов» в честь основателя знаменитой дина-

стии заводчиков. Необычное зрелище наблюдали жители завода, когда пароход спускали на воду речки Суксунчик. Думали — потонет. А он поплыл и ушел в свое большое плавание! Пароход имел две паровые машины мощностью 40 лошадиных сил и металлический корпус. Это был первый железный пароход в России. Он обслуживал заводы Суксунского горнозаводского округа. С Сылвенского и Староуткинского заводов в Суксун везли железо, грузили на баржу, и пароход тащил баржу до пристани Левшино на Каме. Хозяева решили упростить дело и пустить «Никиту Демидова» из Суксуна вниз по реке Чусовой прямо в Старую Утку. Но такой переход суденышку оказался не по силам. За 24 дня пароход прошел вверх по Чусовой двести верст. На Вашкурском переборе (возле бойца Гребешок) его снесло течением и ударило о проплывающую мимо барку. Попытка подняться по Чусовой ни к чему не привела. После этого отремонтированный пароход ходил только по Сылве, Нижней Чусовой, Каме и Волге. А у суксунских жителей остались о нем лишь воспоминания.

В 1847 году действующие Суксунские заводы Петра и Павла Демидовых переживали критический момент — резко упали цены на Нижегородской ярмарке, где уральцы сбывали свою продукцию. Предприятия оказались в губительном положении, да и сами господа стали должниками своих кредиторов. Чтобы спасти заводы от разорения, в 1848 году было создано Товарищество Суксунских заводов — первая акционерная компания на Урале.

Был утвержден основной капитал Товарищества в размере двух миллионов рублей серебром, в котором доля собственности бывших владельцев лишь несколько превышала восьмую часть. Демидовы закрепили за собой право обратного выкупа заводов через 12 лет. Управляющим Суксунским округом был назначен горный инженер Михаил Иванович Фелькнер. В это время на заводе начинается техническое перевооружение: в 1849 году введен контуазский способ выделки железа, в 1857 году — пудлинговый, в результате чего выпуск железа увеличился. Одновременно горный инженер Фелькнер адаптировал к уральским условиям новый тирольский способ выжигания древесного угля, получивший после этого название «новый суксунский». В результате этих опытов количество угля значительно увеличилось, заводские дела пошли в гору.

Жизнь Суксунского угорнозаводского округа была заполнена не одним промышленным производством. В Суксун-заводе, расположенном далеко от столичных и губернских городов, время шло тихо

и размеренно, и каждое необычное и новое событие воспринималось жителями с большим интересом. Взять, к примеру, случай с замерзшим в феврале 1852 года на Верх-Суксунской горе ямщиком Пермской конвойной роты Иваном Макаровым. Известно, что знаменитый романс Александра Гурилева «Однозвучно гремит колокольчик» был написан именно на его стихи.

Родился Иван Иванович Макаров в 1821 году далеко от наших мест — в Сиве, был крепостным помещика А. Всеволожского. В семье его родителей появились на свет 12 детей, но многие из них умерли в младенчестве. Азы грамоты еще в детстве Ивану привил дьячок местной церкви. С молодости Макаров увлекся рифмами. В 1843 году за сочинительство едких стихов про помещика был отдан в солдаты. Находясь на службе в губернском городе Перми, Иван Макаров получил известие о тяжелой болезни матери и бежал в родной дом, в Сиву. В наказание его впоследствии приписали ямщиком в Пермскую конвойную роту. Вскоре за усердие и грамотность даже повысили в должности, он стал старшим ямщиком. Вместе с конвоем ссыльных в Сибирь Макаров совершает дальние поездки.

Грамотный поэт-ямщик сопровождал этапы заключенных от Перми до Тюмени и Томска. Он был поэтом-самоучкой и оставил после себя немало стихов, написанием которых занимался систематически. На тысячекилометровом пути по Уралу и Сибири рождалось много стихов, из которых многие посвящены родной Сиве, любимой девушке, ямщицкому колокольчику, сопровождающему своим звоном дальнюю дорогу, с которым он часто «разговаривает», как с собеседником.

*...Мы вернемся с тобой из Сибири,
Но, а те, что у нас впереди,
Те простились на веки с Россией,
Им обратно уж нету пути...*

По трагической случайности в сильную метель и мороз Макаров, проезжая через наши края по Сибирскому тракту, замерз. Куда он держал путь и с кем — никто уже не скажет. Но в одном из его стихотворений есть слова, как бы сказанные от имени колокольчика: «Ты под звон мой в дороге замерзнешь...» — они оказались пророческими.

Сохранился документ Пермской конвойной роты такого содержания: «Лекарь Суксунского, Его сиятельства Павла Демидова

завода доносят, что Ивашка Ивашкин, сын Макаркин — старший ямицк Пермской конвойной роты, доставленный повелением его благородия Сорокиным, Божией милостию до Суксуна помре». И подписи под документом: «Лекарь Собакин руку приложил. Портомой Тришка палец приложил. Февраля, 10 дня 1852 в день Преподобного Трифона Печерского».

Трагически сложились судьбы у всех Макаровых. Отец Ивана тоже замерз в дороге. Из близких родственников Ивана Ивановича на время его смерти оставались в живых его мать и братья. Софрон Иванович Макаров в 1860 году был затравлен собаками Всеволожского — за рассказывание холопам «про их сиятельство стихов непристойных». Макар Иванович, к сожалению, тоже погиб — на Шипке в 1877 году. Его сын Николай Макарович, 1875 года рождения, был участником русско-японской и Гражданской войны. Получил ранение, стал инвалидом, но и на пенсии работал табельщиком на станции Верещагино Пермской области. Семьи у него не было. Род Макаровых прервался. А имя Ивана Макарова стало известно не только в Суксуне, но и по всей России. Ведь вот уже больше 150 лет «гремит» его колокольчик в романсе Гурилева с концертных и оперных сцен.

КРЕЩЕНИЕ КАНТОНИСТОВ В СУКСУН-ЗАВОДЕ

При управляющем Фелькнере в Суксун-заводе произошло еще одно, до этого невиданное событие. В октябре 1854 года в Вознесенскую церковь привезли 30 еврейских мальчиков, кантонистов Пермского батальона, для совершения над ними таинства Святого Крещения. С чем это было связано и почему именно в Суксуне — остается пока неизвестным. Возможно, господа и владельцы Суксунского завода хотели как-то выслужиться перед царским правительством?

Суксун встретил бедных еврейских детей дружелюбно, и сразу им нашлись влиятельные крестные с женской и мужской стороны, взявшие их под свою опеку. Кантонистами были: Лейба Герц Горин, 14 лет; Гирш Капельович, 13 лет; Ошер Менсович, 15 лет; Янкель Энус, 15 лет; Арья Лapidус, 14 лет; Янкель Гуральник, 13 лет; Даниель Темкин; Моисей Новиков, 17 лет; Меер Капланский, 13 лет; Самуил Дубровский, 13 лет; Меер Ризанский, 13 лет; Янкель Смаплаковский, 13 лет; Берка Динькович, 13 лет; Меер Шуб, 12 лет; Израиль Нахимович, 17 лет; Манус Рукавицкий, 16 лет; Мордух Гиршпан, 15 лет;

Вульф Гиршович, 14 лет; Неух Лабчинский, 14 лет; Гирша Велицкий, 17 лет; Хаим Шицголь; Рубин Масевичкий, 15 лет; Гирш Цалькович, 15 лет; Гиршон Зимальович, 16 лет; Геля Дерчин, 15 лет; Берка Гешпелев, 15 лет; Ицко Насончук, 17 лет; Вигдор Вигдорчик, 12 лет; Элья Райхильсон, 14 лет.

Известно, что царь Николай I в те времена требовал присылать ему ежемесячные рапорты о количестве евреев, обращенных в православие, хвалил и награждал орденами за усердие или порицал отстающих. В церковном документе из Метрической книги за 1854 год сказано о том событии так: «...сим удостоверяем Суксунского завода священников Николая Попова и Андрея Петрова в присутствии поручика Каплина, что имеем непринужденное желание принять Святое Крещение и обещаемся пребывать в послушании Православной Кафолической Восточной Церкви всегда неизменно».

Так ли оно было на самом деле? Каким путем еврейские мальчики, исповедующие до этого иудаизм, дали такое согласие? Об этом можно только догадываться. Но всех их крестили при многочисленном стечении народа в Вознесенской церкви. Если учесть, что кантонистов приехало 30 человек и у каждого было по двое крестных родителей, плюс горное начальство и священники, то зрелище получилось для Суксуна запоминающееся! Откуда же взялись тут еврейские мальчики?

В конце XVIII века в результате трех разделов Польши в число подданных Российской империи влилось миллионное еврейское население. На протяжении более чем двухсот лет евреи в России подвергались открытой дискриминации, служили объектом для различных экспериментов правительства, зависти обывателей и религиозной нетерпимости. С 1791 года была установлена так называемая черта оседлости, за пределами которой евреям запрещалось жить. Власть закрывала им доступ к государственной службе, устанавливала процентную норму при поступлении в высшие учебные заведения и гимназии.

Урал — край горнозаводской, на землях которого было немало важных объектов: рудников, заводов, приисков. Он также считался местом, недопустимым для жительства евреев, так как в первой половине XIX века там проходила Оренбургская укрепленная линия, отделявшая Российскую империю от племенных объединений казахов. Запрещая евреям появляться на Урале (районе, не входившем в «черту оседлости»), главный акцент правительство делало на запрете

присутствия евреев на горных приисках и заводах. Однако представители местной горной администрации терпимо относились к служащим на заводах евреям. В худшем положении оказывались ремесленники и мелкие торговцы, поскольку находились в ведении пермского губернатора и его чиновников.

Урал был краем многоконфессиональным. К тому же здесь уживались и политические ссыльные, и раскольники, и преступники, и местное коренное население. В таком смешении народностей и религий на небольшую горстку евреев никто особо внимания не обращал. Еврейское население на Урале мирно сосуществовало с остальными жителями. Проявлений открытого антисемитизма не наблюдалось вплоть до 1905 года.

До 1830-х годов евреев на Урале было немного. Первое по-настоящему массовое появление евреев на Урале связано с указом Николая I о введении воинской повинности для евреев. Помимо обычных юношей, достигших призывного возраста, из евреев стали набирать и кантонистов — мальчиков с 12 лет. Их определяли в специальные батальоны, подальше от родных мест. По достижении 18-летнего возраста их отправляли на 25-летнюю службу. Эта трагедия, подарившая Уралу первые еврейские общины, продолжалась почти 30 лет.

Российские евреи жили обособленно в черте оседлости, резко отличаясь от других народностей своей верой и самобытностью, своим автономным управлением. Это вызывало желание властей подогнать их под общий ранжир для скорейшего достижения единообразия. Для быстрейшего «уменьшения евреев» в государстве и обращения их в православие правительство решило ввести рекрутскую повинность, от которой евреи до этого освобождались. Особо было рассчитано на то, что еврейские подростки-кантонисты быстрее перейдут в христианство, поскольку дети легче поддаются перевоспитанию.

Батальоны и вообще как таковые школы кантонистов были основаны в России в 1805 году первоначально для солдатских детей. После туда стали посылать не только детей солдат, но и малолетних бродяг, подкидышей, цыган и пр. Пополнили ряды кантонистов и дети евреев.

В 1814 году в Перми было открыто военно-сиротское отделение, рассчитанное на шестьсот человек. В 1826 году его преобразовали в батальон военных кантонистов, или 3-ю учебную бригаду, рассчитанную на две тысячи человек. Сюда в итоге стали привозить еврейских мальчиков, которые становились кантонистами, а впоследствии, как уже сказано, определялись на 25-летнюю службу в армию.

Годы пребывания в кантонистах не засчитывали в армейский срок. Оторванные от своих семей еврейские дети, перевезенные за сотни километров от родных мест, испытали все горести жизни. Их отправляли в те губернии, где вообще не было еврейского населения. От Украины до Сибири путешествие длилось около года, и дети страдали в дороге от лихорадки, вшей и чесотки, большинство умирало, а солдаты не могли им помочь даже при желании, т. к. не понимали языка.

Русский писатель Александр Герцен так описал свою встречу с этими детьми — осенью, под холодным дождем, на этапе возле города Перми: *«Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасающих зрелищ, которые я видал — бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще кой-как держались, но малютки восьми, десяти... Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких, толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами показывали лихорадку и озноб. И эти больные дети без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого моря, шли в могилу».*

Фактически их забирали далеко не с 12-летнего возраста, порою действительно брали и восьми-, и десятилетних. В первую очередь в рекруты попадали мальчики-сироты, дети вдов и бедняков.

В Пермском батальоне крещение кантонистов проводилось настолько успешно, что сюда переводили еврейских детей, не поддающихся наставлениям армейских миссионеров из других батальонов. Военный начальник Данчевский и Пермский архиепископ Аркадий выдвигали свои, новые методы обращения евреев в христианство и не раз удостаивались Высочайшего внимания и наград.

В 1836 году в Пермском батальоне был крещен Пинхус Райчик, ставший Михаилом Афанасьевым, впоследствии известным учителем чистописания. Среди его учеников был и Иван Григорьевич Каменский — крупный заводчик и общественный деятель Перми. Впоследствии Каменский с благодарностью и уважением вспоминал своего наставника. До конца жизни он хранил подаренную ему в детстве учителем Афанасьевым книгу — «Рассказы о земле».

Крещеные кантонисты обретали льготы и впоследствии могли проживать в любой местности. Хотя отношение к крещеным евреям не всегда было дружелюбное. Кто-нибудь да напоминал им:

«Жид крещеный, что волк кормлёный». Но те, кто не принимал христианство, преодолевали большие трудности. Нередко крещенные насильно в малолетнем возрасте дети позднее вновь переходили в иудаизм. Ведь только так они могли остаться евреями, сохранить свою национальность, традиции и обычаи, не раствориться в толпе.

Еще раньше, чем в Суксун-заводе, с еврейскими мальчиками познакомились жители села Ключи. В 1833 году в этом селе, расположенном в 18 километрах от Суксуна и в то время еще не так, как сейчас, известном своими целебными сероводородными источниками, неизвестно по какому случаю из Пермского батальона было доставлено около сотни кантонистов, которые явно нуждались в лечении. Журнал «Урал» за 1917 год писал: «...*Дурные гигиенические условия крестьянских жилищ, плохое питание имели последствием то, что многие кантонисты «запаршивели»: тело покрылось язвами и зловонными струпами, глаза слезились. Солдатам было приказано ежедневно купаться в горячих кадушках с водой из Ключевского источника. Через месяц они вылечились».*

Доктор Суксунских заводов Александр Щербаков, изучая сероводородные Ключевские источники, тоже (со слов жителей) зафиксировал пребывание кантонистов в Ключах в своих записках: «...*разместили их в селе по квартирам, а для принятия ванн выстроили близ Ильинского ключа небольшую избу. Несмотря на то, что кантонисты после принятия ванн уходили домой босиком, серные воды все-таки взяли свое, и почти все получили облегчение».*

Можно сказать, что это было первое пришествие евреев в наши места — разумеется, не по своей воле. А второе пришествие совершилось через каких-то 20 лет!

Крещенные в Суксунской Вознесенской церкви кантонисты еще долго не знали русского языка и христианских молитв. Всем тридцати крещенным в Суксуне кантонистам Пермского батальона фамилии оставили свои, но дали христианские имена и отчества по имени восприемников. Так, Лейба Горин стал Павлом, Гирш Капельович — Николаем, Ошер Менсович — Максимом, Арья Лапидус — Самуилом и т. д.

Восприемниками кантонистов вызвались быть суксунские жители и горное начальство. Несколько мальчиков взяли под свою опеку горный инженер, подполковник М. И. Фелькнер, и его жена. В числе восприемников также значились служащие Суксунской заводской конторы: В. М. Попов, И. И. Васильев, П. Я. Кузнецов, И. В. Гилёв и пр.,

мастеровые: Н. А. Утемов, Ф. Д. Блохин, а также их жены и дочери, которые проживали в Суксуне.

Не известно, как сложилась дальнейшая судьба новоиспеченных христиан. Вероятно, сердобольные суксунские восприемники не бросили на произвол судьбы своих крестников. Ведь они были отданы на попечение христианам, и возвращать таковых домой запрещалось. Да и возможно, что многие из них были круглые сироты. Об этом, к примеру, свидетельствует такой факт. Некого 12-летнего Вигдора Вигдорчика, ставшего после крещения Федором Ильичем Вигдорчиком, взял себе в восприемники тридцатилетний Илья Степанович Попов, служитель Суксунской заводской конторы. Связь крестника и его восприемника не прерывалась 20 лет! В 1874 году уже 32-летний Федор Вигдорчик, будучи тогда рядовым солдатом царской армии, повенчался в Суксунской Вознесенской церкви с девицей Анной Ионовной Утемовой. Поручителем по жениху был сын И. С. Попова, которому Вигдор-Федор приходился неродным братом. От этого брака родился сын Михаил, крещенный в этой же церкви в 1875 году. Восприемниками младенца Михаила стали вновь родственники Поповых.

Крестный Федора Вигдорчика, Илья Степанович, умер в Суксуне в 1900 году в возрасте 75 лет. Интересна история с его мраморным надгробием, которое находилось на первом приходском кладбище за Петропавловской церковью. Когда кладбище закрыли, и в 1950-е годы там устроили стадион, надгробия покоившихся на кладбище, давно умерших заводских жителей растащили по всему Суксуну, уничтожили, использовали как камни для строительства. Каким-то образом несколько могильных камней попали в ограду дома Каменского, где в то время уже находилась школа. Рассказывали, что могильные камни и часть кладбищенской решетки привез сюда учитель Н. Г. Малелин, чтобы отгородить палисадник у Дома Каменского (тогда в нем размещалась школа). А из самой плиты учащиеся сделали небольшой фонтанчик...

Мраморное надгробие служителя заводской конторы Ильи Степановича Попова более 50 лет простояло в центре села, за коваными воротами. Каждое лето возле него распускались цветы, которые у «фонтана» сажали местные школьники. Так и вошло в традицию — вокруг памятника ежегодно сажать цветы. У некоторых жителей сложилось впечатление, что здесь и на самом деле кто-то похоронен. В настоящее время каменный памятник И. С. Попова стараниями граждан вновь перевезен на старое кладбище — в парк Золина.

К сожалению, дальнейшую судьбу крещенных в Суксуне еврейских мальчиков узнать не удалось. Возможно, их потомки живут и среди жителей Суксуна. Ведь после того как батальоны кантонистов перестали существовать, воспитанники распоряжались своей судьбой сами. А кто уже успел попасть на царскую службу — несли ее четверть века.

В 1855 году царствование Николая I закончилось, и на смену пришел царь-реформатор Александр II. Уже в 1856 году еврейских детей перестали забирать в кантонисты. Постепенно в Суксуне забылись события 1854 года. Лишь в Вознесенской церкви еврейско-православные крестники молились о родителях-восприемниках. А может, кто-то и до сих пор поминает их «за упокой», как своих прародителей, не ведая всей своей родословной?

Пройдет 87 лет, и летом 1941 года в наши края совершится третий приход евреев. Сюда будут эвакуированы сотни евреев из Белоруссии — рабочие и служащие Витебской очковой фабрики. Отзывчивые суксунские жители в грозные годы Великой Отечественной войны примут эвакуированных граждан, поделятся с ними жильем и едой. А рабочий поселок Суксун для многих евреев станет второй родиной.

СТРАЖИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЛАГА

Что представляла собой медицина в деревнях и селах до революции — легко себе представить. Можно сказать, до земских преобразований ее почти не существовало. А если и была, то в основном народная — травы, баня и заговоры. Врачей деревенскому люду иметь не полагалось, а для помещичьих крестьян вообще не было организовано никакой медицинской помощи. Лишь для крестьян государственных и удельных кое-где нанимали фельдшеров. В больницу крестьяне обращались только в крайнем случае, т. к. это влекло за собой трату денег. Больница часто ассоциировалась со смертью и разорением. А как в старину лечились крестьяне в деревнях, наглядно рассказал нам Н. А. Некрасов в поэме «Мороз, Красный нос». Смертельно простудившегося крестьянина Прокла Севастьяновича то обливают «водой с девяти веретен», то водят в жаркую баню, то окунают в ледяную прорубь и кладут под куриный насест, то продевают через потный лошадиный хомут. А ворожеи шепчут и трут заболевшего. Какой-то Федя советует подложить крестьянина под...

медведя, чтобы размял ему кости! В итоге молодой крестьянин умирает.

Заводам, в том числе и Суксуну, повезло больше, т. к. при них всегда имелись собственные госпитали и врач. Все уральские заводчики стремились иметь практически при каждом заводе лечебницу или хотя бы аптеку. Стимулировало развитие заводской медицины и постановление «Горного Положения» 1806 года, определившее в качестве правила иметь больницу при превышении 200 человек рабочей команды. Время не сохранило имен и фамилий первых заводских лекарей и докторов, но кое о ком память осталась навечно.

В 1860 году в Суксунском заводе появляется молодой врач Александр Петрович Щербаков, дворянин по происхождению, выпускник медицинского факультета Казанского университета. С именем доктора Щербакова (1834–1869) связано открытие сероводородной иловой грязи в суксунском пруду (1865 г.), описание сероводородных Ключевских источников и применение их для лечения заболеваний, а также развитие курортного лечения в крае. В 1865 году Щербаков, используя сероводородные воды села Ключи, открывает там курзал (дом для принятия водного лечения). Как врач, хорошо знакомый и с химией, он описал действие этих вод на организм человека и животных. Приводил в пример варианты приема воды больными внутрь и использования ее для ванн, составил длинный список болезней, от которых можно, по его мнению, лечиться на водах.

А вскоре, в 1867 году, в Суксуне он создал уникальную лечебницу минеральных вод, которую и содержал на свои средства. Это лечебное заведение Щербакова находилось в сосновой роще. Благоприятные условия и свежий хвойный чудодейственный воздух действовали на приезжающих великолепно. Сюда, лечиться «на водах», в летнее время стремились люди с разных губерний. Причем получали исцеление даже совершенно глухие! Лечение в заведении производилось кумысом, аппаратом сгущения воздуха, минеральными водами и грязью, находящимися в Суксунском заводе и его окрестностях, ключевской серной, красноярской соляной и морозковской железной водой. Больные съезжались сюда как по своему усмотрению, так и по совету самого Щербакова. Некоторых направляли врачи из Перми, Кунгура, Красноуфимска, Оханска и других мест. Сыграли свою роль и публикации об открытиях, которые совершил Александр Петрович. Надо отметить, что неимущие больные получали лечение у Щербакова бесплатно.

В суксунском сосновом бору ...был устроен парк, где больные проводили наибольшую часть дня: играли в кегли, прогуливались... При лечебном заведении состояло 20 кобылиц для сбора молока. Обслуживанием заведения занимались 44 человека. Больные жили в номерах лечебницы или домах суксунских жителей. Ванны они принимали в банях при некоторых домах. В свободное время больные посещали святые места: Тохтаревский монастырь, Ключевскую и Суксунскую церкви, церковь в селе Торговище. Имели возможность охотиться, ходить по грибы и ягоды. Из кунгурской общественной библиотеки можно было получать по требованию книги и журналы, заплатив за их доставку. В сезон 1867 года в Суксун съехались со всей империи — из Петербурга, Казани, Киева, Ярославля, Иркутска, Тобольска, Сарапула, Перми, Екатеринбурга, Верхотурья, Камышлова, Оханска, Кунгура, Красноуфимска, Нижнетагильского завода и с других мест Среднего Урала.

Щербаков был удовлетворен успехом курортных сезонов, он писал: «... быстрые проявления общественной жизни возможны не в одной Америке, которую мы так любим брать в пример, но и у нас в России». Александр Петрович был по натуре исследователь и экспериментатор, но, к сожалению, очень ранняя его смерть не дала довести многие дела до конца. В те годы многие врачи и фельдшеры уходили из жизни, заразившись от своих же больных либо производя какие-то лабораторные исследования с ядами или возбудителями инфекций. Щербаков, оказывая помощь туберкулезным больным, сам заразился туберкулезом и умер в 35 лет!

Профессиональная деятельность врача до революции — труд самоотверженных, избранных людей. Врач почитался в народе так же, как и учитель. В некрологе на смерть Щербакова врач В. О. Португалов писал: «Печальна же участь наших лучших людей. Незаметно для публики проходят эти потери. Она по обыкновению индифферентно безмолвствует. Но глубоко убеждена, что здешний край потерял в А. П. Щербакове честного и полезного деятеля, а наука потеряла в нем усердного труженика».

После смерти Щербакова в 1870 году в Суксунских заводах появился новый врач, ссыльный поляк Людвиг Фаддеевич Окинчиц (1835–1903). Он выкупил суксунское лечебное заведение у вдовы Щербакова Саломеи (в девичестве Козерацкой, дочери судебного следователя Генриха Козерацкого). Александру Петровичу в браке с красавицей полькой довелось прожить всего лишь 10 месяцев.

После смерти мужа 17-летняя Саломея осталась без средств к существованию. Судебный следователь Козерацкий, будучи прогрессивным человеком, дал разрешение врачам, друзьям Щербакова, провести анатомическое вскрытие товарища (что считалось в те годы недопустимым), в результате чего и была установлена причина смерти. Туберкулезный процесс образовался не только в легких, но проник и в кишечник. Возбудитель туберкулеза — палочка Роберта Коха, — как и туберкулин, противотуберкулезное средство, тогда еще не были открыты, и как происходит заражение коварной болезнью, люди не знали. Наука, именуемая тогда бактериологией, еще только зарождалась. Все старания екатеринбургских врачей помочь своему товарищу оказались бессильны в борьбе с таким могучим врагом.

То, что в Суксун-заводе существовал курорт, даже явствует из фотографий вековой давности. На фотографиях начала прошлого века четко красуются надписи: «Курортъ. Заводъ Суксунъ». Старики рассказывали, что лечебница под руководством Л. Ф. Окинчица действовала вплоть до начала XX века.

О лечебнице Окинчица сохранились уникальные воспоминания жителя Суксунского завода, Гавриилы Андреевича Маношина, 1854 г.р., записанные учителем химии Николаем Григорьевичем Малелиным в 1934 году.

«...Примерно в 1870 году и далее в течение пяти лет было гуляние в суксунской роще. Только летом. Приезжала издали аристократия. Устраивал все врач Окинчиц. Хороший был врач. Работал частно, сам от себя. Устраивал ванны, т. е. лечил ваннами. Воду возили из села Ключи, суксунского серного ключа, и из деревни Красный Яр — соленую воду. Возили воду в бочках (возчик Седельников Федор Федорович, его сын Михаил, теперь сапожник, живет по ул. Б. Сосновка), но этой воды серной, как из Ключей, так и из Суксуна, брали немного, примерно бочку (может быть, бочку), а большие из Красного Яра. Принимали ванны и гуляли в лесу, сосновом бору. В лесу были дорожки, которые усыпаны песком до самого Ближнего лога, в лесу была «светличка». Столовались больные там же, у Окинчица. Был повар, для больных питание готовили.

Значительная часть больных жили в камерах тут же, в общезимней у Окинчица, а многие больные жили на квартирах у граждан, но это те, кто по бедности. Столовались тоже у Окинчица. Съезжалось человек 60–70 и около сотни. Приезжали и из прочих держав, у Окинчица и останавливались. Была построена паровая машина,

грела воду. Окинчиц принимал больных и граждан завода Суксун и других у себя. Съезжались в мае месяце, с 1 мая, лето проживали, а уезжали к осени.

Точно не помню, сколько лет был Окинчиц, т. к. я уехал в Мотовилиху, где работал пять лет. Там отливали ступ для молота, работал на яму, где выливали ступ. Был я тогда лет 15. Сейчас мне 80 лет. Я работал [на яме] год и молотобойцем четыре года, потом на горнушко поставили, «делал крючочки», а потом работал уже кузнецом на ремонте (резцы наваривал и т. п.). Потом домой приехал. В это время гуляние и лечение еще было, так что всего было около десяти лет. Потом врач Окинчиц уехал, причина, почему уехал, неизвестна. Все лечение прекратилось. Строение досталось, видимо, заводскому управлению, т. к. все считалось господским. Затем Тиле все и откупил у заводоуправления. Он луга и многое захватил. Тиле уже никакого лечения не делал. У Окинчица в кабинете был скелет, помню, мы забегали мальчиками туда, и он предупреждал, чтобы не испугать нас».

Кстати, дом немца Тиле — мещанина города Перми, служившего в Суксунском заводе бухгалтером, до сих пор сохранился в Суксуне и находится в том месте, где некогда располагалось лечебное заведение Щербакова, а позже — Окинчица. Не исключено, что этот дом служил когда-то кровом для приезжающих на воды больных.

В 1870 году с 1 января (согласно Послужному списку) Окинчиц определяется врачом в Суксунский завод. Уже в 1871 году фамилия заводского врача Л. Ф. Окинчица фигурирует в журналах Красноуфимского земства и на страницах Метрических книг Суксунской Вознесенской церкви. Местное горное начальство и служащие неоднократно приглашают его в крестные своим детям, в свидетели на свадьбы. В том числе он крестный и у сына немца Э. А. Тиле.

Время появления Людвиг Окинчица на суксунской земле совпало с учреждением в 1870 году Красноуфимского уездного земства, органа местного самоуправления, которое заняло видное место в общественно-политической жизни России. В частности, Красноуфимское уездное земство навело порядок в медицинском обслуживании населения. В то время земство распределило территорию уезда между четырьмя имевшимися в уезде врачами на четыре сектора! Людвиг Окинчиц заведовал 2-м участком. С ним работали фельдшер Фролов и акушерка Кашина. Вместе они обслуживали волости: Суксунскую, В-Суксунскую, Златоустовскую, Торговищенскую, Сыринскую, Агафонковскую, Молебскую, Сылвенскую, Шайтанскую,

Уткинскую. Это 113 деревень и 47 422 человека. Также им помогали фельдшеры перечисленных участков: Недугов, Блохин, Крапивин, Синайский, Сулимов. Земские врачи были истинные гигиенисты, а не случайные врачеватели, они были хорошо знакомы с условиями местности своего участка, с гигиенической обстановкой местных жителей.

Только при таком всестороннем знакомстве с народной жизнью врачи понимали причины многих болезней, господствующих в той или другой местности. Добираться до больных приходилось в разных условиях. Заразные болезни — чахотка, скарлатина, оспа, тиф, другие инфекции, от которых часто умирали жители, — нередко уносили и жизни медиков. Врачи, бывало, работали без отпусков несколько лет подряд! В отличие от других губерний, в Пермской губернии была развита заводская медицина. Заводских врачей в годы введения земства насчитывалось до 28 человек. В губернии насчитывалось 70 заводских больниц и приемных покоев и около 860 коек в них.

Людвиг Фаддеевич (Сигизмунд Фаддей) Окинчиц был по происхождению поляк, католического вероисповедания. Родился он в 1835 году в Гродненской губернии. Окончил курс наук в Императорском Московском университете на медицинском факультете.

Советом Императорского Московского университета 14 июня 1862 года утвержден в звании уездного врача. Начал служить в Гродненской губернии, занимался частной практикой в Свислочи, где и имел место жительства. В 1863 году арестован за контакты с предводителем отряда польских повстанцев Казимиром Кобылинским. Был выслан на Урал в город Кунгур, где жил под надзором полиции. Здесь же, на Урале, он продолжал заниматься врачебной практикой. Поляки давно уже проживали на территории Урала. Были они и в Суксуне. Это и горное начальство, и учителя, и служащие Суксунзавода. Среди них встречались и врачи.

Как явствует из Послужного списка Людвиг Окинчица, он постепенно продвигался по службе, и Указом Правительствующего Сената за выслугу лет от 23 апреля 1881 года произведен в чин коллежского советника, а позже, в 1883 году, — в чин надворного советника.

К сожалению, подробности жизни ссыльного поляка на суксунской земле нам неизвестны. В «Приговорах Златоустовского волостного и Молебского сходов» записано: «...врач Окинчиц в продолжении 15 лет оказывал населению безвозмездную медицинскую помощь, отличаясь при своем усердии к делу полною внимательностью

в лечении бедного люда во всякое время, чем приобрел себе не только от заводского населения, но и от окрестных жителей, прибегающих к помощи г. Окинчица, полнейшую благодарность». За его полезную и оперативную службу Красноуфимское земство доплачивало ему 1000 рублей.

Семья заводского врача была большой: два сына и три дочери. Все родились в Суксунском заводе, но вероисповедания, как и его жена Евгения, были англиканского.

Доктор Окинчиц совмещал две должности: заводского и земского врача. Ему приходилось постоянно разрываться на все имеющиеся участки. Так, в одном из своих «Отношений» Земству он сообщает, что не поедет в Сылвенский завод для предупреждения тифа у населения, мотивируя это тем, что не может на произвол оставить своих многочисленных больных в Суксунском округе. Земство не имело средств открыть дополнительный участок или найти дополнительно самостоятельного земского врача, поэтому Окинчиц и являлся земско-заводским врачом. И резиденция такового была слишком далеко от Сылвенского завода. На Красноуфимский уезд в 1880-х годах приходилось 30 врачей и два ветеринара, 26 фельдшеров. Кстати, половина врачей в уезде носила польские, немецкие и еврейские фамилии.

Из отчетов доктора Окинчица мы узнаем, что в год он обслуживал в Суксунском участке до трех тысяч человек. Среди диагнозов заболевших был весь набор болезней. Только с тифом в 1882 году к нему обратился 31 человек! В этом же году население участка более всего пострадало от эпидемии скарлатины, которая распространилась от граждан, приехавших из Красноуфимска. Как пишет Окинчиц в отчете: *«Изолировать больных не было никакой возможности, и распространение эпидемии шло поэтому очень быстро... Смертность хотя и была очень значительная, но саму эпидемию нельзя причислить к злокачественным, так как самое большее число смертных случаев зависело от тех жалких гигиенических условий, в которых находились болевающие, и от индивидуальных причин».*

Почти все заводские поселки располагались в котловине, окруженной горами, по подошвам которых тянулись домашние постройки, на дне же находился пруд со стоячей водой. Все обычные источники заражения воды и воздуха продуктами человеческой жизнедеятельности действовали здесь в полной своей силе, т. к. все нечистоты с поверхности земли в области жилых мест смывались дождями в общий стоячий источник водоснабжения — заводской пруд.

Трудно было врачу убедить людей в важности тех мер, которые предпринимались во время эпидемий. Это были первые шаги к доверию больных. Особенно было трудно бороться с эпидемией оспы. Еще труднее было бороться с повсеместным невежеством народа. Ведь те же жители села Ключи долго противились созданию на их водах лечебного заведения. Щербакову и Окинчицу пришлось убеждать народ, мотивируя тем, что содействие приезжающим может стать их делом и подспорьем к семейному бюджету. Ведь приезжающие на курорт жили и столовались у ключевских крестьян за деньги.

Доктор Окинчиц постоянно поднимал в земстве вопросы о гигиене населения, о найме квартир для участковых фельдшеров, которые принимали на дому в непригодных помещениях. Зачастую их врачебные инструменты просто валялись по квартире. Также Окинчиц требовал от земства походные аптечки для каждого фельдшера, поскольку больных приходилось принимать на выездах. В Суксуне, к примеру, к приезду Окинчица был один ветхий госпиталь на 25 коек и одна аптека.

«Недостаток больничного лечения с каждым годом все более и более дает себя чувствовать...» — писал врач в своих отчетах земству.

За особые заслуги Государь Император в 1886 году наградил суксунского заводского врача орденом Станислава 3-й степени. В 1887 году Людвиг Окинчиц переехал на жительство в Кунгур, куда его пригласили на должность врача. Позже он был членом Пермского статистического комитета. Но суксунская лечебница Щербакова — Окинчица просуществовала до 1898 года! В книге «Урал» за 1917 год о лечебном заведении Окинчица в Суксуне сказано: *«Преемником Щербакова явился доктор Окинчиц. Его попытки устроить в Суксуне настоящий курорт первоначально имели успех. В распоряжении его оказалось громадное, удобное для больных помещение, аппарат для лечения сжатым воздухом, хорошо устроенные ванны, добропорядочная в медицинском отношении постановка лечения. В Суксун на летнее время приглашался для развлечения больных оркестр музыкантов. Однако с годами дело Окинчица начало падать, съезд больных уменьшился, а сам инициатор все более терял энергию, силы в борьбе с невежеством ключевлян и их враждебным отношением. В 1898 году Окинчиц закрыл лечебницу»* А ведь здесь когда — то применялись экспериментальные новейшие методы лечения больных — гидроферные вдыхания и фарадизация, т.е. лечение электрическим током.

Благодарные суксунские жители в год отъезда — в 1887 году — Окинчица из Суксуна подарили ему красивейшую серебряную кружку с дарственной надписью (она недавно была выставлена на антикварном аукционе и стоила 700 000 рублей!) и Памятный адрес, где поставили свои подписи люди разных сословий. *«...Разставаться со знакомым, любимым и уважаемым человеком вообще тяжело, а в Вас с отъездом Вашим от нас мы утрачиваем, глубоко и душевно уважаемый Людвиг Фаддеевич, нашего благодетельного друга врача! 18 лет Вы жили среди нас и во все это время — днем и ночью, Вы явились скорым помощником и облегчителем наших страданий, и это, положив руку на сердце, вспомнит и скажет со слезами сердечной благодарности и старый, и малый.! ...Разставаясь с нами, не отрясите прах с ног Ваших и не забывайте нас, наш дорогой друг — врач! Вы же и дорогие дела Ваши долго, долго не изгладятся из памяти суксунцев, и приносимый как дар, в сооружении которого с сердечной готовностью принимал участие и бедняк своей лептой, да послужит Вам вещественным памятником о глубоко благодарных суксунцах».*

Людвиг Фаддеевич умер 15 апреля 1903 года от рака, не дожив и до 70 лет. Его могила в данный момент сохранилась и находится на территории пермского Некрополя, на католическом кладбище. Врачебным делом занялся и его сын, Людвиг Людвигович Окинчиц, который родился в Суксунском заводе в 1874 году. Здесь прошло его детство, а по окончании Пермской гимназии в 1894 году он поступил в Военно-медицинскую академию. Окончив ее в 1899 году с отличием, начал работать врачом в знаменитой Обуховской больнице Санкт-Петербурга. В 1903 году получил звание доктора медицины.

Людвиг Людвигович был известен в России как выдающийся онколог-гинеколог, который впервые в 1933 году поднял вопрос о профилактике и активной борьбе со злокачественными опухолями. Людвиг Людвигович уделял большое внимание такой повсеместной женской проблеме, как преступный аборт, боролся с этим явлением. В советское время в 1922 году он был назначен главным врачом Петербургского роддома № 6, при котором благодаря его стараниям была создана женская поликлиника. Л. Л. Окинчиц развил в стенах родильного дома большую оперативную деятельность: создал хирургическую школу, усовершенствовал лабораторные методы обследования, им была организована мито-генетическая лаборатория. С 1935 года в роддоме стало применяться медикаментозное обезболивание родов. В 1936 году даже открылось онкологическое отделение.

Надо сказать, что до сих пор в акушерской практике в целях профилактики послеродовых кровотечений используется метод бережного ведения послеродового периода при ручном отделении последа, названный медиками «рукав Окинчица».

Немало было заслуг на счету доктора Людвиг Людвигович Окинчица. Жизнь его оборвалась в блокадном Ленинграде в 1942 году. Судьба остальных детей Людвиг Фаддеевича остается пока неизвестной.

День и ночь журчат и бурлят сероводородные ключи и местные целебные источники! Дело наших славных врачей, несмотря на все трудности жизни, не пришло в упадок, а продолжается. Вот уже с 1920-х годов жители района имеют специализированный санаторий Ключи, который тоже принимает больных со всех уголков России и даже иностранных гостей. Но мало кто интересуется: а с чего ж все начиналось?!

Хочется верить, что современные врачи достойны своих старинных героев и берут их жизнь в пример для подражания. И чтобы простой народ в своем отчаянии и разочаровании в лечении не называл современных медиков «помощниками смерти». А ведь все чаще, судя из вестей и новостей, так происходит.

Среди старых докторов не было случайных людей. На таких подвижниках, как Щербаков и Окинчиц (кстати, оба были дворяне) держались российская медицина, наука. О таких, как они, А. П. Чехов писал: *«Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь Родины и науки, их упорство никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимы, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, их фанатическая вера в науку — делает их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу».* В борьбе за улучшение условий жизни простого населения медики завоевали себе почетное место в передовых рядах русской интеллигенции.

КАК В СУКСУНЕ КРАМОЛУ ИСКАЛИ

В 1881 году в Суксун прибыл горный инженер и статский советник А. П. Кавадеров. Он был последним государственным управляющим Суксунским округом. В 1883–1885 годах округ готовили к продаже. Последним владельцем его стал Александр Павлович Демидов. Хотелось барину восстановить былую вотчину, но не получилось. Демидов был объявлен несостоятельным должником. В результате округ вновь был выставлен на торги. В этом же году в Суксуне опять

произошло событие, связанное с Вознесенской церковью, которое по роковой случайности стоило жизни несчастному талантливому звонарю Григорию Малафееву.

Первого марта 1881 года с утра Суксун встрепенулся от нецерковного звона на церковной колокольне. Звонарь на колоколах наигрывал веселую «Барыню». Никто не знал, что так Григорий Малафеев празднует День ангела своей любимой жены Домны. Необычный подарок сделал супруг своей супруге. Сам же звонарь, семинарист Малафеев, бывший рабочий фабрики колокольного суксунского мастера Трофимова, и не подозревал, что его за это объявят почти что преступником! Потому что именно первого марта 1881 года в далеком Санкт-Петербурге революционеры убили российского царя Александра II...

А уже 25 марта в Пермь пешим порядком в сопровождении старосты Вознесенской церкви был доставлен «Гришка Денисов, сын Малафеев». Духовное начальство провело расследование. А с чего это вдруг в день убийства государя Александра II на Гришку напало веселье? Разобравшись в сути дела, Пермский епископ Вассиан наложил на Гришку епитимию — 300 поклонов в Кафедральном соборе. Отбив положенное количество поклонов, Гришка вернулся в Суксун к исполнению обязанностей звонаря церкви. Однако пермский губернатор В. А. Енакиев решил, что наказание недостаточное, да из столицы сигнал поступил.

Губернатору доносили из Пермской консистории, что «отрок Гришка сын Малафеев изгнан из Пермской духовной семинарии с третьего курса за сочинительство про их преосвященство стихов непристойных и пения их как псалмы». Так возникло толстое «Дело о трезвонии «Русской барыни» на колоколах Суксунской Вознесенской церкви Гришкой Денисовым, сыном Малафеевым, в день убиения Государя императора Александра Второго Освободителя».

Были допрошены многие жители Суксуна, священнослужители и прочего звания люд. Охранное отделение, видимо, искало крамолу в Суксуне, что находится в двух тысячах верст от места убиения царя. Из допросов звонаря и жителей видно, что Гришка неоднократно упражнялся исполнить на колоколах «Барыню» и даже «Камаринскую». Особенно часто наигрывал на Светлой Пасхальной неделе — веселил народ.

Очень любопытно последнее показание Гришки-звонаря, которое он дал в канцелярии пермского губернатора: *«Помилуйте, господин начальник, если бы да мне ведомо было, что в этот день будет убиение*

Государя-императора, я бы ни в жись играть на колоколах «Барыню» не осмелился». Хотя никакой крамолы обнаружить не удалось, но ответ Гришки-звонаря признали дерзостным, за что его сослали на покаяние в Соловецкий монастырь, где он и скончался «от тоски по Суксуну и по своему храму Божиему», как гласил ответ на запрос вдовы Малафеева.

Царь Александр II, освободивший крестьян от крепостного права в 1861 году, был дорог русскому народу, о чем свидетельствует такой факт. В 1882 году в память об убитом императоре Александре II жители Суксуна пожертвовали Вознесенской церкви колокол весом 300 пудов, за что удостоились благословения Святейшего Синода. А вскоре в Суксуне распространилась небольшая напечатанная книжечка стихов, посвященных убиенному царю. Ее автор — крестьянин, поэт-самоучка Гордей Михайлович Швецов, бывший крепостной графини Натальи Павловны Строгановой. Название книги было «ВЕНОК ЦАРЮ-ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ, БЕССМЕРТНОМУ ОСВОБОДИТЕЛЮ русских крестьян и славянских народов, ХРИСТОЛЮБИВОМУ ВСЕРОССИЙСКОМУ ГОСУДАРЮ АЛЕКСАНДРУ II БЛАГОСЛОВЕННОМУ, ВЕЛИЧАЙШЕМУ из Монархов всего мира и НЕЗАБВЕННОМУ ДРУГУ человечества». Одна такая книжечка сохранилась до наших дней и находится в Суксунском музее.

МАСТЕРА И МАСТЕРИЦЫ

В старину жители окрестных деревень называли суксунцев ЗАВОДСКИЕ, да и жители поселка так же себя величали — и гордились этим. И ведь было чем гордиться! Суксун издавна славился своими мастерами и умельцами. Когда в летние месяцы в тесных кустарных мастерских открывались окна и двери, над улицами и переулками стоял звонкий стук молотков. Это кустари-медники, «оседлав» верхом горизонтальную длинную железяку-кобылину и подложив под себя какую-нибудь одежину, стучали по цилиндру будущего самовара, обрабатывая его. Небольшие кустарные самоварные мастерские начинали работать очень рано. По всему Суксуну раздавался мелодичный перезвон молотков вперемешку с криками голосистых петухов, дававших команду вставать ото сна.

В те давние времена заводской гудок еще не призывал рабочих в цеха. Гудки появились на заводах позднее, тогда же, когда заработали первые паровые машины. И население демидовского заво-

да уже с первых лет пуска предприятия просыпалось под звучный сигнал специального колокола, который висел у заводской конторы. Именно он играл роль гудка в ранних пробудках жителей. Еще в 1735 году, т. е. практически от начала заводской деятельности в России, В. И. де Геннин в своем «Описании уральских и сибирских заводов» писал: *«На работу и с работы бить в колокол по адмиралтейскому регламенту»*. Заводам предписывалось подавать сигналы утром на работу, в полдень (два раза — на начало обеда и конец обеда) и в конце работы. С марта по август сигналы подавались в одно время, с августа по сентябрь — в другое, с сентября по март — в третье: *«Токмо поутру на работу бить всегда до указанных часов за полчаса перед работою, чтоб мастеровые и работные люди могли убраться и в работы вступить с начала самого указанного часа, а не позднее. Ежели ж кто на работы притти опоздает, с теми о штрафе и о вычете из жалованья чинить, как регламент и указы повелевают...»*. Из этого можно предположить, что в Суксуне сигналы подавались так же. В описи построек Суксунского завода 1885 года сказано: *«У конторы подвешен медный колокол. Весом в 59 пудов 35 фунтов на двух сосновых столбах, крытых тесом на два ската»*.

В Суксун-заводе в конце XIX века помимо действующего железоделательного завода успешно развивались промыслы и ремесла. Славились местные кузнецы и кустари-медники. Далеко за пределами селения были известны каменщики, кровельщики, столяры-краснодеревщики. Работали свои кирпичники, печники, овчинники, иконописцы, пимокаты, сапожники. Жители держали собственные мельницы на Суксунчике, основали мыловаренное производство в сосновом бору. Трудились колоколотейный заводик и даже кондитерская фабрика — она располагалась вдоль улицы Казамат (ныне ул. Колхозная), где раньше проходили базары. Владел фабрикой купец Антон Степанович Ковин. На его фабрике вырабатывали халву, пряники, карамель, помадку и многое другое. В Суксуне имелись 33 торговые лавки. Тут же в магазинах торговали мануфактурой и кондитерскими изделиями. В базарные дни крестьяне привозили репу, лук, горох, ячменную крупу, гороховую и черемуховую муку. Особенно на базаре ценилась пшеничная мука из Сыры. Шла торговля сеном, соломой, дровами. Селение жило за счет собственных ресурсов.

Завод Суксун выглядел в ту пору более цивилизованно, чем окрестные населенные пункты. Уже в пореформенный период, и даже раньше, суксунцы на выход, *на люди*, старались одеваться

на городской манер. Носили по моде суконные пальто, костюмы, жилеты, галстуки, шляпы, перчатки. Жены рабочих завода, мещан и купцов тоже были не прочь блеснуть своими нарядами. В Суксуне выписывали популярные газеты и журналы «Нива», «Биржевые ведомости», «Огонек», «Вокруг света». В начале XX века даже местные девушки — правда, из богатых семей — катались на велосипедах. Уже тогда в селении работали почтово-телеграфное отделение, библиотека. Заводские дети имели возможность получить школьное образование, освоить ремесло.

Но самым известным в Суксуне было производство посуды и самоваров. Первоначально их изготовляли на медеплавильном заводе. Первые самовары стали делать уже в 1740–1760-е годы. Были они в форме античной вазы. Местные мастеровые украшали их орнаментами и чеканками. Во многих орнаментах прослеживаются старообрядческие узоры. И не удивительно! Ведь на заводах Демидова было много приверженцев старой веры, бежавших от преследований властей. Старообрядцы вели трезвый образ жизни, были трудолюбивы, помнили благодарения господ, поэтому такие рабочие Демидовым были весьма к стати.

Производство медеплавильных заводов было неустойчиво, зависело от рудной базы, топлива, гидроэнергии, от наличия у заводладельцев оборотного капитала. С 1863 по 1886 годы Суксунские заводы находились уже в казенном управлении. Переход на вольнонаемный труд даже привел к временному закрытию завода в Суксуне — с лета 1862 по 1864 год. В 1880-х годах положение немного улучшилось, но постепенно производство вновь стало приходить в упадок. Из-за высокой себестоимости продукции и стремления правительства сохранить заводы с целью продажи их частным лицам Суксунские заводы в этот период времени не раз получали займы из казны для выдачи зарплаты рабочим. С 1886 по 1892 годы Суксунский округ вновь находился во владении Демидовых. Но... Александр Демидов в итоге был объявлен несостоятельным должником, и Суксунские заводы и дачи были распроданы разным лицам. Суксунский, Тисовский, Молебский заводы купили братья Каменские.

В середине XIX века на заводе была закрыта меднокатальная мастерская, а затем и железоделательный цех. Имея профессиональные навыки работы в заводских мастерских, многие мастеровые стали заниматься производством самоваров и медной посуды на дому. Так возник кустарный промысел. Количество рабочих в таких ма-

стерских колебалось от 1 до 40 человек. В 1904 году в Суксуне насчитывалось 50 кустарных хозяйств, число которых с каждым годом росло. Общий годовой оборот всех местных кустарей составлял приблизительно 140 тысяч рублей. Самовары кустари выделывали самых разных фасонов и размеров. Наиболее популярен был фасон «банка» и «рюмка». За год, по дореволюционной статистике, суксунские кустари выделывали 25 тысяч самоваров. Готовые самовары по договоренности сдавались местным перекупщикам, которые торговали ими в городах на базарах и ярмарках.

У местных кустарей существовало разделение труда. Один специализировался на отливке кранов и поддонов, другой делал корпуса, третий точил корпуса, крышки и конфорки самоваров. Порою самовар кочевал из мастерской в мастерскую. Были также мастера, которые делали самовары от начала до конца сами. В основном это происходило у богатых фабрикантов, содержащих мастерские и рабочих. Так, у Василия Григорьевича Помыткина было 43 наемных рабочих, у Андрея Андреевича Панфилова — 35, у Николая Трофимовича Шарлаимова — 36 человек. Они были одними из самых крупных и богатых местных фабрикантов. В таких крупных мастерских за год изготавливалось по две-три тысячи самоваров! Неоднократно суксунские самовары участвовали в разных выставках, на многих можно встретить награды «За искусство и трудолюбие». Так, самовары Петра Дмитриевича Щербинина были отмечены медалями на выставках в Кунгуре, Туле. Самовары Василия Григорьевича Помыткина имели медали Всероссийской промышленной выставки и Парижской выставки 1900 года.

У многих кустарей-медников было от 3 до 20 наемных рабочих, а некоторые мастерские работали только своей семьей — так ремесло переходило по наследству. Например, Павел Васильевич Воробьев проживал на улице Ключики. Его семья состояла из 12 человек. Павел с сыновьями работал дома, в приспособленном под мастерскую погребе. Там же у него было два колеса ручного привода и станок для выделки корпусов самоваров. Изготавливал он в основном самовары и кумганы — они пользовались большим спросом как у местных татар, так и в Уфе. Готовые самовары отдавал «гранить» кустарю-меднику Павлу Степановичу Герасимову, а ручки и краны заказывал в литейке, что была недалеко от дома. Позже Павел Воробьев стал нанимать несколько человек к себе на работу. Готовую продукцию Воробьевы сдавали Василию Иосифовичу Максиму, а тот продавал их на ярмарках. Кумган стоил полтора рубля, самовар — от пяти

до восьми рублей. Самовары сдавали перекупщикам на месте, тут же получали деньги. А уже на ярмарках перекупщики продавали такой самовар по 50–60 рублей за штуку! По статистике, за год суксунские мастера выделывали 25 тысяч самоваров!

Своей семьей, без наемных рабочих, трудились кустари-медники Александр Евгеньевич Крутлов, Павел Андреевич Панфилов, Иван Васильевич Помыткин, Всеволод Григорьевич Тепелин и многие другие!

Обычно кустари работали на какого-то хозяина в своих мастерских либо в мастерских хозяина. Их день начинался с 6 утра, в 9 утра был завтрак, в час дня — обед, в четыре часа дня паузы (так в Суксуне именовался полдник), а в восемь вечера заканчивалась работа. Хозяин поставлял материал и платил за выполненную работу. Если кустарю требовалось оторваться от работы в кустарной мастерской и что-то сделать, к примеру, по ремонту своего дома, то хозяин не отпускал его с работы, а сам нанимал для ремонта дома мастеров, оплачивал их труд, а потом вычитал из зарплаты своего рабочего. Получается, что мастер-умелец был занят неотрывно на прибыльном производстве.

Труд у кустарей был очень тяжелый, и, конечно, их не устраивала низкая оплата труда и 12–14-часовой рабочий день. Поэтому в 1905 году рабочие фабрик А. А. Панфилова и В. Г. Помыткина забастовали, выдвигая свои требования, которые, увы, ни к чему не привели. Тогда фабрикантам в отместку пустили «красного петуха». Так на заводах, узнав о столичных событиях 1905 года, народ выдавал едкие частушки и поговорки: *«Ко двору шли просители, а от двора мстители»*; *«Пятый год фабрикантам даром не пройдет!»*. Действительно, даром не прошел. Панфилов вскоре был убит выстрелом из ружья в окно дома. Убийцу так и не нашли. Помыткин заболел и умер в Перми в Александровской больнице в 1909 году. С 1905 года отношения фабрикантов и рабочих стали резко обостряться.

*Сколько народу, сколько народу,
Сколько народу мучится!
А у наших у буржуев
С жиру брюхо пучится.*

*По дороге парень шел,
Подобрал листовку.
Собирается народ
Сделать забастовку.*

Среди заводских рабочих в то время создавались группы свободомыслящих рабочих. Руководил ими политически неблагонадежный инженер Новгородцев, фамилия которого часто упоминалась в полицейских рапортах.

Женщины в политике не участвовали — разве что в качестве исполнительниц частушек. У них были свои дела и заботы. Они на производстве не работали, а занимались лишь домашним хозяйством и огородом. В основном семью содержал муж. Но чтобы как-то и самим заработать хозяйки начали изготавливать кружева. Не удивительно: девушки обычно заранее готовили себе приданое, поэтому рукоделию их учили с детства. Они умели шить, вязать, ткать. Первоначально ткачество и кружевоплетение существовало как домашнее ремесло, т. к. слишком кропотлив и трудоемок этот процесс. Но в некоторых волостях оно приобрело характер промысла, т. е. изделия предназначались для продажи. Так произошло и в Суксуне. В этом случае скупщики закупали сырье: хлопчатобумажные нити, шерсть и часто прибегали к помощи местных наемных работниц. Для рынка производили скатерти, салфетки, пояса, шарфы, половики, холсты. Главной особенностью старинного суксунского кружева было то, что тонкие ажурные салфетки ткали на кроснах. Таких экземпляров сохранилось очень мало. Есть они и в фонде районного краеведческого музея. Впоследствии коклюшки, спицы и иголки стали преобладать над ткацкими станками. В Суксуне в XIX веке уже 400 девушек занимались тканием кружев. В 1891 году здесь насчитывалось 235 хозяйств, в которых были заняты кружевным промыслом 283 женщины. Бумажная пряжа покупалась кружевницами у местных торговцев, которые в большинстве и скупали у них готовые изделия.

Жительница Суксуна Анастасия Николаевна Осолихина вспоминала, что кружевному ремеслу и тканию кружев училась она у своей матери с 15 лет. Материал покупали у скупщицы Аграфены Андреевны Шляхтиной. Из пуда бумажной пряжи сновали десять «стен», в каждой насчитывалось восемь метров. За работу платили так: за салфетки — 35 копеек за фунт, а за кружева — 20 копеек за аршин. Ткали с октября по март. За зиму перерабатывали три пуда бумажной пряжи. Платили за переработку семь рублей с пуда. Кружевницы работали в основном на скупщиков. Разумеется, скупщики наживали на труде кружевниц большие прибыли. Если за скатерть, к примеру, мастерицам платили 15 копеек, то продавали по 1 рублю 20 копеек, включая стоимость материала.

В 1887 году на Урало-Сибирской научно-промышленной выставке была представлена коллекция кружевных изделий. В эту коллекцию вошел женский украинский костюм, изготовленный суксунской мастерицей Соколовой. В каталоге с объяснительным текстом коллекции по кустарной промышленности Пермской губернии на Всероссийскую кустарно-промышленную выставку в Санкт-Петербурге в 1902 году записано, что мастерицей Суксунского завода Анной Ефимовной Чистяковой представлены два покрывала по цене два рубля за штуку. Кружевным промыслом у А. Е. Чистяковой были заняты: одна женщина из состава семьи и три наемные работницы.

На эту же выставку мастерицей суксунского завода Татьяной Ивановной Сенатыревой были представлены салфетки кружевные, скатерть бумажная тканая, сарпинка бумажная и прочее. У Сенатыревой работали две наемных работницы и одна — из состава семьи. Ежегодно они изготавливали до 10 пудов кружев. Изделия суксунских кружевниц продавались оптом и в розницу на ярмарках и базарах. Известна также была мастерица Пелагея Ксенофоновна Мелентьева (1867–1942), которая и сама ткала и вязала, и скупала изделия у мастериц, которых у нее было 60 человек. Продавала товар на базарах и ярмарках. Ко всему этому она хорошо белила, ее часто приглашали в дома. Будучи уже в преклонном возрасте, Пелагея работала поваром в Суксунской районной больнице. В Суксуне проживают ее праправнуки.

Сами женщины в Суксун-заводе одевались модно. Особенно любили «пошиковать» молодые. Свои «парочки», платья, костюмы украшали тем же ручной работы кружевом или вышивкой. В таком виде можно пойти в церковь, на гуляния, которые в праздничные дни и в престольные праздники часто бывали в Суксун-заводе. Каждая женщина имела свое «к обедняшнее платье», которое надевала на церковные службы. И тут суксуночки старались одеваться скромно, но все-таки модничать. А уж петь и водить хороводы на праздники — это по ним сходи! Так по Суксуну в старину лились протяжные и веселые задорные хороводные песни. Вот одна из таких старинных шуточных «родных», суксунских песен. Неравные браки в Суксун-заводе заключались часто, причем порою разница в возрасте у молодоженов составляла 15–30 лет. Поэтому очень много песен сочинялось на эту тему.

*На море валы бьют,
Валы бьют, валы бьют;*

*Черный ворон воду пил,
Воду пил, воду пил:
Он пил, не пил, возмутил;
Возмутивши, возлетел,
Возлетел, возлетел;
Возлетевши, говорил,
Говорил, говорил:
«Быть тебе, девка, замужем,
Замужем, замужем,
За старым стариком,
Стариком, стариком».
— Я старому сноровлю,
Сноровлю, сноровлю:
Постелюшку постелю,
Постелю, постелю.
Постелюшку мягкую,
Мягкую, мягкую –
В три ряда каменьца,
Каменья, каменья,
В четвертый — крапивоушки,
Крапивы, крапивы,
Крапивы жалючия,
Жалючей, жалючей;
Сголовьице положу,
Положу, положу –
Колоду дубовую,
Дубову, дубову;
Я старого одену,
Одену, одену
Шубою ежовою,
Ежовой, ежовой;
Я старого притерплю,
Притерплю, притерплю
Дубиной вязовою,
Вязовой, вязовой!*

В середине XIX века в Суксуне была открыта женская школа. В начале она находилась в частном доме, а в 1884 году переведена в новый дом, построенный и пожертвованный для помещения школы крестьянином М. В. Поповым. Кроме того Попов для открытия при училище рукодельного класса преимущественно местной специальности женского труда — тканья кружев пожертвовал еще сто рублей.

Это выдающееся благодеяние местное земство оценило по достоинству. При этом в училище уже в 1902 году оборудовали новую ткацкую мастерскую под руководством мастерицы Якимовой. Попечительницей училища была Лидия Николаевна Каменская. Таких училищ в Красноуфимском уезде насчитывалось всего десять, в том числе в селе Торговище и деревне Шахарово. Суксунское было самое крупное по численности учениц. Помимо 30 обучавшихся девочек в мастерскую приходили учиться ткацкому ремеслу 60 посторонних. Из последних 17 человек работали дома и изготавливали разные ткани. В мастерской женского училища имелось пять станков нового устройства. Здесь же мастерицы изготавливали разные ткани, полотенца, платки, а также трико, фартуки, скатерти, покрывала, сухарницы, мешки без шва.

Население Суксун-завода очень заинтересовалось ткачеством и новыми станками, т.к. на них оказалось гораздо легче получать самые разнообразные изделия. Ведь уже в начале XX века кружевницы перестали изготавливать тканые кружева, и концу Первой мировой войны выпуск изделий значительно сократился. Суксунский кружевной промысел не выдерживал конкуренции с текстильными предприятиями, которые выпускали более дешевые изделия. После революции в 1926 году в Суксуне была организована кружевная артель, ее продукцией стали кружевные изделия и рыболовные сети. Но вскоре из-за недостатка сырья и малого количества рынков сбыта артель прекратила свое существование.

Заработать денег женщина могла не только рукоделием и ткачеством. В Суксуне была распространена такая традиция, как «жатье», в котором участвовали в основном молодые девушки, желающие иметь свои деньги на обнови и приданое. В сезонные работы они нанимались за плату к какому-нибудь хозяину жать на поле. За период сельхозработ можно было получить до 40–45 рублей. Все зависело от мастерства и сноровки жницы. Если учесть, что корова в начале XX века в нашей местности стоила шесть рублей, то получался довольно приличный заработок!

Как это было, рассказывала уроженка Суксуна Мария Васильевна Камаева: «...У нас мама и сестры ёмко жали. Мама по сорок пять рублей выжинала жатьем, зарабатывала деньги. Она в день выжинала четверть переезда. А за переезд рядились по пяти рублей или сколько договорятся. (Переезд был равен 6400 кв. м. — *Авт.*). Однажды привез их хозяин жать, а на улице поил дождь. Он поместил их

в избушку на поле. Они суслон нажали, а дождь идет и идет! Кормят их, они спят. Так неделя прошла. Ну, говорят, хозяин, вези нас обратно. Жатье теперь дороже. Будем рядиться снова. А что кормил их неделю — про то и разговору не было раньше. Ну и срядились снова и у него жали до отстоя. Снег летит уж, а у него — жатье! Хоть сколь берите, только жните! А снег летит, на руки подуешь и опять жнешь. Так вот и зарабливали. А когда жница идет мимо лавки, приказчик уж видит, выбежит, кашемиру ей навалит гору. Наберешь, говорит, товару, наложишь — и с шиком идешь!».

Некоторые женщины для заработка ходили по Суксуну белить в домах. И сами сыты, т. к. накормят, и денег заработают. Некоторые сидели в няньках, кто-то читал по покойникам, тут, в основном, по традиции «читальщицы» были незамужние — старые девы, либо монашествующие, либо старушки-вдовы. А какие в Суксуне были мастерицы стряпать! Почти у каждой хозяйки имелись чугунные и железные формы для выпечки, в которых готовили куличи, манники, сладкие пироги, жарили «кудри»... Особой популярностью пользовались вафельницы разной конфигурации с длинными ручками — в них выпекали вафли в виде сердца, царского герба и различных других форм. В Суксуне были распространены и груздовницы — в них жарили особые мучные вкусности под названием «грузди», их еще называли груздовые *олады*. Были они сдобно-мучными и выглядели выгнутыми, пышно-плоскими, как шляпка гриба груздя — видимо, отсюда такое им и было дано название. Все эти формы изготавливали местные мастера-литейщики.

Из напитков особенно популярны были квас и морковный чай. Морковь обязательно рубили в корыте и сушили в русской печи. Аромат такого чая был изумительно приятный. Морковный чай хорошо утолял жажду в жару. Привозные черные байховые чаи были дороги, не каждому по карману их купить и заваривать. Пили в основном травы: иван-чай, мяту, зверобой, душицу и другие.

Если говорить о заработках и ценах того времени, то зарплата высших должностных лиц составляла: у губернатора — 416–666 рублей, у полицейского пристава — 125 рублей, у околоточного — 33 рубля. Инженер получал от 80 до 150 рублей, уездный врач — 39, учитель земской школы — 30 руб. Самая низкая зарплата была у подсобных рабочих — от 10–15 руб. В Красноуфимском уезде, куда раньше входил Суксун, пуд пшеницы продавали по цене от 1 рубля 71 копейки до 1 рубля 81 копейки, пуд сена — за 35 копеек, пуд картошки —

за 80 копеек, килограмм мяса — за 22 копейки, фунт сахара — за 15 копеек. За бутылку коньяка надо было отдать 2 рубля 50 копеек, за ведро водки — 8 рублей, бутылку портвейна — 1 рубль 10 копеек. Плуг стоил 15 рублей, молотильная машина — 150, сепаратор — 65 рублей, топор — 15 копеек, грабли — 10 копеек.

Никакой пенсии людям по старости не платили. На старость жители заранее копили. А потом что-то продавали из имевшегося, если в том появлялась нужда. В Суксун-заводе было у людей свое ремесло, посева и покосы. Так и жили: сельским хозяйством и ремеслом. Те жители, которые не хотели иметь землю для посева, ее и не заводили. Земля нарезалась, жители близлежащих деревень сдавали покосы заводчанам в аренду. На покосах рос лес, и местные деревенские жители рубили лес на дрова себе и заводским. Так протекала прежняя жизнь.

«ДОРОЖИТЬ НАДО РЕМЕСЛОМ И КАЧЕСТВОМ»

В Суксуне сохранились фамилии выдающихся кустарей, мастеров, ремесленников — их потомки и сейчас проживают в поселке. И таких немало! Дом столяра-краснодеревщика Василия Яковлевича Мартемьянова располагался на самой центральной улице Суксуна — Шахаровке. Улица поднималась в крутую гору и переходила в длинную дорогу на деревню Шахарово, отсюда и ее название. В давнюю старину по этой улице стояли небольшие домики на два окна, в которых жили рабочие демидовского завода. Домики были похожи на небольшие бараки. Жители со временем перестраивали их в добротные дома. Первоначально и у Василия Яковлевича была небольшая избушка, а позже появился крепкий дом, где выросло не одно поколение Мартемьяновых. Предки Василия проживали в Суксун-заводе с демидовских времен. Родоначальника фамилии звали Мартьян Григорьев Добрынин. Он родился в 1690 году, был крепостным Демидова. Видимо, фамилия Мартемьяновых, как и Мартьяновых, началась с него и распространилась в Суксуне на многие поколения.

Василий Яковлевич родился в 1870 году. Его дед и отец были плотниками, так что ремесло передавалось по наследству. Вот и сын стал плотником, а после того как в Суксун приехал И. Г. Каменский, Василий, будучи уже семейным, поступил к заводчику на работу столяром. И не просто столяром: он усовершенствовал свое ремесло

умением работать по красному и черному дереву, которое заготавливал его работодатель. Когда Каменский строил в Суксуне дом, то именно Василий, в числе других мастеров, изготавливал не только оконные рамы, двери, проемы, но и мебель, и прочее. Мастерская, станки, верстаки находились на заводе, там же было и рабочее место Василия Яковлевича. С уважением и благодарностью вспоминал плотник хозяина, Ивана Григорьевича, который любил талантливых мастеров и платил им гораздо больше, чем простым заводским рабочим.

На заводе (напомним: с 1893 года он принадлежал братьям Каменским) Иван Григорьевич установил строгую дисциплину: тех, кто пил наказывал штрафом — копейка с 1 рубля. Еще бы! Ведь заводчик состоял членом в Обществе народной трезвости. Каменский, когда бывал в Суксуне, ежедневно в восемь утра отправлялся из дома по саду на завод. Его жена, Лидия Николаевна, тоже часто навещала рабочих, интересовалась, чем и как они живут. Василий Яковлевич рассказывал про Ивана Григорьевича, что, на вид строгий, хозяин был снисходителен к своим мастерам. Так, однажды сам Василий не вышел на работу — запил. На другой день Каменский спросил его, почему тот отсутствовал. Василий, соврав, сказал, что его закрыл дома отец. На что Каменский произнес: «Знаю, знаю...». И прошел мимо, не наказав проштрафившегося мастера.

Вместе с Василием у Каменского столярами работали Сергей Гостевских и Валентинов Валентин — друзья В. Я. Мартемьянова. Вполне возможно, что мастерам поручались не только столярные и плотничьи работы, они занимались и резьбой по дереву. Каменский доверял им очень ответственные заказы. Своих мастеров он неоднократно рекомендовал в Пермь, на работы к знакомым купцам. Суксунские мастера настолько отлично знали свое дело, что пермские купцы отправляли их домой с почетом на тройках лошадей. Василий Яковлевич всегда и для любого заказчика все делал крепко и качественно и говорил: «Если я сделаю плохо, то мне уже не принесут заказ, я лишусь работы. Дорожить надо ремеслом и качеством». Он знал не только сугубо плотничье дело. Умел все! Делал веялки, молотилки, колеса, долгуши. В этом ему помогал его зять, кузнец Василий Иванович Маношин. На базаре жители всегда старались покупать его работу, а перед тем как купить что-то, уточняли: его ли изделие?

И. Г. Каменский в Суксуне организовал цеховую бригаду из мастеров, которые изготавливали тележные и каретные колеса. Трудились

они в подвальном помещении дома Каменского. Колеса были очень качественные, выдерживали любой удар. И бригадиром у местных цеховиков был Василий Яковлевич. Изготовленные суксунскими мастерами колеса даже экспортировались за границу! Содействовал в этом заводчик Каменский.

Так сложилось, что у Василия было две семьи и много детей от обоих браков. После революции Василий Яковлевич стал работать на дому. Там у него имелся лишь маленький токарный станок по дереву, который приводился в действие при непрерывном качании педали ногой (по такому принципу работали еще сохранившиеся кое-где в домах «ножные» швейные машины — обе руки остаются свободными для работы). В 1930-х годах Суксун переживал голод. Василий Яковлевич питался плохо, сам на еде экономил, отдавал лучшее детям, в результате чего совсем ослаб. Но, будучи уже ослабленным, продолжал работу, чтобы прокормить семью. Он часто говорил своей дочери: «Поля, покачай мне», а сам пытался еще что-то выточить на заказ. Мастер часто жаловался на сердце, и в 1933 году его не стало. Прожил он всего 63 года. Печальное известие быстро разнеслось по Суксуну. Узнав, что Василий Яковлевич умер, к Мартемьяновым пришел проститься с усопшим и помолиться о нем священник из Петропавловской церкви. Оказалось, что при жизни своей Василий Яковлевич выполнил для храма много разных работ.

В это же день в дом Мартемьянова пришел его друг, Василий Панфилов, и попросил ключи от мастерской. Сказал, что будет делать покойному гроб. Об этом друзья договорились еще при жизни — переживший оказывает товарищу последнюю услугу. Первым умер Мартемьянов, и друг Панфилов сделал для него отличный гроб из красного дерева, покрытый бордовым лаком. Очень легкий, настолько легкий, что от дома до Петропавловской церкви, а потом и на кладбище покойного в гробу несли на руках! «Последнее жилище» было сделано из оставшегося материала, принадлежащего ранее заводчику Каменскому: материал приберег для себя Василий Яковлевич заранее. Гроб настолько был хорош и прочен, что в 1962 году, когда на кладбище рядом с могилой отца рыли могилу умершему сыну Василию, Николаю, и обнажили старый гроб, все увидели: он выглядел так, словно был сделан вчера.

1933-й был «голодным годом». И семья вскоре «проела» столярный инструмент, т. к. после Василия Яковлевича столярными работами никто в семье не занимался.

И ФАРАОНЫ, И ЦАРИ, И... ГЕНЕРАЛЫ

В старину в Суксун-заводе по фамилиям друг друга не называли, вместо них в ходу были прозвища. Скажешь фамилию — долго думают, «чьих будете». А скажешь прозвище — и сразу понятно. Прозвища в Суксуне были самые разнообразные. Порою ни за что не догадаешься, почему так людей прозвали. Но за каждым прозвищем стоит своя, старинная история! А как давали прозвища? Да почти как в анекдоте! Скажем, пришел рабочий в завод, пожаловался своим сотоварищам, что любимую собаку по кличке Бомкус потерял, искал, да не нашел. Вот народ и прилепил ему прозвище — «Бомкус». Обморозил суксунский мужик руки — прилипло к его семье прозвище «Морозовы». Украл мужик муку, за это прилипло к его семье прозвище «Мушники». Данное конкретному человеку прозвище в итоге закреплялось за всем родом. Прозвища имели почти все, но были и такие, кто их совсем не имел.

Так, в Суксуне одни Швецовы назывались Гульновы, другие Швецовы — Бубновы; Тепелины — Аксёнычевы; Семковы (что по Малой Сосновке) — Семичи; Блохины — Царёнковы, Цари; Максимовы (с Нижних Глинок) — Мушники, Максимовы (вторые, что по Нижним Глинкам) — Партизаны, Максимовы (по Сосновке) — Шамонькины, Максимовы (на Ключиках) — Уразаи; Змазовы (по Большой Сосновке) — Гаричи; Герасимовы — Генералы; Ерофеевы — Сеньшины; Нагибины — Наумычи; Егоровы (по Садовой) — Иконописцевы; Недуговы (по Болоту) — Балды; Лепихины — Шурыгины; Винокуровы (по Ключикам) — Куличики; Осолихины (в Ботово) — Сметаны; Бобылевы (в Ботово) — Папин Нос; Малелины (по Сосновке) — Катышевы; Решетниковы (по Садовой) — Импилисчи; Обыденновы (по Петропавловской) — Морозовы; Манохины (по Садовой) — Ухобаки; Ивановы (по Садовой) — Смегуны; Любимовы — Пакали; Утемовы (по Ключикам) — Пираты; Делидовы (в Киршиной) — Сокуры; Щербинины — Сарей; Мочалины (по Заводской) — Шокши; Недуговы — Козлы; Делидовы (в Киршиной) — Бомкусы; Сенатыревы (по Средней) — Селямбы; Осолихины (в Ботово) — Егорушкины; Семеновы (по Нижним Глинкам) — Кульбики; Максимовы (по Малой Сосновке) — Фузеи; Беляевских — Петины; Семковы (по Нижним Глинкам) — Пестерята; Утемовы — Хомяки; Дементьевы (в Ботово) — Паскуновы; Манохины (в Ботово) — Мономахи и т. д.

Обижался ли народ на прозвища? Наверное, нет, если не сильно обидное было. А некоторыми могли просто гордиться: тут были Цари, Фараоны, Генералы, Пираты и т. д. Кустарь-медник Павел Степанович Герасимов имел прозвище Генерал, но это было связано отнюдь не с воинской службой. Слово «генерал» Павел Степанович произносил как «енерал» и сам шибко важничал. А все оттого, что знал и себе цену, и особые секреты медноиздельного мастерства. Секретами Паша не делился ни с кем! Даже с родственниками. Вот народ и стал его так называть. В молодости Павел Степанович работал механиком на пароходах, а впоследствии стал заниматься медноиздельным промыслом. Работал на дому, умел хорошо гранить самовары. Под его руками самовары простой формы приобретали ребристые изящные бока.

Уже в советское время, когда в Суксуне в бывших домах фабриканта Панфилова действовала артель «Медник», можно было увидеть там маленького седовласого старичка в очках. Это и был Павел Степанович, по фамилии Герасимов, по прозвищу Генерал. Был он незаменимым наладчиком силовой установки в машинном отделении артели. И не удивительно. Еще в 1929 году он сам первоначально придумал и сконструировал небольшую электростанцию в артели. Ток вырабатывался при помощи движка трактора «Сталинец», а позже — и целого локомотива! Только Герасимов, единственный в Суксуне, умел наладить работу генератора. А когда его приходилось ремонтировать, то Павел Степанович всех выгонял из помещения и один чинил установку. Так, бывало, ослабнет генератор, перестанет ток вырабатывать — тут же запрягают выездного жеребца и едут в ночь-полночь на поклон к механику. Увезут из дома и привезут обратно. Так и не открыл Паша-генерал свои секреты и знания советским труженикам.

Александр Максимов получил свое прозвище Партизан за участие в боях Гражданской войны. Под старость лет старый партизан страдал забывчивостью и сильно путал события своего боевого пути. Любил рассказывать, как ему удалось увидеть самого В. И. Ленина! Свой рассказ, к большому хохоту любителей его послушать, он начинал примерно так: «Стою я, охраняю мавзолей, смотрю — Ленин идет!». Хотя, возможно, это такая местная байка о партизане Максимове?

Семья Степановых проживала на улице Ботово. А звали их в народе Фараоны. Такое необычное прозвище, говорят, «прилетело» к ним от их отца, Михаила Сергеевича Степанова, которого в народе и прозвали Фараоном. «Славился» мужчина тем, что, во-первых,

имел рыжие волосы, а, во-вторых, выпив спиртного, был просто неуправляем и грозно шел напролом перед всем и на всех. Династия Степановых в старину и позже была очень известна в поселке. Все они жили в Суксуне, все родились в Суксуне. Не так давно из жизни ушел последний и старший представитель этой большой династии, долгожитель Сергей Михайлович Степанов. Его предки до революции занимались сельским хозяйством, а в период НЭПа организовали бригаду-кооператив по выработке самоваров. Степанов Сергей Михайлович рассказывал:

«Я был тогда пацаном. Хорошо помню одну бригаду кустарей-самоварников, которая работала в Ботовом (ныне ул. Советская). Их было четыре человека: Никулин Василий Иванович, Осолыхин Василий Иванович, мой дядя — Степанов Александр Иванович, мой отец — Степанов Михаил Иванович. Главная мастерская была в огороде Никулина, литейка находилась в огороде у моего дяди, мастерская по обработке литья — в огороде моего отца. Величиной мастерские были чуть меньше обычной бани.

Мастерская у Никулина, где проходила основная работа, была более солидная: там стоял давяльный станок, работал он от конного привода, типа конной молотилки. Лошадь гоняла по кругу дочь Никулина — Груша. Она была меня старше на три года. Часто и меня оставляли самостоятельно погонять лошадь.

Раньше у самоваров поддоны, краны, ручки были литые. И лил их мой дядя, а обрабатывал мой отец. Основная работа: вырезка всех деталей, спайка корпусов и дымовых труб, их проклёпка, давка — проходила в мастерской у Никулина, там же и заканчивалась вся остальная сборка самовара.

После этого самовары везли на Заречную улицу к И. И. Степанову никелировать. Четкого разделения труда у суксунских кустарей не было. Мой отец возил продавать самовары в Пермь. Он и его напарники запрягали по пять-шесть подвод, вооружались ружьями и кистенями (в то время на дорогах шалили разбойники) и ехали по намеченным пунктам».

Отец Сергея Михайловича — Михаил Иванович и мать — Серафима Сергеевна — родили восемь сыновей! Дед по матери, Сергей Иванович Ситников, был в Суксуне знаменитым портным, даже шил офицерские мундиры. Заказывать наряды приезжали к нему отовсюду. Мать унаследовала ремесло и тоже была славной портнихой. И дело свое передала сыну Сергею, который хоро-

шо шил на машинке, а тот — своему сыну Володе. Но отец и сын не стали профессиональными портными, они всю жизнь проработали на Суксунском оптико-механическом заводе.

Детство братьев Степановых прошло в старинном доме, почти у самого пруда, на улице Ботово. Когда солнце заходило в закат за суксунские горы, то нагревало дом своим жаром. Он настолько был обожжен солнцем, что от времени дерево стало красно-коричневое, что придавало дому особый колорит.

Улица Ботово, широкой полосой направляясь вверх, уходила в деревню Киселево, а внизу, сужаясь, переходила в улицу Садовую. На самом ее повороте стоял дом Егоровых, по прозвищу Иконописцевы. Но то было так давно, что старожилы улицы уже не знают, почему их так называли. Однажды в Суксуне в доме по улице Кирова, 5 — там, где проживали когда-то Егоровы, — на чердаке мы нашли два ветхих альбома для рисования, относившиеся к позапрошлому веку и принадлежавшие некоему иконописцу Петру Ивановичу Чиркину. Один альбом был заполнен наклеенными картинками на религиозную тематику, вырезанными из дореволюционных журналов, и репродукциями гравюр и картин известных русских и западных художников. На обложке второго альбома в округлой рамке сохранилась надпись славянскими буквами: «Сия книга принадлежит Петру Ивановичу Чиркину. Переплетена своими трудами в 1898 году...». В ней я увидела прориси икон и карандашные рисунки, а также зарисовки декоративных орнаментов. Под некоторыми имелись подписи самого хозяина альбома. Судя по содержанию найденного, эти альбомы служили рабочими тетрадями, какие тогда были у иконописцев. Каким образом они тут очутились — можно было только догадываться. Но кое-что удалось узнать.

Неизвестно, когда и как появился иконописец в Суксуне, но в начале XX века он уже здесь проживал. Его домик располагался рядом с домом братьев Степановых, у самого пруда. В Суксуне жил и его взрослый сын Аркадий. Видимо, прежние жены Петра Ивановича умерли, и в 1920 году в Суксуне он повенчался в третий раз на Елизавете Александровне Егоровой, которая была его моложе аж на тридцать лет! В семье Чиркиных из выживших детей росли дочь Зинаида, 1921 года рождения, и сын Николай, родившийся в 1926 году.

Сама Елизавета Александровна происходила из многодетной семьи Егоровых, которых прозвали Иконописцевы, видимо, за родство

с Чиркиными, да и не только. Судьбы детей из этой суксунской семьи сложились по-разному.

Брат Елизаветы, Федор Александрович Егоров, 1896 года рождения, получил образование в Красноуфимском церковном училище, а затем поступил в Иркутский университет и окончил его. В 1930 году был рукоположен в сан иерея (целибатом, т. е. не будучи женатым и обещавшим и впредь не обзаводиться семьей). В первый раз отец Федор был арестован в 1935 году, в то время он проживал в селе Хмелевка Кунгурского района. Священника обвинили в антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности. Он и еще 28 священников, арестованных вместе с ним, тогда же были приговорены к расстрелу. Приговор о высшей мере наказания заменили лагерями. Отец Федор отбывал десятилетнее наказание в лагерях Магадана и Колымы, у бухты Нагаева. Вернулся живым, был назначен на приход в село Пальники. И вскоре, в 1948 году, его вновь арестовали! И опять — обвинение в антисоветской агитации с приговором: десять лет лагерей. Наказание отбывал в Прикамье, на строительстве Камской ГЭС. В 1955 году был освобожден. После освобождения принял постриг с именем Герасим и до ухода на покой служил в Нижней Курье. Скончался в 1968 году.

Его старшая сестра, Евгения Александровна Егорова, 1884 года рождения, была псаломщицей и служила тоже в церкви села Хмелевка Кунгурского района. В 1936 году была арестована и осуждена на три года лагерей. Судьба ее неизвестна.

Из Егоровых, помимо братьев, в Суксуне проживала сестра Елизавета, но жизнь ее прошла в бедности. Иконописец зарабатывал немного, после революции уже приходилось чаще трудиться маляром. Жена пасла скот. Жили они одиночно, замкнуто. Сам хозяин никуда не выходил. Двери ограды всегда были закрыты. Но дети, Зина и Коля Чиркины, часто бегали с ровесниками, в том числе и с братьями Степановыми. Сам Петр Иванович умер в 1932 году в возрасте 68 лет, оставив молодую жену с двумя детьми-подростками, которые пробивались в жизни сами, с ранних лет пасли с матерью коз. Одноклассники даже дразнили Колю стишком:

*По дороге грязной, пыльной
Лентой тянется обоз.
По дороге вицей длинной
Коля Чиркин гонит коз.*

Зина Чиркина в 1941 году окончила Суксунское педагогическое училище и уехала по распределению на Дальний Восток. А брат, Коля Чиркин, работал на Суксунском оптико-механическом заводе молотобойцем, в годы Великой Отечественной войны имел бронь, на фронт не призывался. В 1950-х годах его «позвала» целина. Он уехал в Казахстан. Судьба его неизвестна. Дом, где проживало семейство иконописца, давно снесен, в настоящее время на этом месте проживает Алевтина Собакина с семьей.

Старший сын Петра Ивановича Чиркина, Аркадий, в 1930-х годах работал в поссовете маляром. Он был женат на Наталье Сторожевой, и в их семье рос сын Коля, тоже Чиркин, но 1939 года рождения. Он был намного младше сына своего деда, Петра Ивановича. Этот Коля, Николай Аркадьевич, после ранней смерти матери воспитывался теткой Тоней, которую в Суксуне старики помнят как Тоню-пролубницу. Она зарабатывала тем, что зимой на пруду в разных местах делала проруби для населения — воду набирать, белье полоскать. Колонок тогда еще не было.

Николай учился в школе, и его талант к рисованию был замечен одноклассниками и учителями. К тому же, как вспоминают его друзья, в юности он помогал при Петропавловской церкви: то что-то оформлял, то приходил помочь отцу Иоанну Зыкову по службе. Впоследствии он уехал в Ленинград, затем в Сибирь, где и умер в 1980-х годах. Из Чиркиных в Суксуне никого не осталось. Тетка Тоня доживала свой век в избушке-развалюшке в проулке по ул. Ленина. Скорее, это даже была ветхая банька, в которую свет проникал через маленькое оконце. В этой избушке вместе с ней, после племянника, проживали только курицы. Я в детстве со своей бабушкой Анной часто бывала у Тони-пролубницы. Мы приносили ей еду. Она никогда не отказывалась и по немощи своей и бедности тут же садилась кушать, а курицы вспархивали с полу к ней на стол. И так они все вместе питались. И смешно, и грустно было это видеть в семидесятых годах двадцатого цивилизованного века.

Фамилии Чиркиных и Егоровых исчезли из Суксуна навсегда. Кто знает, может быть, где-то еще проживают потомки этих родов? А писал ли Петр Иванович Чиркин иконы для суксунских жителей? Пока это остается загадкой. Ведь рядовые иконописцы своих автографов на иконы обычно не ставили. Хотелось бы узнать, как и почему судьба его забросила в Суксун? Как знать, может, это дело будущего, и мы еще отыщем в Суксуне написанные Чиркиным иконы?

«РЫБАКИ ЛОВИЛИ РЫБУ...»

Среди жителей улицы Ботово издавна многие занимались рыбной ловлей. Рыбы тогда в пруду было много, и никто не запрещал вылавливать ее сетями и мордами, ставить мерёжи. Осенью выплывало сразу по нескольку хозяев с *мерёжами*, находили рыбу, окружали и *ботами* начинали *ботать*. *Бот* — приспособление, сделанное из жести, конусное, типа большой воронки, оно надевалось на деревянный шест, и при ударе, хлюпая о воду, создавало определенный звук. Ботали поодиночке весной и летом. А вот осенью, когда рыба держится на глубине, в основном ботали вместе несколько хозяев, чтобы *косяк загнать*. Отсюда и пришло название улицы — Ботово.

Одним из любимых способов ловли было *лучение рыбы*. Осенью, в ночное время, многие рыбаки выплывали по двое в лодке на воду. Рыба в ночное время спит, а лов ее был возможен только тогда, *когда рыба под лучом стоит*. На носовой части лодки устанавливали железную решетку-козу, на ней разводили огонь из *смоля* — колотых сосновых пней, от которых свет был ярким и не сопровождался громким треском, чтобы рыба не уплыла. Лучением занимались вдвоем. Один сидел и управлял осторожно лодкой, второй стоял с *острогом* и колот освещенную огнем рыбу. *Острог* крепился на длинный шест, имел три зуба и более. Каждый зуб заканчивался зазубринойверху. Ловили в основном крупную рыбу, вроде щуки. Иногда ловили с одного раза по 10–15 щук. Рассказывают, что в пруду рыбаки иногда вылавливали щук огромных размеров.

Верить в это или нет, но рассказывали, что однажды поплыли ботовские мужики в лодке-долбленке с острогами лучить рыбу. Пруд еще не был поднят, а лодка у их была метров пять длиной. Глядят, спит в воде большая щука, длиной как раз в половину их лодки. Ткнули ее острогом, но рыба опрокинула их в воду и сломала острог. Рыбаки выплыли, обсохли и снова поплыли ловить «большушшую» щуку, взяв с собой уже вилы. Припоролы рыбиную и за лодкой приволокли. Говорят, что это правда. Один местный рыбак рассказывал: рыбачил он у церкви, а лодка его была длиной три метра шестьдесят сантиметров. Сидит тихо, рыбачит. Глядит — щука погреться всплыла, как раз длиной с его лодку. Видать, бывали и в нашем пруду диковинные рыбы!

Самыми распространенными способами добычи рыбы на пруду в старину была ловля *витилями*, *мордами*, *бреднями*, *сетями*, *неводами* и на *удочку*. Сети являлись самыми распространенными орудиями лова. Готовили пряжу для них и плели их в основном

женщины, которые проживали на этой же, Ботовой, улице. В глубокую старину сети плели из нитей, спряденных из волокон конопли и льна. Жители заводского поселка чаще покупали сырье на местном рынке или использовали уже готовые нитки. Сети вязали разные: *сплошные*, *без режи*. Их плели на плоской палке специальной плоской иглой из дерева или из металла. Для плетения подбирали палки такой ширины, какой размер *ячей* хотелось иметь. Каков диаметр палки, такой и будет ячей. «*По ячее и рыба*» — говорили рыбаки. Это зависело от сезона и от предполагаемых размеров рыбы. Сети плели по 20 и 100 метров, но чтобы тянуть было легче, плели 20–30 метров. Ведь нитка у сетей хоть и тонкая, а в воде намокает и становится очень тяжелой.

По низу и верху сети сквозь ячей продевались веревки для того, чтобы ее растягивать по воде и управлять ею. К верхней веревке привязывали поплавки, а к нижней — грузила. На реке Сылве ловили сетями с ячейей в пятнадцать сантиметров — вот какая крупная рыба водилась!

Ловили и на удочку. Уда делалась из березового прута. Размеры удочки были довольно впечатляющие, до семи метров длиной. С такими обычно рыбачили на Сылве. Поплавок резали из коры деревьев, блесну изготавливали из металла, а ловили рыбу на *силья*, *т. е.* в качестве лески использовали выдернутые из лошадиного хвоста волосы. Волосы брали от лошадей светлой масти и только от жеребцов, потому что такой волос крепче — хвосты у жеребцов не преют, в отличие от хвостов кобыл. Сплетали по несколько волосков специальными узлами. Мелкую рыбу ловили *в два силка*, а на крупную брали больше. Щуку старались ловить на шелковую нитку и делали металлический *поводок*, чтобы не перекусила. Крючки были кованые, а позже их стали делать из швейных иголок. Для поплавков использовали кору. Ловили кто на что: на мотыля — *малинку*, на хлеб, на тесто (зимой), на крупы, на опарыши — *бубей*, *мушинные личинки*, на силосника, на горох, вареную картошку, манную кашу, сваренную в мешочке, на червей. Лодки рыбаков в старину были в основном долбленки, а позже — плоскодонки, т. к. долбленки были очень *верткие*.

Немало примет, поговорок и баек было у рыбаков, а также разных страшилок. Одна из них — про пруд. Когда Демидов решил перегородить речку, чтобы построить на ней завод, то его рабочие никак не могли понять: почему вода уходит? Не могут запрудить — и все!

Пошли они к знающему старику: помоги, дедушка, плотину поставить! Старик сказал: помогу, но пруд каждый год будет принимать утопленника. С тех пор, говорят, так и есть! Каждый теплый сезон на пруду открывается и закрывается утопленником. Неосторожность, самонадеянность людей? Или еще что-то?

Ходил и такой слух. Мол, когда в старину строили заводскую плотину, то где-то в пруду «схоронили» саженей сто лиственничных бревен — для дальнейших ремонтов. Никто эти затопленные лиственницы так и не нашел.

Иногда удачливого рыбака спрашивали, завидуя его улову: «На что рыбачишь?». Рыбак вполне серьезно отвечал: «На горькую редьку да на червя-самца!» — «А как же ты его, самца, определяешь?». Хитрый рыбак вполне серьезно отвечал: «Беру червей, пропускаю через передние зубы, если что вытучится, то значит — самец!».

Один рыбак на подобные вопросы очень любил разыграть рыбаков такой шуткой: «Бабушка мне отдала золотую сережку. Вот я на нее и рыбачу!» или: «Ой, оборвалась сережка! Пойду у бабушки вторую попрошу!».

«Рыбья» и «водяная» тема получила широкое распространение в фольклоре заводских жителей. Ритуальную форму имели и до сих пор имеют пожелания рыболовам, отправлявшимся на лов: «Рыба на уд», «Рыба в лов», «Ни клёва, ни задёва!», «Рыба в сак!», «Ни хвоста, ни чешуи!». Были и такие поговорки: «Июнь — на рыбалку наплюнь!», «Не можешь рыбачить — не мучай задницу».

Но ремеслом или промыслом рыболовство в Суксуне не считалось. Не зря говорили: «Кто охотится да удит, у того ничё не будет». Это было лишь подспорьем к семейному бюджету и отдыхом, ведь главным и приносящим доход занятием была работа на заводах и в своих мастерских. Немало озорных частушек слагал народ и о рыбаках и пруде.

Рыбаки ловили рыбу, а поймали рака.

Целый день они искали, где у рака рака.

Или:

Со знакомой Клавою я по речке плаваю

А причалить не могу — муж стоит на берегу!

Рыбалкой на суксунском пруду настолько «заражались», что школьники пропускали уроки, а некоторые батюшки игнорировали

церковные обязанности. Рыбаки рассказывали про одного такого священника — заядлого рыбака. Где-то в 1960-х годах в Петропавловской церкви служил отец Михаил. И до того он полюбил рыбачить, что только лед окрепнет, так он на коньки — и к рыбакам! Сядет, скажет: «Господи, благослови!» и только так таскает рыбу! Рыбаки ему удивляются, а он им: «Я ведь все с молитвой». Покойника привезут в церковь, а батюшка на рыбалке! Вот старушки идут его звать, скользят по льду, пробираются, как каракатицы. А батюшка шутник был. Скажет только: «Иди, матушка, иди, сейчас приду, пусть покойник подождет. Я его дольше ждал!». Оставит снасти на льду, наденет коньки и бежит в церковь. Отпоет покойничка — и опять на рыбалку. Рыбаки удивляются: что-то быстро вернулся. А он пошутит с мужиками, скажет: «Да я его по ускоренной программе отпел!». Невзлюбили его служители церковные за такую страсть к рыбе. Хотелось им, чтобы батюшка все в церкви находился, а он, рыбная душа, то на пруду, то на речке Иргине!

Были у рыбаков и свои духовные покровители. Считалось, что в рыбной ловле помогают святые: апостол Петр, Иоанн Богослов, Алексей Божий человек, Иаков Заведеев. Также рыбаки и охотники за помощью обращались к Озерянской Божией Матери. Существовали молитвы на освящение кораблей, сетей и рыболовных снастей:

Господи, Иисусе Христе Боже наш, от пяти хлебов и двою рыбу пять тысяч насытивый, от избытков множество у крухов собрати устроивый; Сам, Владыко Всесильный, и предлежащая мережи благослови, молитвами Препоблагословенная, славная Владычицы нашей и Богородицы Приснодевы Марии, святаго славного, всехвального и первоверховного апостола Петра: и иже от них причащающихся рыб, в мире и здравии душевнем и телеснем сохрани, яко ты еси Податель всех благих, и Тебе славу воссылаем со Безначальным Твоим Отцем и с Пресвятым и Благим Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Заводской пруд был и кормильцем и поильцем местных жителей, а также местом отдыха. Для молодежи пруд служил особой забавой в те давние годы. Как праздника ждали ребяташки, когда пруд покроется льдом! И не только они, но и взрослые! Это была своеобразная ежегодная зимняя традиция у населения. Как только лед появлялся, ребята прикрепляли коньки на валенки и катались по всему пруду. У некоторых, за неимением фабричных, коньки были сделаны кузнецами из серпов. Была такая забава: против ветра проехать на коньках

по льду до Верх-Суксуна, а там, расстегнув и распахнув свои телогрейки, подобно парусам, и, подгоняемыми ветром, катиться до плотины. При ветреной погоде по пруду до плотины ребяташки неслись так, что искры выскакивали из-под коньков. Ради этого быстрого пятиминутного удовольствия и нужно было против ветра добираться до Верх-Суксуна. В вечернее время ребята, чтобы кататься подольше, использовали «фонарь». К консервной банке приделывали длинную ручку из проволоки или из длинной палки, чтобы катить ее по льду, наливали в нее керосин, густо перемешанный с золой, и поджигали. Таким «фонарем» можно было освещать себе путь. Главное — не расплескать огонь на буграх и трещинах.

Была у пацанов и такая опасная забава: как только появится первый лед, прокалывать в нем дырки и поджигать спичками скопившийся подо льдом и выходящий в отверстие газ. Получался звонкий выхлоп!

Раньше жители сами стремились к порядку. Даже завозили хвойные плетни — укреплять берег у пруда. По всему периметру пруда делали для этого *засеки*, там рыба и метала икру. Рыба тогда была крупней, ее было больше. И водоем был чище, т.к. старая заводская плотина была устроена правильно: грязь, нечистоты и ил не задерживались в водоеме, все протекало по низу. В старину рыбаки соблюдали свои неписанные законы и друг другу не пакостили, как это часто сейчас можно наблюдать. Ловля рыбы для некоторых стала просто бездумным браконьерством и своеобразной «коммерцией». Что говорить! Каждое время выдвигает свои ценности и идеалы, а есть ли они сейчас в современном мире? Пруд полностью загублен и загажен, и нет никому до этого дела: считают, что уж на их-то век пруда точно хватит. Но рыбы-то и сейчас уже почти нет! А на купалке — когда-то излюбленном месте купания с «нырялкой» и вышками, все меньше и меньше купающихся. Зато ежегодно санитарный надзор предупреждает нас о имеющихся в пруду цистах патогенных, и о том, что купание запрещено. А ведь раньше из пруда для питья брали воду! Не чище и река Сылва. И после каждого купального сезона мамы мажут ребятшек яркой краской с красивым названием «Фукорцин», либо местный окулист прописывает купальщикам, подцепившим инфекцию, мазь и капли для глаз. А бывает и хуже!

В районе Заимки еще в середине XIX века доктор Суксунских заводов Александр Петрович Щербаков обнаружил лечебные иловые грязи, которые уже позже стали добывать для местных санаториев

и использовать в лечебных целях. Заимка всегда была излюбленным местом для купания и отдыха. Там когда-то дно было песчаным, а сейчас — один ил. Раньше, не принимая специально грязи, даже не думая о том, жители, можно сказать, сами оздоравливались, купаясь в воде, содержащей ту лечебную грязь.

Когда-то в пруду водились раки. А теперь? Кто и когда их видел в последний раз? Современный пруд сильно засорен, и, возможно, раки исчезли совсем. Когда-то в пруду вылавливали моллюсков и делали из раковин очень красивые пуговицы. Цех по изготовлению перламутровых пуговиц находился в разнопромартели по улице Первомайская, 42. Артелей, где трудились разные кустари, в 1920-х годах в Суксуне было немало, и каждая специализировалась на чем-то конкретном. У многих жителей еще можно встретить завалывшиеся где-то перламутровые пуговицы, напоминающие о былом промысле.

От всех и каждого зависит сохранение нашего любимого водоема. Необходимо помнить, что природа рано или поздно отомстит!

ЗАПИСКИ МИРОВОГО СУДЬИ

Когда-то в Суксуне на улице Новой проживал старичок Григорий Васильевич Семков, который часто ходил в церковь. Многие старожилы помнят его как председателя ревизионной комиссии Петропавловской церкви, а также певчего в церковном хоре. Но мало кто знает, что до революции он состоял на государственной службе и был мировым судьей. Григорий Васильевич владел грамотой и обладал хорошим почерком. Своим родственникам он оставил много чего интересного. Особую ценность представляют его дневниковые записи, которые повествуют о жизни людей в Суксун-заводе до революции.

Сам Григорий Васильевич родился в 1888 году. Его отец плотничал у заводчика Каменского, а мать работала на мещан Манохиных, которые держали в лесу мыловарню: закупала жир домашних животных на ярмарках, торговала мылом. Григорий с детства стремился к знаниям и только благодаря своему трудолюбию и упорству получил образование. Ведь в те времена не всем удавалось закончить даже школу.

А дети в Суксун-заводе имели возможность поступить в училище, где велось обучение до шестого класса. Простой человек, закончивший такое училище, считался очень грамотным. История умалчивает, где продолжил свое дальнейшее образование Григорий, но, судя по

его документам и фотографиям, эта личность была, можно сказать, выдающаяся для своего времени.

Интересна судьба его родителей — Василия Степановича и Агриппины Абрамовны. Семья, где рос Василий Степанович, состояла из 24 человек! Девятилетний мальчик Вася, видя нужду, тайком ушел из дома в Кунгур и поступил на работу помощником дворовых рабочих к местному купцу Дубинину. Вначале работал только за пропитание и содержание, позднее ему стали платить жалование — три рубля в месяц. Мальчик вырос и, часто бывая на производственных заводах Дубинина, освоил много ремесел: выделку кожи, шорное, плотничье, столярное, кузнечное мастерство. И считался хорошим, завидным работником.

Мать Василия, Агриппина, происходила родом из Молебского завода. Ее родной отец, фельдшер Захар Федорович Ерофеев, проводя какие-то опыты с препаратом против яда змеи-гадюки, скоропостижно скончался. Вскоре, простудившись, умерла и мать. В семье Ерофеевых осталось трое детей, и все они были взяты на воспитание сердобольными богатыми кунгурцами. Агриппина же попала в дом бездетного суксунского торговца, Абрама Дементьевича Орлова, причем настоял на таком благодетельном поступке его деверь, купец Федор Митрофанович Назаров.

Так Агриппина стала Орловой и взамен умерших кровных отца и матери приобрела сразу двух богатых и влиятельных приемных родителей. Грушеньку очень полюбили, и воспитывалась она в семье опекунов до 18 лет.

Приемные родители вскоре решили выдать ее замуж, и непременно за Василия Семкова, который служил в рабочих у купца Дубинина. Василий пришел в дом Орловых приймаком. Хозяину это было выгодно — очень хороший работник, деловой человек. Но немало пришлось выслушать упреков Василию из-за бедняцкого происхождения, поскольку Абрам Дементьевич, за что-нибудь укоряя молодого зятя, любил напомнить: «Ты попал к нам, как мышь в крупу! На все готовое!». Такие упреки оскорбляли Семкова, и он уходил от Орловых, скитался с семьей по чужим квартирам. Прожив два-три месяца в одиночестве, не привыкший к будничному повседневному труду Абрам Дементьевич каялся и умолял своего зятя вернуться обратно.

В те времена немало было знатных торговцев в Суксуне, которые имели свои дома в Красноуфимске, Кунгуре, Перми. Их магазины

находились в центре Суксун-завода по улицам Средней (ул. Ленина) и Казамат (ул. Колхозная). Вообще торговля в XIX веке была очень развита в селении. Ею занимались около сотни местных жителей, в том числе семеро из них торговали даже вином.

Лавка Орлова располагалась в Торговых каменных рядах около Вознесенской церкви. Абрам Дементьевич вел торговлю на подотчет своему шурину, Федору Митрофановичу Назарову, и был, отчасти, зависим от него.

Прежде Базарная площадь в Суксуне тянулась по плоскогорью от конторы Демидова до дома виноторговца Павла Дягилева (ныне на этом месте установлен мемориал труженикам тыла). Дягилев содержал монопольную продажу вина в трех уездах: Кунгурском, Красноуфимском и Осинском. В Суксуне он купил дом, но не успел пожить в нем — скончался.

К началу XX века в Суксуне имелось несколько земских школ, двухклассное (позже — высшее начальное) училище, библиотека, волостное правление, фельдшерский и ветеринарский пункты, кредитное товарищество, почтово-телеграфная контора, а также две православные церкви.

Каждое воскресенье съезжались в Суксун на базар крестьяне с окрестных деревень. Позже базарным днем стал понедельник. В большом количестве прибывал в Суксун народ зимой, когда из Екатеринбурга привозили множество вяленой, сушеной, мороженой рыбы, говядины и прочего, а из Кунгура купцы везли разные добротные ткани и мелочный товар.

К тому времени в Суксуне были две осенние ярмарки, проходившие в престольные праздники: великомученицы Екатерины (24 ноября) и Григория Богослова (25 января). Летом ярмарочный день был 29 июня, т. е. съезжались к Петрову дню. В Ключах ярмарка проводилась в престольный праздник Иоанна Златоуста (13 ноября), в Тис-заводе — в праздник Рождества Христова (25 декабря), в Молебском заводе и селе Торговище — на Крещение (6 января), в Брехово — в праздник Дмитрия Солунского (26 октября) (даты указаны по старому стилю). На эти ярмарки, с началом осенних заморозков и времени забоя домашних животных, Агриппина и прочие женщины, работавшие в кустарных мыловаренных заведениях, и ездили закупать сало.

Тринадцать лет проработал Василий Степанович Семков помощником подвального склада винных изделий в Суксуне, двадцать семь

лет плотничал у заводчика Каменского. Работал Василий и на пристанях Каменского возле завода Тиса, Торговища и в Молебском заводе. Строил двустенные баржи, на которых во время весенней навигации сплавляли пиломатериал и плахи для дверных и оконных косяков. И. Г. Каменский и его люди уважали трудолюбивого плотника и доверяли ему разные сложные работы. Свободный день был у Василия в воскресенье, и в этот же день, раз в две недели, кассиры В. Д. Шмидт и А. А. Собакин выдавали рабочим зарплату. Но Василий предпочитал за получкой не ходить и с утра сам шел в лес — прогуляться и набрать сушняка, нарубить жерди, а жене наказывал: «Ты, Грушенька, сходи сегодня за получкой, да по пути зайди к Грише Катышеву, чтоб обязательно пришел под вечерок. Еще посулился прийти дружок Исаак Дмитриевич Баранов, сегодня надо маленько погулять. Ты, Абрамовна, испеки нам пирожок с рыбой да настряпай пельменей».

Так, за пельменями и сопутствующей выпивкой, заводские мужики, сетуя на свою судьбу, судили о делах, о детях, завидовали богатым, у которых ребята всю жизнь живут с родителями, а бедным приходится самим пробиваться в жизни.

Жизнь и простых заводских мужиков, и зажиточных граждан с детства наблюдал Григорий. Детские и юношеские воспоминания под старость вызывали у него ностальгию, и он опять и опять уверенным каллиграфическим почерком писал в своем дневнике о прошедшем.

Самые яркие воспоминания из детства — весенний сплав по Сылве. Ведь в мае, бывая с отцом на реке, Гриша наблюдал, как, извиваясь по речке Сылве, точно гигантские ящерицы, плыли счалки плотов с лесом. Ловко прыгали по бревнам сплавщики, длинными баграми с натугой упирались в грунт, выводя плоты в струю.

В его дневниковых записях есть также воспоминания о бурлаках на Сылве. В те времена бурлачество было опасным и тяжелым промыслом.

«...В весеннее время население занималось бурлачеством: сплавлено заготовленные на зиму лесоматериалы в бревнах по рекам Сылве и Каме до пристани Левшино. Некоторые из богатых людей строили зимние барки, которые в весеннее наводнение, груженные на месте фуражным овсом, рожью, белой глиной, кварцевым песком, сплавляли по рекам Сылве и Каме до пристани Левшино. С этой пристани хлеб и барки продавались и за буксирными пароходами отправлялись по реке Волге до Астрахани. Белая глина и кварцевый песок или на Уральские чугуны и медеплавильные заводы.

Кроме постройки барок богатые мужики в течение зимы скупали и рубили лес пород: ель, пихта — на бревна, годные на постройку стен в любые срубы. Весь такой лесоматериал из штабелей шел через дешевую бурлацкую силу в начале весны, после вскрытия рек, прохода или очистки ото льда, но уже после уже отправки с грузами: белой глины, кварцевого песку, ржи, овса, льняного и конопляного семя — барок и широких белян, для которых спешили использовать фарватер быстрого течения рек, от скопления вешней воды сталкивали в реку, на тихие места — «плес». Или из связанных по длине бревен протягивали на воде задержку быстрого течения воды — [делали] гавани. В них связывали по два бревна витилинами из свеженарубленного молодого березника, черемушника, рябинника, вяза и пр. Эти связанные между собой в комле и в вершине бревна захватывали баграми, насаженными на длинные шесты. Стягивали на воде и счаливали в плоты, поперец которых на концах ложились тощиною слези-уключины, закрепляемые к бревнам через петли-витилины клиньями по длине полена из березника и всякого леса.

Потому что бурлак, воткнув багор в дно реки в полушесте, тяжестью своего тела наваливается на него почти над водою, а ногами на месте бежит по вышедшему из фарватера реки изгибу плотов, которые продолжают быстро плыть вниз по течению реки за направлением переднего плота. Успех спуска счалки плотов по фарватеру реки прямолинейно зависит от аккуратности бурлаков, т. е. недопускания бурлаками малейшего выстуна средних плотов с фарватера. Иначе средние плоты, выйдя из порядкового затылочного строя против переднего, с потесью, — рулевого — плота, напором течения реки своротят и смешают всю счалку плотов.

В последнем катастрофическом случае бурлакам для спасения плотов остается единственная мера: рассечка плотов из общего их связывания и отпущка без всякого направления на произвольное течение реки. Отпущенные таким образом повозы часто поворачиваются по течению реки, создают затор, который от напора воды прорывается, разнося плоты и засаживая их далеко по плесу и в кустах мелких мест реки.

Такая посадка на мель плотов очень убыточна для лесопромышленников, потому что обсыхают в кустах, а далеко отнесенные от середины реки плоты обсыхают на лугах. Приходится разбирать их на бревна и вновь свозить для плотки и новой осенней тиховодной счалки. Не исключается возможность и пропажи бревен целыми пло-

тами. Живущие по берегам рек жители селений только таких разрывов счалок плотов и ожидают! Пользуясь безохранностью плотов, рассекают их и перевозят далеко от реки, пряча где-нибудь в логах, среди леса, на своих домашних постройках.

Занятие бурлацкими промысловыми сезонными работами по весенней холодной воде приводит к простуде ног, обутых исключительно всегда в лапти, неснимаемые с ног долгое время. Ноги бурлаков на плотах всегда бывают мокрыми. Времени на просушку носков и онуч-портянок никогда не бывает. Только врожденная привычка жителей Молебского, Суксунского, Тисовского заводов приводила их к занятию в дореволюционное время бурлацкими работами».

Еще до революции Григорий Васильевич постоянно находился на общественных работах: то был организатором кредитного товарищества в Молебском заводе, то маслодельной артели там же; то, будучи мировым судьей, защищал интересы заводчан и простых крестьян.

В своих записях он повествует и о судебных тяжбах, которые происходили в Суксун-заводе в минувшем веке. Одно из событий, всколыхнувших заводских жителей, — защита суксунской рощи, которую жители спасли от неминуемой вырубке. Григорий Семков вспоминал:

«...Суксунская сосновая роща прежде очень оберегалась суксунским населением. Занимая площадь в четыре квадратных версты, она была огорожена двойною изгородью: от нашего Суксуна за счет мирского западного капитала, скопленного от поступлений базарных сумм, а со стороны деревень соседних крестьян имела вторую изгородь, окружающую крестьянские удворные земли. Лес из рощи разрешался к вырубке только лишь через пятнадцать годов, и то ленточным порядком, в исключительных случаях — погорельцам, как, например, бывшему доверенному Распопову Ивану Федоровичу...

Братья Каменские были предприимчивые: они из-под государственной опеки у Екатеринбургского конкурсного управления купили заводы: Суксунский, Тисовский и Молебский. Иван Григорьевич Каменский принялся нещадно за истребление лесов. По его найму сами же тисовляне вырубали такую же сосновую рощу, какую имел Суксун. Ему продажа лесоматериала давала чистые барыши, и он так же хотел вырубить и суксунскую сосновую рощу. Однако суксунцы через своего доверенного Петра Максимовича Антонова до сосновой рощи И. Г. Каменского не допустили — затеяли с ним судебную

тяжбу, доведя ее через окружной суд и Казанскую судебную палату до Верховного Сената...».

И выиграло дело! Сосновая роща издавна была «нарезана» населению в качестве выгона, и заводские люди исправно платили за нее государственные выкупные платежи, земские, губернские сборы и налоги. Сосновая роща еще долго радовала людей своими реликтовыми соснами, дожидаясь очередных расхитителей местных природных богатств.

Примеры упорного стояния населения за рощу были известны еще и до появления здесь промышленника И. Г. Каменского. В 1888 году население Суксун-завода также отказало начавшему частично вырубать сосновую рощу со стороны реки Сылвы за кладбищем лесопромышленнику Бредникову, купившему якобы лес для сплава также в Екатеринбурге, у конкурсного управления. Документы на покупку леса оказались незаконными.

Уже при Советской власти, в 1940-х годах, Г. В. Семков явился одним из инициаторов открытия Суксунской Петропавловской церкви. Именно он писал письма правительству и властям. В 1944 году церковь вновь передали верующим. Будучи в преклонном возрасте, Григорий Васильевич вновь включился в общественную, но уже церковную работу. Вплоть до своей смерти в 1965 году постоянно посещал храм и много сделал для того, чтобы в нем вновь все было устроено так, как и в прежние времена.

У Григория Васильевича была большая семья. Часть наследников разъехалась в разные города, часть живет в Суксуне. Династия Семковых — одна из старейших среди суксунских жителей. Чтобы дети и внуки не забывали своих предков, Григорий Васильевич аккуратно написал «помянник» для молодежи, подробно расписал, когда кто родился, умер и кто кем ему приходится по родству.

Среди записей для поминовения умерших родственников есть интересные приписки. Именно они дают нам полное представление о людях, которые были дороги Г. В. Семкову, а ведь это не только родня. Сюда записан его учитель Николай Андреевич Собакин, скончавшийся в 1945 году, старосты Петропавловской церкви Петр Лопатин и Иоанн Бочарников, умершие, соответственно, в 1955-м и в 1958 году.

В поминальных записях автор дневников подробно рассказывает и о своем друге, Иване Прохоровиче Клокове: «...застеган насмерть в 1918 году по распоряжению свирепствовавшего произвола организатором убийства безвинных людей — Максимовым Михаилом

Васильевичем. Его палачи приезжали на лошади в дом Ивана Прохоровича и Рыжкова Василия Ивановича. Застегали насмерть Ивана Прохоровича за то, что сыновья жившей с ним вместе жены Александры Матвеевны Полещук были прапорщиками в Белой Армии».

На одной из страниц своих дневников Г.В. Семков незадолго до смерти делает запись: «Жизнь, жизнь! Зачем ты собою обольщала меня?». Наверное, к этому времени набожный старичок, убеленный сединами, проживший славную и долгую жизнь, пытался ответить на извечный вопрос о смысле жизни и о том, что же останется, когда все пройдет, и жизнь человека закончится.

ГИДРА РЕВОЛЮЦИИ

Сколько в Суксуне проживало и проживает семей — столько историй можно рассказать о них! У каждого она индивидуальная, необычная, никем никогда не записанная. Хотя старые истории и остаются какое-то время в памяти, но в большинстве забываются.

До революции в селении проживала семья Тюриковых. Хозяин, Федор Ипатович, был кустарем-медником и одно время работал на фабрике А.А. Панфилова, что на улице Киршиной, а также изготовлял упряжь для лошадей. У него было три сына: Петр, Александр и Дмитрий — гордость, опора и надежда. Но 1918 год лишил отца многих надежд и ожиданий. Неизвестно, как сложилась бы судьба братьев Тюриковых, не будь революции и Гражданской войны. Большие потрясения не обошли стороной ни один дом в Суксуне, в том числе и дом Федора Ипатовича. Александр воевал в армии Колчака и эмигрировал в Китай, Петр принял чин священнослужителя и за это был репрессирован, а младший сын, Дмитрий, стал одним из первых комсомольцев Суксуна. На фоне каких же событий проходила жизнь этих людей, событий довольно сложных и трагических?

В 1917 году на Суксунском железоделательном заводе работало всего 112 человек. В действии находились два прокатных стана, вагранка, пять токарных и шесть сверлильных станков, два кузнечных горна для плавки меди, два двигателя — паровой и внутреннего сгорания. С начала войны 1914 года завод был отдан в аренду Всероссийскому земскому союзу. В небольших объемах завод производил выпуск сортового железа и меди. В это время под руководством поляка Альбина Константиновича Шишко завод освоил новую продукцию — полевые кухни. С появлением А.К. Шишко на заводе в Суксун прибыл

и его племянник, Ян Янович Высоцкий, которому суждено сыграть главную роль в предстоящих событиях, на пороге Гражданской войны.

Шла зима 1918 года. В доме мастерового Федора Ипатовича Тюрикова было шумно и весело. Вернулся с фронта на побывку и радость родителям служивший в Белой армии средний сын Александр. Декабрь 1918-го и начало 1919 года были в Суксуне самыми тревожными. Отступление красных войск из села вызвало многие аресты и расстрелы недовольных властью жителей, тогда были уведены в Каменный Лог и там расстреляны многие жители Суксуна, в том числе и 84-летний священник Антоний Попов. Среди убитых оказались даже солдаты старой русской армии, которые что-то слишком долго, по мнению большевиков, служили царю и Отечеству. Напуганные заводские жители затаились в страхе и надежде, ждали хоть какого-то конца тревожных событий.

Начиная с июля по 6 декабря (по старому стилю) 1918 года в Суксун-заводе власть держали большевики, здесь стояли красные отряды из Кунгура и полки из Красноуфимска. Организатором и командиром 1-го Красноуфимского полка был Иван Кенсоринович Грязнов. Полк состоял из рабочих Мотовилихинских заводов и жителей Красноуфимского уезда. Ядром 1-го Красноуфимского полка стал отряд Александра Борчанинова, который в июле 1918 года вместе с Кунгурским отрядом Звонарского прискакал подавлять кулацкое восстание в Суксуне.

2-м Красноуфимским полком командовал безногий инвалид, бывший участник империалистической войны, старший унтер-офицер Яков Семенович Анфалов. В состав этого полка вошли Петроградская рота и кавалерийский полк имени тов. Володарского, убитого эсерами 20 июня 1918 года. Командовал конно-партизанским имени Володарского полком большевик Виталий Дмитриевич Ковшов. В то время красные полководцы Грязнов и Анфалов, сражавшиеся за власть Советов, не знали, что через 18 лет мясорубка политических репрессий закрутит и перемешает их с «врагами народа» — остаток своей жизни они проведут в сталинских лагерях. А Ковшов погибнет в ноябре 1920 года в боях на польской земле. Тело 26-летнего бойца захоронят у Кремлевской стены.

Рядовые красноармейцы времени даром не теряли. Его, видимо, было достаточно, чтобы, помимо фронтовых боев, повоевать на фронте любовном: познакомиться с местными девушками, даже жениться!

Но в декабре 1918-го в Суксун пришли новые хозяева. Местные девушки, успевшие выйти замуж за красноармейцев, очень пожалели о своем поступке. Ибо некоторых из них, как жен красноармейцев, публично выпороли на площади. Их же заставили выкапывать из земли трупы первых членов Совета, убитых мятежниками в июле 1918 года и похороненных на пригорке у заводоуправления. Это место еще во времена крепостного права не без основания считалось лобным: здесь на эшафоте наказывали кнутами заводских рабочих.

Комендант Суксуна Иван Павлович Игнатов, по прозвищу Шантарич, наделенный неограниченной властью казнить и миловать, своим распоряжением о перезахоронении напомнил сторонникам большевиков о том, как эти же самые тела убитых членов Совета сюда, на пригорок, по приказу красных закапывали жены буржуев и кулаков. Останки борцов за Советскую власть, выкопав, выбросили в скотомогильник на Низкое. По всему селению прошли розыски и аресты граждан, сочувствующих Советской власти. А Игнатов с удовольствием набрасывал на шеи жертв «пеньковый галстук».

Портрет Карла Маркса, висевший над дверями Совета большевиков, был сорван, толпа растоптала его ногами. По улицам Суксуна маршировали колонны белых солдат и пели на мотив «Марсельезы»:

*Отречемся от старого света,
Отряхнем его прах с наших ног.
Нам не надо дурацких Советов,
Ненавистен «товарищей» чертог...*

Красиво гарцуя на лошади, проехал по улочкам вернувшийся руководитель июльского восстания, бывший учитель военного дела двухклассного училища им. Л.Н. и И.Г. Каменских Ян Янович Высоцкий. Теперь он — белый офицер, командир конного отряда. Указав нагайкой на полуразрушенное взрывом здание школы (см. Гл. II, Взрыв в Суксуне) он обратился к толпящимся на улице ученикам: «Вот что сделало для вас рабоче-крестьянское правительство». Около школы стоял зловещий короб с трупами недавно повешенных на воротах дома Прокопия Шарлаимова Каменского и Павла Белоусова, неизвестно кем и зачем выставленный на показ учащимся.

Во время властвования красных в Суксуне старые школьные методы преподавания никак не сочетались с новыми методами, которые навязывали местные товарищи. Они даже подвергли полной ревизии

все школьные учебники. Ревком запретил на уроках арифметики употреблять выражения: «...один купец купил, один купец продал». К власти большевиков были враждебно настроены многие учителя. По вечерам в рекреационном зале школы собирались недовольные педагоги и обсуждали дальнейший план действий. Высоцкий, преподавая в училище военное дело, знал, что тут уже много ребят выражают свои симпатии Советам.

И среди подростков в то время уже существовала «классовая вражда». Мальчики делили себя на «патрициев» и «плебеев». Ненависть «голодранцев» к «маменькиным сынкам» обостряла отношения между ребятами. По примеру бурсаков «плебеи» хватили какого-нибудь «патриция» и делали ему «смазь вселенскую» или давали тумачков «по-темному». Дети постоянно сталкивались в драках и «политических» спорах. В это время наиболее обострились отношения учеников и учителей. Учителя, не стесняясь в выражениях, называли таких драчунов и забияк «мужланами», «нецивилизованными», «некультурными». Пытаясь наладить порядок и дисциплину в школе, директор, эсер Иван Миронович Щитов, отчисляет из состава учащихся «маленьких развращенных большевиков», сочувствующих взрослым, «большим», большевикам. В Суксуне у революционно настроенных рабочих в лексиконе появились новые слова: «товарищ», «братишка», «интернационал», «гидра контрреволюции», «большевик», «РКП(б)»... Особенно понятным было слово «большевик». Неискушенные в политике жители рассуждали так: большевиками зовутся? Значит, их больше! А где больше — там и мы!

В июле 1918 года офицер Высоцкий стал одним из организаторов мобилизации суксунской молодежи в Белую армию. А в конце лета 1918 года он уже был назначен командиром роты особого Суксунского батальона, состоящего из пяти рот и созданного в Нижнесергинском заводе. Этот особый батальон вошел в состав Верхне-Удинского полка. Суксунским батальоном командовал чех Илек, Верхне-Удинским полком — подполковник Ракитин. Мятежники, соединившись с белочехами, создали серьезную угрозу Советской власти на Урале. Враг превосходил красногвардейские полки своей численностью, выучкой солдат и вооруженностью.

Рождество Христово при власти белых — 25 декабря (по старому стилю) 1918 года — священнослужители встретили торжественно. Отслужили благодарственные молебны по поводу избавления Суксуна

от власти большевиков. С амвона поднимали высоко над головами кресты и произносили: «Многая лета Верховному правителю Колчаку и его христолюбивому воинству!». С каким умилением и подобострастием смотрели богачи Суксуна на прибывших белых офицеров! Комендант Игнатов со своими подручными тоже не обходили церковь стороной. Вместе со всеми перед иконами клали земные поклоны, молились за полное уничтожение коммунистов.

Сын Федора Ипатовича, Александр, был призван в Белую армию наряду с остальными еще во время первой летней мобилизации. Долго его не было дома, и вот вернулся, к радости родителей. Уютно ему в родной избе. Мать подает на стол. Отец, открыв бутылку с самогоном, заводит с сыном неторопливый разговор. Неожиданная встреча застала стариков врасплох. Ведь совсем недавно в Суксуна командовали красные — и вот пришли белые. На днях они для острастки повесили на железных воротах дома Каменского дружка Федора Ипатовича — Прокопия Шарлаимова. И за что? За то, что был выбран заведующим земельным отделом. Противоречивые чувства овладевают стариком. Не встречал Федор Ипатович в политические дела, но глубоко переживал события, замыкался в себе, нервно курил и уходил к себе в литейку. Отец и сын, чтобы невзначай не омрачить радость встречи, пытаются уйти от разговора о политике, но вновь возвращаются к этой теме: то про фронтовые новости, то про разгон сельскохозяйственной коммуны, то про фабриканта Панфилова. Отцу не терпится расспросить сына про новую власть, понять происходящее.

«Слышали мы про справедливую власть, порядок-де будет, и Учредительное собрание обещают. А вот почто, скажи, как это понять, повесили выбранных обществом Шарлаимова, дружка моего, да и Пашу Белоусова туда же?». Вопрос отца вызвал смущение молодого бойца. С детства знал Александр тятиного (так в старину обращались к отцу) друга, но он и сам не до конца понимает происходящее. Но, разгорячившись от выпитого, заявляет: «Раз повесили, значит, заслужил! Довольно о политике, не наше это дело!». Такой неожиданный ответ заставил всех замолчать. Отец больше не задает вопросов, молча выходит во двор. Старшие сыновья его оказались по разные стороны самой горячей линии событий. Младший сын, школьник, открыто симпатизирует большевикам. Что же их всех ждет в жизни? Но не знал еще тогда Федор Ипатович, что совсем скоро начнется отступление белых и что на смену им победно придут красные,

окончательно прогонят белогвардейцев. На чужбине, в Китае, в числе белоэмигрантов окажется и сын Александр.

В начале июня 1919 года дела у белых ухудшились. Началось отступление. Проскакал через Суксун чехословацкий генерал Гайда. Прошла колчаковская каппелевская дивизия, замучила напоследок несколько жителей, сочувствующих Советской власти. Много молодежи ушло тогда с белыми в эмиграцию, где они волею судьбы встречались, общались, вместе искали работу. Александр Тюриков прошел с Белой армией весь путь от Суксуна до Харбина. Войска Колчака, хотя и получали разностороннюю помощь от иностранных государств, но в итоге потерпели поражение. Белая армия бросила на произвол судьбы своих бойцов, предоставив им самим позаботиться о себе в чужом краю. В те времена на Восточном фронте у всех воюющих сторон распевалась песенка, иронизирующая над «Верховным правителем России»:

*Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский.
Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Правитель смылся.*

Не смогли ни Колчак, ни Деникин с Юденичем одолеть чудовищную гидру революции! У нее вновь и вновь вырастали отрубленные головы. Не одолел бы ее, наверное, и легендарный Геракл, убивший девятиглавую Лернейскую гидру!

Загнанный в чужую страну, Александр искал работу. То и дело везде попадались на глаза русские эмигранты, мелькали названия и вывески на непонятном китайском языке, туда-сюда сновали маленькие китайцы, звучала русская речь вперемешку с китайской. Из ресторанов доносились русские песни, навевавшие тоску. Здесь же обрели вторую Родину многие жители Сукун-завода и его окрестностей: белые офицеры — командир конной разведки Высоцкого Александр Павлов, Вячеслав Семков, Михаил Осолихин и многие другие.

Верил в возвращение на родину и Александр Федорович Тюриков, но ему не суждено было вернуться в Суксун никогда! Однажды в Харбине на улице он встретил своего земляка, суксунца

Александра Федоровича Максимова. Оба Александра, оба Федоровича, оба 1900 года рождения. Большая радость смешалась с чувством тоски по родному дому. С этого момента они стали неразлучными друзьями.

Уходя на войну, Александр Максимов взял с собой образ Святого Николая Чудотворца, которым благословил его отец. Почитаемый святой способствовал ему в житейских делах. Жизнь в эмиграции сложилась более чем удачно, у него даже появились новые родители — тоже эмигранты, супруги Якубицкие, принявшие его как родного сына. А потом в жизнь вошла любимая жена Мария, создалась своя семья. Женился и Александр Тюриков. Его избранницу тоже звали Мария.

Для русских в далекой чужой стране церковь была единственным утешением. Поэтому оба Александра чтили православные обряды. Особым рвением к Богу отличался Александр Тюриков. Он был регентом в одной из харбинских церквей. Оба товарища переписывались с родными, отсылали письма в Россию. Но родственники, опасаясь гонений со стороны властей, редко отвечали на письма, ссылаясь на то, что у них нет чернил. Впрочем, «изгнанники» понимали истинную причину молчания родных.

В 1935 году у Максимовых родился сын Виктор, а 1942-м — дочь Татьяна, крестными родителями которой стали русские эмигранты Александр Тюриков и Елизавета Третьякова. Крестили девочку в харбинской Свято-Иверской церкви — именно в этом храме большинство русских находили тогда душевное утешение и надежду на будущее.

В Суксуне у Александра Тюрикова остались два брата. Старший, Петр, 1899 года рождения, еще в пятнадцать лет отпросился в Белогорский монастырь, где и проживал послушником, лишь изредка появляясь дома. А младший, Дмитрий, 1902 года рождения, в годы Гражданской войны оставался с родителями. В 1919 году окончил Суксунское двухклассное училище, в 1916 году переименованное в высшее начальное, уже с 9-годовалым сроком обучения. Его юность пришлось на время становления Советской власти в Суксуне, и он симпатизировал большевикам.

Осенью 1919 года, когда Красная армия с боями одержала победу над белогвардейцами, в Суксун прибыл представитель политотдела 3-й армии Восточного фронта товарищ Белоусов. С юношами и девушками Суксуна он проводил беседы о Коммунистическом Союзе Молодежи. В Народном доме, где собиралась рабочая молодежь, часто

бывал и Дмитрий Тюриков. Загоревшись идеями революции, молодой человек в 1919 году одним из первых вступил в комсомол. Председателем комсомольской ячейки в ту пору был Михаил Щербинин, а Тюриков стал его заместителем.

Родители юношей и девушек — первых комсомольцев, опасаясь за жизнь своих детей, с большой скорбью принимали это известие. «Только затолкали свои головы в петлю!» — говорили молодежи убежденные в недолговечности Советской власти жители. И не удивительно! Ведь еще продолжалась Гражданская война, и в любой день власть в Суксуне могла опять поменяться! Плакала, причитала и мать Дмитрия, уговаривала его выйти из комсомола. Но упорные новоиспеченные и воинственные комсомольцы делали свое дело, шантажируя своих родных заявлениями, что уйдут из дома! А ведь уже в первом составе их было около 30 человек. Комсомольцам под их собрания и заседания передали второй этаж дома купца Рожнова (ул. Ленина, 25), с мебелью и пианино. Комсомольцы каждый вечер собирались в помещении своей ячейки. У молодых неопытных ребят были тысячи вопросов. Обсуждалось: каким должен быть настоящий комсомолец, можно ли комсомольцу верить в Бога, выпивать, играть в карты, носить галстук и т. д. Вся комсомольская работа велась под руководством партийной ячейки, секретарем которой был председатель волисполкома Сергей Афанасьевич Блохин.

После активизации Белого движения на юге России партия большевиков бросила клич: «Все на борьбу с Деникиным!», и многие суксунские комсомольцы отправились в свой «последний и решительный бой». Дмитрий Тюриков по путевке Екатеринбургского губкома РКСМ с группой других уральских комсомольцев был направлен в Томск. Там он обучался в 5-й военно-инженерной школе краскомов (красных командиров) вплоть до ее расформирования в 1923 году. Карьера его складывалась постепенно. Он работал в финансовых органах, позднее трудился по договору на Сахалине, в Хабаровске, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском. И почти рядом с ним — только по ту сторону границы — находился его брат Александр. Но шли печально известные тридцатые годы, репрессии в Советском Союзе набирали обороты. Слухи об этом долетали и до русских эмигрантов. Не все решались ехать на Родину, а многие из тех, кто поверил, что их простят, и уехал в новую Россию, поплатились за это жизнью.

В годы Великой Отечественной войны Дмитрий работал на Камчатке. На фронт он не попал (имел бронь), его задачей было

вести всю документацию по тому капитальному ремонту морского флота, который производился в доках Сан-Франциско. С 1946 года работал в рыбной промышленности. В 1949 году вступил в партию. Сахалинский обком КПСС направил его на курсы, а затем — на так называемую «Стройку коммунизма», строительство тоннеля под Татарским проливом. Здесь, на мысу Лазарева, он работает инструктором политотдела и редактором местной газеты. После смерти Сталина Дмитрий возвращается вновь в рыбную промышленность, работает на острове Карагинский близ Аляски. Выйдя на пенсию, Дмитрий жил в Свердловске, состоял в активе ветеранов комсомола, был членом политбюро, руководителем группы народного контроля. В семье выросло трое детей: два сына и дочь, было девять внуков и правнуки. Умер Тюриков в середине 1980-х годов.

Дмитрий Федорович был активным коммунистом, уважаемым среди товарищей. Он сделал все, чтобы восстановить воспоминания тех лет, приложил немало усилий, чтобы уже на пенсии записать воспоминания первых большевиков Суксуна и участников Гражданской войны. Он принимает участие в создании в 1977 году Суксунского историко-краеведческого музея. Он — автор многих рукописных воспоминаний о старине Суксуна, которые пополнили фонд нашего музея, автор стихов, которые посвящены боевым дням становления Советской власти. В одном из них он напишет о разгроме колчаковской армии:

*Не сразу смылся адмирал.
На рубежах он огрызался
И вскоре все-таки пропал,
В Иркутске с жизнью распрощался.
Водой морскою, втихомолку,
Осколки драпали в Шанхай,
Но что же в этом бегстве толку?
Для них Китай-то был не рай!*

Брат Александр для Дмитрия тоже был тем самым «осколком». Однако родственные отношения оказались крепче политических взглядов: братья переписывались. В 1951 году Дмитрию пришло последнее письмо из Харбина, где говорилось о трагической гибели брата. Уроженец Суксуна Александр Федорович был похоронен на Русском кладбище в Харбине. На могиле возвышался каменный православный крест с надписью: «Регент Тюриков Александр Федо-

рович, 12.12.1900–09.01.1951». Детей у Александра не было. Судьба его жены Марии не известна. А русского кладбища в Харбине уже давно нет. Плитами с его надгробий выложена мостовая у реки Сунгари. А верный друг и тезка Тюрикова, Александр Федорович Максимов, только в 1957 году смог вернуться с семьей из эмиграции в родной Суксун, прожив в изгнании тридцать лет!

Судьба старшего брата Тюриковых, Петра, тоже сложилась трагически. Мальчик с детства любил церковь и, как упоминалось выше, в пятнадцать лет отпросился у родителей в Белогорский монастырь, где был послушником до 1921 года. Гонения, обрушившиеся на братию монастыря в 1918 году, не испугали его и не заставили свернуть с выбранного пути. Но стать монахом он не успел. После закрытия монастыря в 1921 году жизнь его изменилась, пришлось вернуться в Суксун.

В монастыре он хорошо изучил церковный устав и пение, поэтому был поставлен регентом при Суксунской Вознесенской церкви. В это время там же с ним служил и другой регент, Александр Васильевич Чуканов. В 1920-х годах в хор Вознесенской церкви набирали детей разного возраста, чтобы с детства обучить правильному пению и нотной грамоте. Любимый родитель был горд и счастлив, если его чадо пело на клиросе. В основном, с детьми занимался Чуканов. Надо сказать, что многие из этих детей до конца своей жизни пели в церковном хоре. К примеру, Лиза Бормонтова (Тепелина) начинала учиться пению в 1920-х годах. Ей было уже глубоко за 80, а она все ходила в Петропавловскую церковь и пела на клиросе, причем пела грамотно, хорошо поставленным высоким голосом. И в этом преклонном возрасте Лиза отправлялась даже в Крестные ходы, порою истерев до дыр не одну пару кроссовок. Своих учителей-регентов она помнила всегда.

Итак, средний сын Тюриковых, Александр, с 1920-х годов живет на чужбине, служит регентом в одной из русских церквей. Младший сын, Дмитрий, активно устанавливает Советскую власть в Суксуне. Старший, Петр, в 1931 году, в самую пору непрекращающихся гонений на церковь, рукоположен в сан иерея ко храму села Черный Яр. Он уезжает из Суксуна к месту служения вместе с семьей — а семья у него была большая. Власти всячески притесняли и преследовали его, требовали уплаты все больших и больших налогов, так что он в результате оказался неуплатным должником и мог быть в любой момент арестован. Налоги требовалось платить не только деньгами, но и мясом, и шкурами. Отцу Петру пришлось разводить свиней, откармливать их и сдавать государству. Службы почти во всех храмах

Пермской епархии были запрещены. Закрыт был и храм, где служил о. Петр, и он перешел на службу в Сретенскую церковь, в село Ляды, которое располагалось недалеко от губернского центра. Отец Петр был большим проповедником веры, а тогда это было очень опасно. Он призывал народ креститься, венчаться, разъяснял, что жить в блуде — грех. Даже татары принимали у него крещение. Эти действия пастыря Советская власть рассматривала как антисоветскую агитацию.

К тому же беда приходит, откуда не ждешь. У Петра Федоровича было шестеро детей (седьмой родится уже после его ареста.). Но, как говорится, «в семье не без урода». Один из сыновей был мальчиком непослушным, самовольным, даже занимался кражами в поездах. Ему часто попадало от родителей. Затаив злобу на отца-священника, мальчик-подросток решил отомстить, и не без помощи старших «товарищей». Ведь в школах тогда много говорилось о бесчисленных затаившихся врагах народа. С первых классов дети заучивали стишок:

*Кругом стоят враги страны,
Врагами мы окружены.
Враги готовятся напасть
На власть Советов — нашу власть...*

И вот в комсомольскую организацию Усть-Сылвенской школы пришло заявление от четвероклассника Вани Тюрикова, который жаловался на невыносимые условия жизни в семье. Он писал: «*Отец мне не дает книжки читать советские, бьет меня и мать, например, когда не сходишь в церковь, заставляет богу молиться*». Но самое страшное было в конце заявления: «*Он говорит, что при Советской власти хуже живут, а раньше было лучше, чем сейчас. Говорит, что Сталин будет тоже вредитель, и все также другим рассказывает*».

Письмо написано в 1939 году. Петр чувствовал, что надвигается арест. Еще можно было его избежать и тем самым сохранить жизнь, но для этого надо было перестать служить. Друзья советовали священнику в это страшное время уйти из храма, но он не согласился. «*Что должно совершиться, то и совершится, надо принимать все, что посылает Господь*», — говорил он. И прослужил до лета 1940 года. Когда пришли его арестовать, священника дома не оказалось, уехал по делам в Пермь. Страж порядка улегся на пороге дома и заснул. А отец Петр, вернувшись в село и не заходя домой, сразу же проехал в храм — и здесь был арестован. Особое Совещание приговорило его к заключению в концлагерь — сроком на десять лет.

Петр Федорович отбывал наказание в Коми АССР, в городе Ухте. Здоровье его, и без того слабое, совсем расстроилось. В сентябре 1942 года о. Петр попал в лагерную больницу. Из лагеря он писал семье: «*По болезни сердца и почек лицо припухло и общая слабость во всем теле. Я лежу в стационаре 14-го лагпункта... Кормят не досыта, но лежащему ладно. Жизнь моя по-старому, на общих работах, что заставят. Живите дружно, не ссорьтесь, это не полезно для Вас, дорожите друг другом, любите друг друга сильнее, помогайте друг другу, живите мирно. Благословляю Вас тысячу раз. Отец Петр*».

Это было его последнее письмо. На общих работах в лагерях выжить было невозможно. Тяжелый каторжный труд, болезни и голод в исправительно-трудовых лагерях военного времени сделали свое дело — заключенный № 2838 П. Ф. Тюриков скончался. Не дожил до старости и его сынок Ваня: в конце концов его поймали с поличным в поезде, осудили за кражу, и он умер в тюрьме.

Из трех братьев Тюриковых лишь комсомолец и партиец Дмитрий Федорович доживет до глубокой старости и умрет в Свердловске. Александр Федорович погибнет в Харбине, Петр Федорович отойдет ко Господу в северном лагере. После его ареста у матушки родится седьмой ребенок, которого назовут в честь отца — Петром. Впоследствии он переедет на родную Тюриковым землю — в Суксун. И будет воспитываться уже в Суксуне, с детских лет прислуживать при вновь открытом в 1944 году Петропавловском храме, вместе с мальчиками Геней Самсоновым и Колей Чиркиным помогать о. Иоанну (Зыкову). Петр Петрович Тюриков, сын священника, тоже станет священником, но, к сожалению, его пастырская жизнь будет короткой: при исполнении своих обязанностей он и скончается.

Вот невыдуманные судьбы, истории из тех времен и событий, которые еще не забылись. Они не уйдут в прошлое и постоянно будут напоминать нам о важности личного выбора, о совести, стойкости, верности и предательстве.

«ЕЖЕЛИ Я ПАДУ ПОЗОРНОЙ СМЕРТЬЮ...»

Серая записная книжка 1918 года. Страницы исписаны карандашом и розовыми чернилами, облиты горькими слезами, размывшими надписи. Но сквозь грязновато-розовые разводы можно многое про-

честь о короткой жизни двух любящих супругов – Петра Матвеевича Худякова и Павлы Андреевны Шарлаимовой.

О Петре Матвеевиче суксунцам почти ничего не известно — скудная информация, которая печаталась раньше по поводу юбилеев социалистической революции, и та строго рецензировалась партийными органами. Но его имя окружал ореол славы — первый идейный красный директор Суксунского механического завода, пал от рук белых в 1918 году. Но был ли он «красным»? Как же все произошло на самом деле? И кто он такой, Петр Матвеевич Худяков?

Трагическая его история схожа с судьбами многих людей, безвинно загубленных в братоубийственную Гражданскую войну. Петр Худяков родился далеко от этих мест, его детство и юность не связаны с механическим заводом, но именно Суксун стал для него роковым местом — здесь ему было суждено безвременно погибнуть. Родился Петр Матвеевич в 1892 году в Бердышевской волости Оханского уезда, в семье бедняка. Он рано лишился родителей и был воспитан родней. В молодости занимался тем, что строил водяные мельницы. Потом служил в армии, участвовал в военных действиях 1914 года. В Суксуне он появился, женившись на Павле Андреевне Шарлаимовой. Шарлаимовы — известная фамилия в селении. Их предки появились здесь одновременно с пуском медеплавильного завода. По Петровской переписи 1747 года в Суксун-заводе уже проживали аж три семьи Шарлаимовых, выходцев с Ветлужской вотчины.

Дом Андрея Шарлаимова, отца Павлы, стоял в улице Киршиной (ныне ул. Чапаева), 27. Рядом находились дома богатых самоварников — В. Г. Помыткина, А. А. Панфилова, Н. Т. Шарлаимова, колокольного мастера М. Ф. Ерофеева. Рассказывают, что Павла Андреевна обладала твердым непокорным характером, рано уехала от родителей в губернский город Пермь и там встретила своего будущего мужа.

Высокий брюнет с солдатскими усами и жгучими цыганскими глазами покорила сердце девушки. Муж и жена горячо любили друг друга. После свадьбы даже написали себе «Наказ» — своеобразное обязательство, руководство для будущей семейной жизни. Старая записная книжка поведала нам об этом: *«...жить спокойно и не делиться, а также не скандалить между собою. И не оскорблять друг друга скверными словами, а также не обманывать друг друга. Слушать совет один другого, который нужен для семейной жизни. Не оставлять один другого в случае болезни или увечья. А также и при окончании нашей жизни или смерти внезапно, то все имущество*

и вещи должны быть и находиться у того, кто будет делать похороны, тому и останется все, но с тем, чтобы ничего не распродавать и не расхищать оставшееся имущество до возраста и воспитания детей. Не оскорблять один другого в измене мужского и женского пола, в супружественной жизни до 100 лет прожить честно».

Надежды на будущее, радость начавшейся мирной семейной жизни вскоре были разрушены. Молодожены прожили в браке лишь семь месяцев. Записная книжка Петра Матвеевича, начатая 13 сентября 1918 года, хранит строчки, сделанные его рукой, а впоследствии — рукой его молодой вдовы. Тут и заполненные графы часов рабочих дней на заводе, где работал Петр, и наименование продукции, изготовляемой в то время на Суксунском заводе, и рисунки, и чертежи каких-то деталей, и расчеты. В декабре 1918 года записи Петра прерываются, остальные записи ведутся уже Павлой Андреевной. Через неразборчивую размытую запись проступает безотрадная картина последних дней жизни П. М. Худякова.

1918 год в Суксуне был наполнен кровавыми событиями: убийство священников, казнь первых большевиков и членов Совета на Песчаной горе, взрыв волостного правления со складом боеприпасов, отступление Красной армии, приход белогвардейских войск... Простому люду было несложно запутаться в происходящих событиях, в новых партиях: большевики, эсеры, кадеты, анархисты, монархисты. Существующие политические разногласия заставили идти отца против сына, а брата против брата. Приход красных войск в Суксуне сопровождался арестами, расправами и убийствами невинного населения. Так же беспощадно, как расправлялись с населением красные, вели себя и белые, заняв поселок, — в ответ на красный террор, объявленный вождем пролетарской революции. Белые арестовывали даже женщин только за то, что те носили красные кофты! Из-за красной кофты, например, была арестована учительница двухклассного училища Мария Андреевна Бухвалова.

Невинной жертвой стал и Петр Матвеевич. Он не имел никаких четких политических убеждений, но именно этот человек был выбран в 1918 году директором завода, который еще недавно принадлежал И. Г. Каменскому. Энергичный молодой человек, да еще в прошлом механик Мотовилихинских заводов вызывал уважение и доверие среди коллектива рабочих. Из воспоминаний жителя Суксуна Дмитрия Федоровича Тюрикова: *«По характеру Петр Матвеевич был требовательный к себе и подчиненным. Политических взглядов*

не высказывал. Его деловитость и примерное трудолюбие снискали в среде рабочих доверие и уважение. Немудрено, что когда перед ревкомом встал вопрос о замене старого директора Шишко, то выбор пал на Худякова. Молодой (ему в ту пору было 26 лет) энергичный Петр Матвеевич ушел целиком в производство, жил интересами коллектива, не вмешиваясь в политическую жизнь».

С 6 декабря 1918 года (указан старый стиль) в Суксуне на полгода установилась власть белых. 12 декабря П. М. Худякова арестовали. Не разобравшись и поддавшись на клевету завистников, белые увидели в молодом человеке своего врага. Нашлась и причина, ставшая для него роковой: при отступлении красных войск из Суксуна понадобился особый транспорт для спасения артиллерии. Ревком обязал директора завода изготовить мощные сани под орудия красных. При вмешательстве военного комиссара М. В. Семкова заказ Красной армии был выполнен. Не в пользу Худякова сыграло и то, что в связи со срочностью заказа он объявил храмовый праздник — Николу зимнего — рабочим днем. Конечно, Петр Матвеевич мог бы тоже собрать свое семейство и отступить из Суксуна от надвигающейся угрозы, но он не предчувствовал беды.

Павла Андреевна позже в записной книжке своего уже убитого мужа делает записи: «В 1918 году 6 декабря в Николин день зашли белые, выбрали старшину Шантарича»; «1918 года 12 декабря в 11 часов ночи Петю арестовали. Погубили 21 декабря». Ожидая решения своей участи, все эти дни Петр Матвеевич томился в арестном доме. Томилась и в беспокойных ожиданиях Павла Андреевна: ведь скоро ей предстояло родить, а тут арест мужа! Тянулись долгие дни, шли допросы. Предчувствуя свою скорую кончину, Худяков написал любимой жене прощальное письмо. Оно лучше всякого биографа, без всякой политической окраски правдиво расскажет об этом человеке:

«Паша, милая, мне страшно жалко тебя. Останусь я жив или нет, я все же напомню вам, что душа моя искренне любила тебя и сердце мое, как к единственной родной матери, принадлежало к тебе. Итак, знай, что жизнь свою кончаю, любя тебя, милая Паша, я благословляю тебя и чрево твое на служение Богу Истинному за мои грехи и наше безумие. Я искренне раскаиваюсь во всех грехах пред тобою, милая Паша. И даю свое заклинание Истинному Богу, только бы освободиться! Отслужи, Паша, 30 молебнов во всех церквях и всем святым. И на Белые горы, и к Семиону праведному, что и отдаю

я себя на служение Богу, ежели по моим прегрешениям Он спасет меня. И первого своего дитя я отдаю ему в жертву приношения, только спаси и помилуй меня от этих понапрасных нашествий. Милая Пашенька, ежели я не буду жив, то прошу тебя, распдай все мое имущество и одежду сиротам. Ты одна знала, что я сирота, и прошу тебя, распдай мое имущество. Как я люблю сирот, милая Паша! Ежели я паду позорной смертью, то прошу походатайствовать обо мне при властях, чтобы похоронили с молитвой, как я люблю Бога и Святую Церковь, то прошу дать мне молитву исповедаться и принять Святые Таины — это моя истина, что я прошу покорнейше. Искренно мое желание. На память любящей жене, дорогому Павлику. 1918 г. 16 декабря, писано в арестном помещении».

У молодой жены теплилась надежда на помилование. Не думалось ей, что все разрешится так скоро. Молодой, 26-летний человек, директор завода, в этом письме дает серьезный обет: если освободится, то станет служить Богу и своего ребенка отдаст Ему на служение. Но Петру Матвеевичу суждено было сильно пострадать и принять мученическую кончину. Такие смерти обычно бывают у праведных людей, таким путем приводит их Бог в Царствие Небесное. Можно ли нам знать или угадать волю Божию? Мы всегда в таких случаях вызывающе спрашиваем: почему и за что!?! Наверное, так рассуждала и убитая горем жена. Ведь в то жестокое время в Боге разуверились не только простые жители, но даже, бывало, и духовенство. Такие примеры были и в Суксуне. Лишь крепкие и стойкие в вере выдерживали безумные потрясения.

Из воспоминаний Павлы Андреевны Худяковой: «Однажды ночью ко мне приходят два молодых парня, свидетели казни: Дмитрий Васильев и Николай Спицын. Они принесли мне страшную весть о гибели мужа. Его повесили на стропилах бродячего цирка (ныне территория детского сада «Улыбка»). Главным вешателем был Шантарич. Он надевал петлю на шею своих жертв, он же вышибал табуретки из-под ног повешенных». Для Петра Матвеевича Худякова выпала двойная казнь. Вербка в первый раз не выдержала, оборвалась. Свидетели рассказывали, что, освободившись от петли, полузадушенный Петр Матвеевич сказал палачам: «Эх, вы! И вешать-то не умеете!».

Павла Андреевна, следуя указаниям мужа в предсмертном его письме — похоронить его по христианскому обряду, — выпросила тело мужа для захоронения на кладбище. А главному вешателю Шантаричу гневно крикнула: «И тебе это же будет, ирод!».

|Позже убитая горем Павла Андреевна напишет в дневнике: «1919 года 8 января. Петю дозволили похоронить, привезли из ямы 10 января. Петю похоронили на кладбище с Шарлаимовыми. Дано священнику о. Николаю 100 рублей на поминание». А вскоре у нее родится сын, которого она назовет Петром.

Это всего лишь несколько историй, произошедших в разные времена и с разными людьми. Возможно, эти люди были даже знакомы при жизни или слышали друг о друге. Судьбы их не переплетались, но их объединяет одно: все они — жители Суксун-завода. И все уже давно упокоились на местном кладбище, оставив после себя другие поколения, судьбы которых не менее интересны!

ГЛАВА II

Улицы, дома и судьбы

Давно подмечено, что живописное поселение Суксун имеет форму чаши. На «дне» ее находится пруд, а по краям располагаются дома жителей. И куда бы ни шел — все время нужно идти или в гору, или под гору. Поселок от других мест отличается еще и тем, что хозяйки выращивают на подоконниках в своих жилищах изумительно красивые цветы. Окна каждого второго дома пестрят геранями, гloxиниями, фиалками, бегониями, кальцеоляриями, бальзаминами, более известными как «ванька мокрый». Вот такое рукотворное украшение жилого пространства. Эта традиция всегда была распространена в Суксуне, сохранилась она и до сих пор. Сейчас в поселке около 8000 жителей. Ежегодно растут новые частные дома из самых разных материалов. Суксунские окраины в последние годы стали резко раздвигаться в разные стороны. В глубокую старину застройка Суксун-завода велась лишь вокруг пруда. Поэтому самой-самой первой улицей была так называемая **Слобода** (ныне ул. Калинина), где селились заводские рабочие. Она имела линейную застройку, тянулась вдоль берега. Обычно новые дома ставили, равняя на первый. Первоначально улицы не имели названий, но застройка расширилась, и появилась необходимость в планировке улиц, их обозначении. Уже позже дома ставили согласно регулярному плану. Главной осью планировки были заводская плотина и улица **Шахаровка** (ныне К. Маркса). Уже к середине XIX века в заводе насчитывалось 18 улиц. Из них девять были главными, центральными. Гражданское и обывательское строительство в Суксуне шло одновременно с возведением новых производственных сооружений. Жилые дома мастеровых и рабочих людей располагались неподалеку от завода. Те дома были деревянными: на их срубы шли бревна сосны и ели. За улицей Слобода на горе проходила улица **Петропавловская** (ныне Свердлова).

Название свое получила она от кладбищенской Петропавловской церкви, которая была построена, как сказано в Клировых ведомостях, *тщанием гг. Демидовых в 1798 году*. На месте этой улицы в старину шумел густой лес. Заводское население обживало новые площади, и дома строились непосредственно в лесу. Самый уникальный из сохранившихся на улице домов, под номером 30, рублен в обло из толстых бревен, с двускатной крышей, тремя окнами на торцовом фасаде, со ставнями, укрепленными на шарнирах, и художественной резьбой. По старинным стенам видно, что бревна для постройки рублены топорами прямо на месте. Да и столбы ограды этого дома были сделаны из цельного, на корню, дерева. Другой старинный дом в этой улице — так называемый «бажинский» (ныне дом под номером 19). Здесь в XIX веке проживали мещане Бажины. Павел Савватеевич Бажин имел свою фабрику, где наемные рабочие изготавливали сельскохозяйственный инвентарь. Утром самодельный «гудок» фабрики поднимал хозяев и кустарей на работу. Семейство Бажиных в годы революции отступило из Суксуна в Сибирь. Николай Павлович Бажин во время НЭПа пытался наладить новое производство, но в итоге был «раскулачен» и выселен из собственного дома. Его потомки проживали в Кунгуре.

На этой же улице находилось старейшее в поселке кладбище с Петропавловской церковью, где были похоронены самые первые жители Суксун-завода. К сожалению, в 1950-х годах кладбище было ликвидировано. На освобожденном месте кладбища устроили стадион. И лишь в 1960-х годах жители улицы вместе с садоводом-любителем Милием Николаевичем Собакиным заложили здесь парк имени И. Л. Золина, Героя Советского Союза. В честь его названа и улица, что находится на горе. А когда-то это место называли Кокуй.

Центральными в Суксуне считались улицы **Вознесенская** и **Шахаровка**. Именно здесь стоял главный каменный храм — православная Вознесенская церковь, 1850 года постройки. Возле нее располагались дома священников, торговые ряды, магазины, здесь же ранее был и дом господ Демидовых (он сгорел в 1831 году). Церковь Вознесения с восточной стороны граничила с заводским липовым садом, заложенным в середине XVIII века. С той поры деревья в саду периодически подсаживали и обновляли. В саду находилась Главная Контора Горных заводов Демидовых, а позже — Каменских.

В настоящее время в Суксуне самая длинная — улица Кирова. От центра и выше улица носила название **Верхние Глинки**. Правая

часть улицы Кирова, ближе к пруду, прозывалась **Садовой**. Улица Верхние Глинки уходила далеко в сторону деревни Кошелево, и ее продолжение имело уже другое название — **Зарека**. Название «Глинки» досталось улице из-за глинистой почвы. Ближе к Зареке располагалось второе кладбище, куда провожали в последний путь жителей Суксун-завода. Надгробные плиты свидетельствуют, что первые захоронения появились здесь где-то уже с середины XIX века.

На улице Верхние Глинки в основном жили кустари-медники, сапожники. Богатых домов здесь было немного. Но проживали там купцы-бакалейщики, они выпекали пряники, делали конфеты и другие сладости. На улице жил даже «гармонщик» Николай Афанасьевич Блохин, который изготавливал гармони. Мужчины и парни, умеющие играть на гармонии, в старину были «на моде» у женщин. Ни один праздник в Суксуне не обходился без гармонии. Тальянки, минорки сопровождали свадьбы, проводы в армию, гулянки и праздники. Молодые парни и девушки в старину пели звонкие частушки под гармонию.

*Я по Глинкам, по тропинкам
Пробегу семнадцать раз!
Неужели моя милка
Голосочку не подаст?*

*Дико Озеро — не город,
А Брусяна — не село.
В Опалихином тоскливо,
А в Суксуне весело!*

*Прощай, главная контора,
Прощай, щегерь молодой,
Прощай, милый, чернобровый,
Расстаюся я с тобой!*

*Запрягай, братишка, Рыжка,
А сестра — подай гармонию,
Я еще хоть раз проеду
По заводу холостой.*

Ниже Верхних Глинок шла ухабистая улица — **Нижние Глинки**, которая в советское время стала называться в честь героя 1918 года Александра Ивановича Чулкова, большевика, первого председателя Суксунского совета рабочих крестьянских и солдатских депутатов, убитого на Песчаной горе летом 1918 года.

По улице Садовой, напротив липового сада, стояло здание Суксунского двухклассного училища, построенного на средства заводо-владельца И. Г. Каменского в 1906 году и преподнесенное им в дар уездному земству. Построенное по типу лучших заграничных школ, оно было одним из крупных и лучших в Красноуфимском уезде. Здесь могли учиться до 200 человек. Стоимость здания превышала 10 тысяч рублей! Учащиеся при школе имели даже свой плодовый участок, где росли яблони и другие фруктовые деревья. А в заводском парке ребята подсаживали новые деревья. С 1970 года в старом здании располагался детский дом (сгорел в конце 1980-х годов).

До революции богатые жители Суксуна занимались благотворительностью: жертвовали на церковь, на строительство школ. Но что самое удивительное — в те времена в Суксуне существовал даже «детский дом»! Содержал его благодетель Иван Игнатьевич Нагибин. Вернее сказать, этот богатый человек усыновил 10 детей! Он их воспитал и вывел в жизнь. Жил он по **улице Сосновка** (ныне Халтурина, 3). В 1920-х годах его выселили из собственного дома, и он уехал в Сибирь. В каменном здании расположилась больница, а после оно долгое время служило вечерней школе. В Суксуне в начале XX века существовал даже «старческий дом»! Находился он на улице Слобода на пригорке, выше дома под номером 91.

УСАДЬБА НЕМЦА ТИЛЕ

Все меньше и меньше в Суксуне остается домов старинной постройки — часть их разрушена и перестроена, а в худшем случае они снесены. Некоторые дома остались «жить», брошенные на произвол судьбы. Какому дому как повезет. Какой у кого хозяин. Обидно, что Суксун-завод теряет свой старинный лик. Все реже видишь наличники, ставни, резные капители на домах, все чаще устанавливают в проемы старинных окон стеклопакеты. Они, словно уродливые очки на выколотых глазах, совершенно чуждо смотрятся и ни в коей мере не сочетаются со старинными фасадами. Стены домов нередко обшивают сайдингом — металлопластиком. Причем если дом на двух хозяев, то нередко одна часть дома остается, какой была, а вторая, новая, как неродная, «кричит» на всю улицу. Переделки порою приводят к полному безобразию и безвкусице.

Бывает и так — то, что еще можно сохранить и уберечь в перво-зданном виде, мы намеренно портим. Так случилось с одним

из красивых старинных домов нашего поселка, в котором располагался детский сад «Березка» (ул. **К. Маркса, 47**). Из-за аварийного состояния здания садик вынужден был переехать на новое место.

Улица, на которой находился этот дом, в старину называлась Шахаровка — по имени деревни, через которую шла дорога из Суксуна в Ключи. Шахаровка была недлинной: на выезде в гору уже зеленели поля, а домов на горе было очень мало. С крутого склона, прямо по дороге, на Масленицу и в Екатерининскую ярмарку устраивались катания на санках. Суксунская молодежь со свистом и криками мчалась по снежку мимо домов мещан Манохиных (ныне в доме аптека), коммерсантов Ивановых (здание старой почты, ныне снесено), коммерсанта Попова (ныне здесь детский сад «Солнышко»), купцов Козьминых (ныне на этом месте здание прокуратуры и суда) и до-езжала до стены сада Каменских.

Самым богатым на Шахаровке считался купец Михаил Дмитриевич Козьминых. Он занимался торговлей, владел пятью магазинами. Мещане Манохины были известны тем, что имели свой мыловаренный заводик в суксунском лесу. Это место у озера хорошо знакомо многим как «мыловарка» — заводика нет, а название осталось. Зимой мимо него пробегают лыжники, а летом здесь бродят грибники.

Дом, о котором пойдет речь, в те времена стоял на окраине Суксуна. А само место (то, где сейчас построен двухэтажный дом из силикатного кирпича и далее) некогда принадлежало доктору, поляку Людвигу Окинчицу, который содержал частную лечебницу. Здесь принимали ванны и грязи приезжающие «на воды» состоятельные люди, здесь они проживали в номерах, лечились, гуляли в роще. Завод Суксун с 1867 до 1898 года считался еще и курортом! Напомним, что открывателем суксунских иловых грязей создателем курорта в Суксуне является доктор А. П. Щербаков (1834–1869). Людвиг Окинчиц появился здесь после смерти Щербакова и продолжил его дело, выкупив лечебницу у вдовы Щербакова.

После отъезда из Суксуна доктора Окинчица строения достались заводскому управлению. Затем служитель Суксунской заводской конторы немец Эдуард Августович Тиле откупил территорию, где располагался курорт и находились строения, но лечебницу уже не содержал. Он только выбрал место для жительства своей многочисленной семьи — небольшой полукаменный двухэтажный дом, построенный еще при докторе Щербакове. Уже в советское время к зданию сделали пристрой, равный ему по размерам.

Мещанин города Перми немец Тиле проживал в этом доме со своей молодой женой. В их семье родилось девять детей. Крестными родителями у новорожденных стали известные и влиятельные люди. Среди них был и доктор Людвиг Окинчиц. К сожалению, мы пока не знаем подробностей жизни семьи Тиле в Суксуне. Известно лишь то, что сам Эдуард Августович в 1880-х годах служил бухгалтером в заводской конторе тогда еще Демидовских заводов.

На фасадной части здания когда-то был балкон с ажурными металлическими перилами. Невдалеке находились теплицы, где зимой выращивали овощи и фрукты. Дом окружал сад, там росли высокие яблони.

У Тиле был ипподром, он располагался в районе нынешнего стадиона. Рядом с домом Тиле, на перекрестке улиц, стояла кирпичная часовня с зеленой крышей и оградкой, тоже построенная во времена доктора Щербакова. Около лечебных заведений всегда возводили домовые церкви или часовни, чтобы исцелялось не только тело, но и душа. Позже здесь служили только во время Крестных ходов.

После революции дом национализировали. Сам же хозяин умер в Суксуне в 1928 году в возрасте 75 лет. Из всех его детей на сегодняшний день известна лишь судьба его старшей дочери, Елизаветы Эдуардовны Тиле, в замужестве Змазовой, родившейся в 1889 году. Немало горя ей пришлось пережить, скитаясь по чужим домам и городам.

В семье Елизаветы и Василия Змазовых родились четыре девочки. В 1930 году муж умер от туберкулеза, оставив малолетних детей на руках Елизаветы Эдуардовны. Но, несмотря на все скорби и несчастья, женщина воспитала и выучила дочерей, безумно любя их до самой своей смерти. Она умерла в Липецке в 1983 году в возрасте 97 лет. Правнуки и праправнуки немца Тиле по линии дочери Елизаветы проживают ныне и в Суксуне, и в других городах России и Украины. Судьба остальных ее родных братьев и сестер остается пока неизвестной.

В доме Тиле с первых лет Советской власти разместилась заготовительная организация «Заготлен», а с 1929 года в ней появилась контора первой в районе машинно-тракторной станции (МТС) с политотделом и редакцией первой газеты, которая называлась «Ударник». Уже потом, в 1935 году, она была реорганизована в районную газету «Закоммунизм». После упразднения МТС в доме в 1969 году разместился детский сад, который и находился там до недавнего времени. Каково будущее

этого дома, сейчас никто не может предугадать. Но разрушать последнюю старину — преступно. Из-за нашего равнодушия и бесхозяйственности может исчезнуть не только красивый дом, но и память о славных и выдающихся людях суксунской земли.

ВЗРЫВ В СУКСУНЕ

Улица Колхозная в старину называлась **Казамат**. Здесь, на тогдашнем пустыре, татары продавали лошадей (ат — по-татарски «лошадь»).

Многие еще помнят стоявшую на углу улиц Кирова и Колхозной старую деревянную парикмахерскую. Там же находилось и фотографическое ателье. Сейчас этот дом перестроен под магазин «Ксюша». А до революции 1917 года примерно на этом месте стояло каменное здание волостного правления, где заседала местная власть. Штат, так сказать, был небольшой. Выше дома волостного правления находились магазины и лавки купцов Баггаутдинова и Ковина. Ниже — небольшой пустырь, на котором разворачивались базары, собирались на сход граждане, иногда проходил призыв мужчин Суксун-завода в армию и на фронт, и даже выступала труппа бродячего цирка.

В 1930-х годах на пустыре появилась новостройка — просторная школа-семилетка (ныне здесь детский сад «Улыбка»). Многих бывших школьников, наверное, волновал вопрос: отчего же появилась такая большая яма на пришкольном участке? Это — следствие взрыва, прогремевшего в Суксуне осенью 1918 года.

До революции на первом этаже волостного правления было устроено помещение для машин добровольной пожарной дружины. На втором этаже нашли место читальный зал, телефонная станция, полицейский участок и три камеры заключения (каталажки): темная, полусветлая и светлая с окном во двор. Местом временного заключения в Суксуне служил еще так называемый арестный дом, построенный в Суксуне в середине XIX века. Дом находился выше, на окраине, напротив нынешнего банка.

На третьем этаже располагалось волостное правление во главе со старшиной (эту должность перед революцией занимал Иван Павлович Игнатов), старостой и писарями. Штат волостного правления составлял до 10 человек. За ним же числились три человека рассыльных и один сборщик податей. После Октябрьской революции помещения на втором этаже занял Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. На третьем продолжала заседать старая

Управа, которую потом ликвидировали. Почтово-телеграфную службу обслуживал лишь один человек, а в начале 1920-х годов на почтово-телеграфном отделении народной связи работали четыре человека, не считая почтальонов.

18 сентября (по новому стилю) 1918 года в результате взрыва здание было уничтожено. очевидцев тех событий уже никого не осталось. Но сам взрыв стал сильным потрясением для жителей. Дело обстояло так. В начале осени 1918 года на территории нашего района проходил фронт Гражданской войны. Суксун был важным пунктом обороны на дороге к Кунгуру. Здесь размещались склады с винтовками, патронами, артиллерийским снаряжением, динамитом и продовольствием. На то время в поселке хозяйничали красные войска. Но в любой день в результате ближних боев здесь могли появиться белые, которые все активнее теснили красных. В начале сентября 1918 года Красноуфимские 1-й и 2-й полки Красной армии терпели поражение и отступали. Из Красноуфимска в здание волостного правления и ближайшие склады магазинов навезли боеприпасы и оружие.

Вдруг прошел слух, что со стороны Кунгура к Суксуну приближаются белые части казаков. На самом же деле это были отряды Блюхера. Появление партизанской армии под командованием В. К. Блюхера было неожиданным для частей Красной армии на этом участке фронта.

Красные командиры получили данные разведки о продвижении в направлении Суксуна больших воинских сил, но не проверили информацию. На всякий случай было дано распоряжение взорвать имеющиеся боеприпасы вместе со зданием волостного правления и прочим, чтобы они не достались врагу. Приказ был отдан местному ревкому, ему было поручено взорвать также заводскую плотину.

Жители были предупреждены и эвакуированы из центра поселка в леса и на окраины. Остались опустевшие дома. Взрыв снарядов был назначен 5 сентября (по старому стилю) на 8 часов утра. И прогремел уже в девятом, сметая взрывной волной все, что под нее попало.

Вместе с волостным правлением взлетели на воздух жилые дома купцов Ковина, Баггаутдинова, Кузьминых, Утемова, Тимофеева и здание потребительского общества. Был полуразрушен гостинный двор. Повреждены и другие дома, в том числе Суксунское двухклассное училище. Там, где взрывная волна своей силой не коснулась строений, дома отделались лишь небольшим разрушением, но остались стоять на месте. Кое-кто из местной молодежи, воспользовавшись

отсутствием хозяев и тем, что взрыв прогремел не вовремя, занялись мародерством — и заплатились за это своей жизнью.

Вот как описывает пережитое Алексей Серапионович Ковязин, в то время подросток. Его семья тоже эвакуировалась на окраину Суксуна и выжидала, когда можно будет вернуться. Алеша по глупости в роковой момент оказался в эпицентре взрыва и чуть не погиб.

В восемь утра, как было назначено, взрыва не прозвучало. И население подумало, что его, наверное, не будет. Немного расслабились. И Алексей решил сбежать до дома в центр Суксуна, взять хлеба для плачущего маленького брата:

«...Я охрабrel, думал, уже ничего не будет. Только подошел к дому, хотел залезть в окно, но что-то как ахнет! Произошел неожиданный взрыв. Перед глазами мелькнул огненный столб, потом воздушной волной меня подняло вверх, и я 150 метров летел в воздухе. С меня сорвало с одной ноги сапог, ударило чем-то ногу, порвало на голове фуражку, разбило в кровь голову, порвало левое ухо. Примерно через час меня без памяти подобрали и принесли в один теплый склад по ул. Нижние Глинки».

В результате взрыва было убито несколько человек. В основном пострадали те, кто в отсутствие хозяев задумали грабить пустые дома. Смерть их была страшной. Алексей Ковязин вспоминает: *«Корзухина Ивана, моего друга, так разнесло, что голову с одной рукой нашли в одном месте, а туловище с одной ногой — в другом месте».*

Снаряды разбросало по окрестностям и огородам жителей. Даже на дальних окраинах поселка выбило в домах стекла, а тех, кто остались в домах, швырнуло взрывной волной о стены.

После взрыва выяснилось, что к Суксуну направлялись не белые, а партизанские отряды В. К. Блюхера, который привел их с Южного Урала по тылам белых. Но было уже поздно! очевидцы рассказывали, что виновных после такой непростительной ошибки расстреляли.

Белые действительно вскоре вошли в Суксун, только это произошло уже 6 декабря (по старому стилю) 1918 года при помощи армии адмирала А. В. Колчака. А в течение всей осени 1918 года под руководством военных рабочая молодежь и старшие школьники участвовали в ликвидации последствий взрыва: откапывали снаряды, винтовки, динамит, ящики с патронами, выравнивали базарную площадь. Пострадавшее от взрыва Суксунское двухклассное училище переехало в здание заводоуправления. А жители еще много лет находили в своих огородах гильзы, осколки от снарядов.

Не стало старой власти — не стало и здания волостного правления. Новая Советская власть — РИК (Революционный исполнительный комитет) — периодически размещалась в разных домах и помещениях. Это был и Дом Каменского, и заводская контора, и здание нынешнего детского сада «Солнышко», и т. д. На пустом месте, где ранее стояли взорванные дома, в 1930-х годах возвели два заводских восьмиквартирных дома и пожарную охрану. Но нет-нет, да выкопают жители в своих огородах металлических «ржавых свидетелей» той Гражданской войны.

ДОМ С ПЛАЧУЩИМИ ОКНАМИ

«Ты прощай, Суксун-завод, улица Каменская...» — так запевалась излюбленная суксунцами и известная в стародавние времена песня. Улица **Каменская, а еще раньше — Большая** — такие имена носила прежде улица Первомайская. Выбирай любое! Улица была широкая, на ней еще с демидовских времен стояли добротные бревенчатые дома. Название Большая ей дано было заслуженно, потому что в старину она была очень широкой, т. е. большой, и на ней даже проходили гуляния.

В XIX веке в Суксуне уже стали появляться дома полукаменные, с деревянным верхом и каменным нижним этажом. На улице Большой тоже имелся такой дом (ныне здание военкомата), принадлежал он Трофимовым, которых прозвали в народе Колокольниковы — в мастерской Трофимова отливали церковные колокола. На этой улице проживали самоварники, шапошники, мастера.

В старину на Большой стоял старый дом управляющего демидовскими заводами, 1840 года постройки. Он был возведен после того, как старый дом управляющего сгорел. А в 1893–1900 годах новый хозяин Суксунских горных заводов, Иван Григорьевич Каменский, реконструировал здание в стиле модерн. Старой планировки новый хозяин почти не нарушил. Дом остался П-образным в разрезе, что тогда было характерно для этого модного стиля. А одна из старых башен бывшего демидовского дома завершалась высокой конусообразной крышей, на которой возвышался флюгер в виде летящей птицы, указующий направление ветра. Дом окружали с одной стороны старый парк, пруд, с другой — каменная стена и пихтовая аллея.

Нынешнее название — Первомайская — улица получила уже в советское время. В 1917 году 1-го мая по ней прошла первая демон-

страция. В честь этого события улицу в дальнейшем и назвали так, по-советски.

Ближе к пруду к Большой улице примыкала тихая улочка, прозванная Банной. Название говорит само за себя. Водопроводов и колонок в то время не было, и жители строили бани как можно ближе к воде. Эта улочка именуется сейчас переулком Первомайским. На сегодняшний день, к счастью, на ней еще сохраняется старая застройка, и среди уникальных старинных домов привлекает к себе внимание полукаменный дом под номером 43, известный как дом кучера Рыщина.

Этот дом чудом сохранился, можно сказать, в первозданном виде, несмотря на то что ему уже около двухсот лет. Хотя некоторые перестройки коснулись и его. Над крышей дома, на трубах, когда-то красовались старинные надымники с резным растительным узором, дополняли красоту дома и водосточные трубы — они начинались ажурным навершием, а заканчивались у земли изображениями раскрытых змеиных пасть, из которых изливалась вода в дождливую погоду. Особенность дома — сохранившиеся выгнутые оконные рамы, в их изгибах есть что-то страдальческое, и они производят впечатление плачущих окон. Над пятью окнами, что на фасаде со стороны улицы, сохранились наличники со сквозной и накладной резьбой. Они подобны остроконечным кокошникам. Строгие и нарядные, они очень украшают здание. Бытует мнение, что глаза человека — зеркало души, значит, окна, глаза жилого дома, — его душа. Окна такой формы встречаются в Суксуне крайне редко. Даже для того, чтобы вырезать и вставить фигурные стекла в такие рамы, нужно иметь особую сноровку.

Раньше в Суксуне каждый хозяин украшал свой дом наличниками. Резьба наличников на старинных суксунских домах удивительно разнообразна по рисунку. Она поражает своей оригинальностью. Ни время, ни перепады температур не коснулись замечательных творений! Жители говорили, что в старину наличники каждый хозяин делал согласно своей выдумке и вкусу, а это значит, что резьбой по дереву занимались многие жители. Ни один рисунок старинных домов не повторяется!

Если говорить о прежнем хозяине дома № 43, то им когда-то являлся мещанин, Личный Почетный гражданин Николай Иванович Мамонтов. Когда-то фамилия Мамонтовых была известна в Суксуне. Сам Николай Иванович был почетным старостой Вознесенской

церкви, и это при его ходатайстве и участии вокруг храма была возведена каменная ограда и устроены каменные же торговые ряды. А его брат, Иван Иванович, служил караванным приказчиком в заводах Демидова. Братья владели в Суксуне домами и земельными угодьями. До сих пор у стариков бытует выражение «Мамонтова перемена» — так называли часть их земельных угодий.

В 1908 году Николай Мамонтов и его сыновья, Милий и Борис, продали дом Ивану Степановичу Попову, который приехал в Суксун из Кунгура и поступил на работу к заводчику Каменскому, стал кучером. И. С. Попов был родом из Зарайского уезда Рязанской губернии. Как он попал на Урал, остается неизвестным. В услужении в качестве кучера у кунгурских купцов он находился с 1869 года. Служил хорошо, и нареканий от хозяев не получал. Жалование городского кучера тогда составляло 45 рублей в месяц. Как писал о нем в удостоверении об увольнении по собственному желанию купец второй гильдии Василий Шапошников: «... всегда был исправен и трезв, исполнял свои обязанности аккуратно...». В Суксун Попов приехал, будучи уже в годах, вместе с женой, Ксенией Симоновной. У них была замужняя дочь Прасковья. Судьба других детей неизвестна. Где и как он познакомился с И. Г. Каменским, точно неведомо, но рассказывают, что дом в Суксуне ему помог купить Каменский. Попов прослужил у Каменского кучером недолго. Здесь же в Суксуне, на конюшне у Каменского, работал Степан Кузьмич Рыщин, зять Попова. После смерти родителей дом достался их дочери Прасковье. Вот так в доме появился новый хозяин — С. К. Рыщин.

Старые жители Суксуна хорошо запомнили строгого, бородатого рыжего кучера в суконной борчатке, подпоясанной алым кушаком, и лакированной шляпе. В зимнее время он надевал белую шубу с красным поясом и шапку с красным пером, а в теплую пору носил красную рубаху, флисовые штаны и жакетку. В таком ярком одеянии кучер был виден издали. Жена Степана, Прасковья, тоже работала у Каменских — прачкой. Между господами Каменскими и слугами установились хорошие и теплые отношения. Когда в 1905 году у Рыщиных родился сын Александр, то Лидия Николаевна Каменская стала его крестной матерью. Мальчик на праздники получал гостинцы, прибегал в дом крестной. Каменская заботилась о своем питомце, поскольку своих детей у нее не было. Да и суксунским жителям на праздники Каменские всегда выдавали гостинцы.

В старину в крестные родители обычно выбирали близкую родню или влиятельных знакомых. Церковный закон обязывал, что в случае внезапной смерти кого-то из кровных родителей крестные обязаны заменить ребенку мать или отца. Кто знает, как бы сложилась судьба мальчика, если бы не революция и Гражданская война? Наверняка бы Александр Рыщин получил хорошее образование, нашел хорошую работу. В семье Рыщиных было несколько сыновей. Старший Федор впоследствии служил на пароходах Каменских.

Кучер Степан Рыщин проработал у Каменских до самой революции. Рассказывают, что был он по характеру суровый, строгий. Любил играть в карты. Когда в его доме гости собирались за азартной карточной игрой, то он ловко всех обыгрывал. Был у него свой секрет: он сажал человека рядом с зеркалом так, чтобы видеть отражение всех его карт. Не сразу местные картежники замечали такой подвох. Дом его первоначально был очень небольшой, это уже позже Рыщины сделали пристрой, когда в семье появились мальчики, и семья разрослась.

Когда господа Каменские приезжали в свой завод, то кучера возили их и по делам, и на отдых в сторону Сылвы, Плакуна, в лес. Степану Рыщину довелось видеть и общаться с близкой родней Каменских и с теми, кто приезжал к ним в гости. Среди гостей бывали художники, артисты. Зимнее время Каменские не всегда проводили в Суксуне, поэтому Рыщин следил за конюшней, каждое утро для разминки прогонял лошадей. А чтобы не гонять порожняком, то забирал по пути ребят и отвозил их в школу. Помимо Рыщина на господской конюшне работали и другие конюхи и кучера. Но они часто менялись, так как хозяин был очень придирчив и ему не всегда нравилось, как его везут. Поэтому кучера даже побаивались возить Каменского. Видимо, кучер Рыщин пришелся ему по душе, и в Суксуне его называли «любимчиком» барина. Хорошие отношения сложились и с барыней, которая в последние годы перед революцией жила в Суксуне на своей даче.

Кто же такая была крестная Рыщиных, Лидия Николаевна Каменская? К сожалению, мы мало о ней знаем. Но, несмотря на скудные сведения, вырисовывается портрет женщины образованной, воспитанной в семье военного, любящей искусство и живопись, доброй, отзывчивой и все же несчастной. Она была высокой, черноволосой, с лицом восточного типа. Старики рассказывали, что в ее внешности была одна отличительная черта — у нее росли небольшие усики. Когда Иван Григорьевич и Лидия Николаевна фотографировались, то он, из-за своего небольшого роста, стоял, а она всегда сидела.

В брак Каменские вступили молодыми, особой разницы в возрасте у них не было. Единственное, что их огорчало — в семье не было детей. Отсутствие наследника их сильно беспокоило. Неоднократно Каменские просили у местных жителей кого-то усыновить или удочерить. Ведь даже у очень бедных жителей в старину рождалось по многу детей, но никто не соглашался отдать или продать на усыновление ребенка, даже несмотря на то, что будущее этому ребенку было бы обеспечено. Поэтому барыня охотно шла в крестные матери ко многим суксунским детям. По праву приемницы она могла заботиться о своих питомцах, общаться с ними, а родители были очень рады такой родне.

Крестников у барыни было много. Только в Суксуне удалось насчитать до семи человек. Среди них были дети заводских служащих, в том числе и деревенских, а также дети мещан и священников. В основном, это были дети тех, с кем как-то пересекались Каменские по жизни. Некоторые суксунские женщины своих дочерей называли в честь доброй хозяйки Лидиями. Барыня была популярна в народе. Лидия Ивановна Козлова, первая медицинская сестра в Суксуне, рассказывала мне, что ей тоже дали имя в честь Каменской. На вопрос соседней, как назвали младенца, брат Лидии сказал: «Да как Каменщиху, так и ее!». С тех пор у нее появилось прозвище — Каменщиха, и прозвище это прилипло к ней надолго.

Если Лидия Николаевна была приемницей при крещении с женской стороны, то с мужской стороны часто одновременно с ней крестным одних и тех же детей был заводской врач Алексей Ильич Кочетков. Он же был крестным и у Александра Рыщина. Иногда в крестных был и ее родной брат Александр Николаевич.

Но разве это могло заменить ей собственного ребенка? И вот случай представился. Ее брату, Александру Николаевичу Ильину, пожилому старому холостяку, приглянулась служанка Авдотья. Она, как видно, отвечала ему взаимностью. И вот на свет появился незаконнорожденный мальчик Коленька. Случилось это примерно в начале 1900-х годов. Каменские этому факту были безмерно рады. Брак управляющего Ильина со служанкой был невозможен, хотя поговаривали, будто хозяйка пыталась ввести Авдотью в свою семью. Но она не вписывалась в семейство Ильиных-Каменских из-за полной своей неграмотности, необразованности и особенностей характера. Господа предложили молодой женщине продать им сына, а сами пообещали устроить ее судьбу. Авдотья согласилась. Ей купили дом

в деревне Сыре, впоследствии она вышла замуж за торговца Павла Ермолаевича Матюшина, а позже они переехали на жительство в село Тис. Коля стал принадлежать семейству Ильиных-Каменских.

Его отец, Александр Николаевич, от своих отцовских обязанностей не отказывался и всегда был при сыне. Воспитанием Коленьки занималась сама Лидия Николаевна. Мальчик много времени проводил на даче в Суксуне. Свежий воздух, пруд, сад и красивый дом нравились мальчику. И места для игр было много. Тем более что впоследствии к подростку приходили его ровесники — дети местных богатых жителей и кустарей-медников. И тенистый сад оглашался криками ребят, играющими в футбол и кегли. Частым гостем Коли был сын местного дьякона Кронид Шастин, возрастом немного старше, а в Рождество, на каникулы, в доме появлялись местные школьницы и гимназистки, приехавшие погостить на рождественские каникулы. Сюда же, бывало, приезжали родственники Каменских из Нижнего Новгорода. И Коля играл с дочкой крестника Ивана Григорьевича, Федора, — Аленушкой.

Матери Коли разрешалось навещать сына, но с условием: не раскрывать мальчику тайну его происхождения. Хотя... никакой тайны для заводских жителей не было, все всё знали. Да и Каменская уже была далеко не в молодом возрасте, так что в появление родного малыша у четы Каменских никто бы не поверил. Авдотья навещала сына, приходя в усадьбу Каменских, засматривалась на своего мальчика, играющего в саду. Она очень жалела о своем поступке, но было уже поздно. Рассказывают, однажды на Пасху она пришла к Каменским и принесла Коле красивое пасхальное яйцо в подарок. Мальчик обрадовался этому подарку настолько, что проигнорировал подарки самих хозяев, что сильно огорчило барыню. Коля рос полным, но симпатичным мальчиком. У него была проблема со зрением, и уже в то время он носил очки. В Суксуне в те годы некоторые уже носили очки и пенсне, хотя у местных жителей это вызывало большое удивление.

В годы революции, узнав о том, что Каменская уезжает и увозит с собой Коленьку, Авдотья сильно плакала и печалилась. Ведь это расставание было уже навсегда.

После революции 1917 года и связанных с нею событий дом Каменских в Суксуне господ уже не принимал. Будучи членом Государственного Совета, Иван Григорьевич летом 1917 года впервые не приехал в Суксун. Обстановка в России и губернии накалялась.

В декабре 1917 года в Суксуне был создан первый ревком, а затем и первый Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В апреле и октябре 1918 года местные большевики начали национализировать имущество Каменских. В это время власть в Суксуне неоднократно менялась: на смену красным приходили белые и наоборот, вспыхивали восстания. Суксун трещал, ломался, переваривая и переживая нашедшее на него бедствие.

Из дома Каменских местные большевики в октябре 1918 года вывезли имущество и дорогие вещи, в том числе картины русских и зарубежных художников. Также большевики отобрали дома у Каменских в Перми. Лидию Николаевну и тогда уже больного Ивана Григорьевича выселили из собственного дома в Перми и поселили в угол бывшего публичного дома. Что представляла собой эта новая «квартирка» с тараканами, клопами, с обшарпанными стенами, испещренными надписями самого похабного содержания, не трудно представить. В марте 1919 года Иван Григорьевич, не выдержав всех свалившихся на него потрясений, умер.

В доме Рыциных каким-то образом и неизвестно когда оказался портрет Лидии Николаевны Каменской, написанный неизвестным художником в 1893 году. Никто из хозяев не знает, случилось это при жизни Каменских в Суксуне или уже после. Возможно, что Рыцины просто-напросто сами забрали из господского дома портрет своей хозяйки, спасая его от варваров, а возможно, он был им подарен в знак благодарности. На протяжении многих лет портрет Лидии Николаевны в массивной дубовой раме с гипсовой лепниной, покрашенной золотистой краской, висел на стене в доме Рыциных. Иногда он переезжал в чулан, подальше от лишних расспросов соседей, а затем возвращался на прежнее место.

Степан Кузьмич после революции в 1920-х годах работал в Поедугинской артели в должности мастера по изготовлению сыра. Своим сотоварищам, бывало, он рассказывал некоторые интересные данные из жизни Каменских в революцию и после. Именно с его слов стало возможным узнать, что случилось с господами Каменскими и как закончилась их жизнь.

Как известно, Иван Григорьевич умер 14 марта 1919 года. В то время Пермь была занята белогвардейцами. Каменского достойно отпели, и он был с почестями погребен в родовой усыпальнице — домово́й церкви во имя иконы Казанской Божией Матери при Пермском Успенском женском монастыре. Не трудно представить, каково было

состояние его вдовы и что ей грозило в дальнейшем. Ведь несмотря на то, что в Перми в это время были белые войска, обстановка на фронтах оставалась напряженной. Большевики рвались к власти. Оставаться Ильиным-Каменским в России было опасно. Вскоре началось отступление белогвардейцев. Лидия Николаевна со своим братом и племянником покинула Пермь и тайно скрывалась в Суксуне, в доме Рыциных. Она мечтала перебраться за границу, и в этом ей помог верный слуга.

Как рассказывал сам Степан Кузьмич, хозяйка, зная, что их ostensibly в Перми занят красными войсками, попросила его пробраться в дом, найти там тайник со сбережениями и ценностями и привезти в Суксун. Путешествие было опасным, но кучер решился. Переодевшись в рваный аяз, дырявую фуражку, рваные сапоги и подпоясавшись веревкой, Рыцин прибыл в город. Бывший кучер ходил по двору бывшего господского дома, подметал метлой мусор и усердно ругал господ Каменских. У стоявших в доме красногвардейцев бедный дворник-конюх не вызывал подозрений, наоборот, они в знак сострадания даже кормили его из общего котла. Степан Рыцин вошел в роль и продолжал играть комедию, выдавая себя за конюха. И так прожил на содержании Красной Армии две недели. За это время он пытался найти тайник и рещал, как туда пробраться. Наконец он выведал, как попасть в подполье заветного чулана, куда уже много раз спускался через потолок, и нашел тайничок с ценностями в указанном месте. Но вынести его Степан не мог, так как в доме находились солдаты. И вдруг удача! Красногвардейцы были внезапно передвинуты на позиции со всем своим вооружением, и дом Каменских опустел.

Степан уложил сундучок с заветным капиталом в мешок, сверху на него надел другой мешок, с убедительными заплатами, и незаметно покинул дом бывших хозяев. По тракту до Суксуна он не шел и не ехал, опасаясь ненужных встреч, особенно с красными частями, он ловко пробирался стороной. Ведь кучеру были ведомы все лесные, тайные и прямые дороги. И он оправдал доверие бывшей хозяйки, не предал ее — вернулся в Суксун, не скрываясь с господским богатством. Лидия Николаевна была очень рада и сказала: «Теперь мы спасены!». В начале июля 1919 года она с братом Александром Николаевичем Ильиным и ее племянником-подростком Николаем Ильиным уехали в Сибирь, надеясь перебраться за границу. Судьба их до сих пор остается неизвестной.

О чем думала пожилая хозяйка большой суксунской усадьбы, многочисленных домов, пароходов и заводов, когда скрывалась в доме кучера Рыщина? Глядела прощально в «плачущие» окна на ставшую родной улицу Большую, по которой она когда-то проезжала в экипаже, где когда-то с балкона своего дома в веселую, широкую Масленицу кидала конфеты и монеты местным ребятишкам, катающимся с горы на санках? Перед ней был неведомый путь в неизвестность — в чужую страну. Тихо шелестели молодые липы у дома Рыщиных, прощально махали ей листвою.

Со слов кучера Степана Рыщина, Лидия Николаевна хотела перебраться в Японию, по другим слухам — уехала в Китай, где впоследствии якобы покончила с собой. Но это лишь слухи и предположения. Почти невероятные слухи «отправили» Каменскую даже в Швейцарию. Наверное, мы уже никогда не узнаем о судьбе доброй барыни, которая оставила у местного населения самые теплые воспоминания. А ее многочисленные крестники и их родители еще долгое время подавали записочки в церковь о здравии рабы Божией Лидии и тем самым, возможно, духовная взаимная молитва спасала тех и других от жизненных бурь и невзгод.

Что же касается Рыщиных, то в 1928 году от ревматизма умерла жена Степана Прасковья, а в начале 1930-х Степан Кузьмич поехал на родину, в Рязанскую область, в город Зарайск, где оставалась его родня, да в 1933 году внезапно умер и там же был похоронен. Дом унаследовал его сын Александр с женой Елизаветой, которая пришла в дом в 1925 году. А портрет барыни, висевший в доме на Большой улице, молодой хозяйке было наказано беречь и никому не говорить, кто тут изображен. В 1943 году Александр Степанович Рыщин погиб на фронте. Вдова его, Елизавета Игнатьевна, одна воспитала двоих сыновей, Александра и Ювеналия. Они выросли и создали свои семьи. Семья Ювеналия Рыщина продолжала жить в доме предков, где по-прежнему оставался портрет бывшей барыни, уже сроднившейся со своими соседями по квартире.

Елизавета Игнатьевна, как и было ей наказано, портрет хранила, а в 1980-х годах завещала картину Суксунскому музею, куда после ее смерти передали его родственники. Портрет хозяйки вернулся опять в старый господский дом. Незадолго до пожара 2001 года, уничтожившего дом Каменского, портрет находился в Мемориальной комнате музея.

Много невероятных и непонятных мистических событий пережили музейные работники. А туристы и посетители музея всегда отмечали, что хозяйка как живая вглядывается в их лица. В музее висели и другие портреты, но ни один так не «смотрел». А еще в доме Каменских все «квартиранты», сотрудники помещенных туда организаций и учреждений, ощущали, что кто-то по ночам ходит по старому дому, кто-то незримо присутствует за спиной, и создавалось жуткое ощущение, что ты здесь не один.

Когда в музее-доме Каменских начался пожар, мы вынесли портрет из огня одним из первых. В новом музейном здании он находится и сейчас. А на улице Первомайской, 43 проживают уже пожилые хозяева — Ювеналий Александрович Рыщин, внук кучера Степана, и его жена Мария Демьяновна.

СОКРОВИЩА СТАРОГО ДОМА

В 1958 году в Суксунской районной больнице умирал старый большевик Яков Павлович Могильников. Требуя священника, он повторял: «Я убивец, я убивец!».

Яков Павлович прожил бурную и интересную жизнь. Еще при царском режиме довелось ему служить на Тихоокеанском флоте. Подводная база «Ксения» становится на время его вторым домом. Здесь он знакомится с передовыми рабочими Владивостокского дока, общение с которыми способствует политическому росту молодого моряка. Кругосветное путешествие на крейсере «Аскольд» еще больше революционизирует убеждения Якова. В разгар Первой мировой войны Яков Павлович участвует в переброске подводных лодок с Тихоокеанского флота на Балтику, а затем в Севастополь. Февральская революция застает его на линкоре «Императрица Мария». Он свидетель его взрыва и гибели.

Еще во флоте Яков вступает в ряды большевиков. Прибыв на родину, в Суксун, осенью 1917 года, он входит в число первых борцов за власть Советов. Вскоре он избран председателем ЧК по борьбе с контрреволюцией. Первый состав Совета рабочих крестьянских и солдатских депутатов был расстрелян на Песчаной горе у д. Шахарово летом 1918 года. Лишь четверо из приговоренных сбежали, среди них был и Яков Павлович. Пуля пощадила его, а дальнейшая судьба переклестнулась с судьбою другого человека — «классового врага», заводчика И. Г. Каменского.

Доктор химии Иван Григорьевич Каменский (1857–1919) происходил из семьи купцов братьев Каменских, основателей грузо-пассажирского пароходства на Каме. Помимо унаследованных пароходов ему принадлежали Суксунский, Тисовский и Молебский заводы, а также завод по производству метилового спирта в деревне Шапочка. Он был известным общественным и политическим деятелем, гласным Пермского губернского земского собрания и Красноуфимского уездного земства, членом Государственного Совета по выборам от Пермского губернского земства.

Состоя в левом крыле Академической группы Государственного Совета, Иван Григорьевич имел прогрессивные взгляды, но не принадлежал ни к какой политической партии, действующей в то время в России. На смену самодержавия и стремительно развивающихся в стране событий Иван Григорьевич реагировал без паники. В одной из его телеграмм, посланных общественности в город Пермь, он писал: *«Как представитель Пермской губернии в Государственном Совете, сообщаю Вам, что преобладающее большинство избранников Верхней законодательной палаты все время и всецело поддерживают необходимость соглашения Временного комитета государственной Думы с Советом рабочих и солдатских депутатов. В переживаемую для нашей Родины страшную минуту прежде всего надо служить сохранению внутреннего мира и порядка ради обеспечения армии всем ей нужным для победы. Первый долг каждого, безусловно, подчиниться вновь образованному временному правительству и поддержать его».*

Это письмо Каменского было опубликовано в «Пермских ведомостях» в марте 1917 года, а в апреле 1918-го Иван Григорьевич лишился всего, что имел. Все движимое и недвижимое имущество крупного капиталиста подлежало национализации, в том числе и дача в Суксунзаводе. Непокойная обстановка, военные действия на территории отодвигали полную национализацию имущества. Лишь в октябре 1918 года Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (уже в новом своем составе, после расстрела первого) произвел опись имущества на даче заводчика Каменского. Ключи от дома вместе со всем барским добром были переданы на хранение Я. П. Могильникову, и тот почти каждый день проверял вверенное ему имущество.

Яков Павлович впоследствии напишет интересные воспоминания о пройденном пути, но очень мало расскажет о том времени, когда он был «директором дома». Могильников упоминает лишь то,

что *...в доме было много ценных вещей и ...остались пустые комнаты.* Легенды же и слухи о пропавшем имуществе Каменских ходят до сих пор! Долгое время никто не имел понятия о том, какие ценности имелись в доме Каменских в Суксуне. Могильников пишет в своих воспоминаниях, что по приказу свыше имущество Каменских было приказано доставить в Кунгур, что, видимо, и было сделано. Но, по легендам, имущество до Кунгура не доехало, а потерялось в дороге, в районе Кишерти.

О национализированном имуществе Каменских говорит один документ, найденный в Красноуфимском архиве. Это реестр, составленный в октябре 1918 года, за подписями Я. П. Могильникова и председателя местного исполкома М. В. Максимова. В списке указаны более трех тысяч вещей и предметов, большую часть которых составляют книги.

На момент национализации имущества Каменских в Суксуне не было. В чьем распоряжении оставался дом — неизвестно. Описывать имущество большевики начали почему-то с кухонного корпуса. Об этом факте свидетельствовала и прислуга из села Ключи Ефимия Прибыткова, в момент прихода в дом большевиков она сеяла муку на кухне. Тяжелый сапог местного пролетария опрокинул на нее поднос с мукой.

Поэтому первыми в описи значатся кухонные котлы, резервуары, черпаки для пищи, кадки, жаровни, сепараторы, весы, маслобойки, сифоны, инкубаторы... А также странные предметы, записанные как *два прибора Довиса*. Или Дэвиса? Ведь английский ученый Р. Г. Дэвис был одним из первых, кто усовершенствовал кислородный аппарат замкнутого цикла изобретателя Г. Флюсса, применявшийся для спасательных работ в шахтах! Дэвис превратил образец прибора Флюсса в индивидуальное средство спасения экипажей подводных лодок. Неужели таковой имелся на даче Каменских? И зачем он там?

Взята на учет и подъемная машина, на которой подавали пищу в столовую комнату. Рядом с кухней находились душевые и ванны. Поэтому далее по описи следуют различные мраморные умывальники, металлические души, шкафы для белья, взяты на учет полотерные щетки и вешалки для платья, а также жестяные писсуары.

Две трети всего имущества занимает мебель, со вкусом подобранная, изящная и дорогая, обшитая бархатом и шелком. Это и комоды, и буфеты из редких пород деревьев, и кресла из карельской березы, камыша. Некоторые подробно описаны с указанием размеров

в аршинах: «...2 кресла, сиденья и спинки обтянуты черной кожей, а поручи придерживают два сфинкса».

Или: «...2 кресла обтянуты шелковой красной материей с золотыми цветочками, ...кресло, обтянутое белой материей с маковыми цветами».

Среди предметов числятся вещи из будуара Л. Н. Каменской. Некоторые из них были завезены из далекой Японии, что свидетельствует об увлечении хозяев Востоком. Японские предметы: столик, лампа, ящик-будуар, кушетка с ящиком и зеркалом, столик из бука. Об увлечении хозяев настольными играми свидетельствуют многочисленные ломберные столы, бильярд. Бывшие слуги рассказывали, что хозяин любил играть в карты. Его партнером был дворянин Владимир Голубцов из села Александровского, к нему Каменский иногда навещался. При описи имущества в доме большевики нашли интересную телеграмму, в которой был написано: «Вышлите 20 000. Вчера проигрался в карты». Кто и когда и кому проигрался — история умалчивает.

Заводчик Каменский был заядлый охотник. С семьей своего егеря Даниила Бабкина из деревни Журавли они были в хороших отношениях. Однажды Даниил даже спас из лап медведя нерасторопного стрелка Каменского. Жена Каменского, Лидия Николаевна, была крестной матерью у дочери Бабкиных, Александры. В описи имущества также присутствуют и многочисленные чехлы из-под ружей. Хотя самих ружей на тот момент в чехлах почему-то уже не было.

К предметам развлечения можно отнести граммофон, пианино, детский кинематограф, аквариумы, фотоаппарат, книги, которых более двух тысяч. Первоначально их переписывали по названиям в отдельности, а после (видимо, надоело) стали записывать в общем количестве, штуками. Это книги по химии и физиологии, истории и философии. Среди русских и зарубежных классиков числятся сочинения Жуковского, Ломоносова, Пушкина, Гомера, Диккенса, Уайльда, Мопассана и пр. Были в доме популярные журналы «Бывое», «Нива», «Русское богатство», а также книги на иностранных языках и по горнозаводскому делу.

Также на учет взяли и более 30 тропических растений. Они находились в зимнем саду дома. Об увлечении барыни живописью говорят мольберты, багетные рамы. Лидия Николаевна Каменская до 1909 года брала уроки у Валентина Серова в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В коллекции Каменских имелись три работы

В. Серова. Две из них позднее попали в Пермскую художественную галерею. Сохранилась переписка Серова и Каменской. Художник даже писал ее портрет, но не успел закончить, по-видимому, из-за своей ранней смерти.

Каменские были знакомы со многими художниками, певцами, архитекторами того времени. Например, Н. К. Рерихом, чьи работы имелись в коллекции Каменских. Из списка А. Гидони явствует, что Каменские приобрели у Н. К. Рериха несколько станковых произведений, среди которых «Идолы», «За морями — земли великие», «У Дивьего камня старик неведомый поселился». Но находились ли именно они в суксунской коллекции на момент изъятия ценностей — не известно. Впоследствии картина «Идолы» попала в США.

Судя по описи, в доме находилось более двадцати живописных полотен русских и зарубежных художников. Несведущие в искусстве большевики что видели, то и записывали: «Статуя чугунная», «Женщина с раковиной». То же произошло и с картинами. Названия переписаны лишь там, где, видимо, имелась указательная табличка с названием, остальные записаны так: «Портрет ребенка», «Портрет мужчины». Авторов живописных полотен указано только три: Ю. Клевер, Н. Е. Сверчков, И. К. Айвазовский. Среди других живописных произведений в списке названы картины «Голгофа», «Рождество Христово», «Девушка в лесу», «Лес зимой», «Оттепель», «Малороссийский хутор» и др. Были национализированы предметы декоративно-прикладного искусства: вазы, статуэтки, фонари. Еще был «Большой медный поднос с изображением Суксуна». Хотелось бы знать, кто изобразил на подносе Суксун?

Дом был оснащен новейшими достижениями цивилизации, среди имущества взяты на учет пять пожарных рукавов, вентиляторы, электрические звонки, нумераторы, батареи, канделябры.

Из главного дома представители новой власти перешли в конюшни, находившиеся напротив. Средства передвижения также вошли в опись — двое троечных санок, обитые голубым и малиновым бархатом; зимняя повозка; санки; кошевка; зимняя карета с дверцами; экипаж-фаэтон. Перечислены также дуги, хомуты, дышла, подушки, конские помпоны, уздечки и прочее.

Около ста предметов первоначально было взято большевиками для исполкома, который в 1918 году разместился в доме Каменского, в основном, это электрические приборы и мебель. Большевики

оставили себе даже живописные полотна религиозного содержания: «Первые люди в раю», «Вознесение Господне» и «Голгофа». Среди оставленных предметов — зеркала, часы, ширмы, пианино, комнатные растения, книги.

Совершенно не прослеживаются по описи столовое серебро и фарфор. Лишь только значится «Ящик из-под столового серебра». Нет в списке ни сельскохозяйственного инвентаря, ни предметов из химической лаборатории Каменского, записан лишь один «Ящик с реостатами» (видимо, так в описи названы реактивы). Во всем списке значатся всего три иконы, плохо верится, что в доме их было только три. Непонятно также, брали ли на учет предметы из подвалов, где находились продовольственные склады и система калориферного отопления? Нет предметов из оружейной комнаты, а она тоже имелась в доме. Не записаны белье и личные вещи.

Вероятно, имущество Каменских вывезли тут же, как только взяли на учет. Опись составлена 8 октября 1918 года, а 19 декабря в Суксун уже вошли белые. В принципе за два осенних месяца можно было вывезти все вещи. О том, что имущество было вывезено именно красными, а не белыми, свидетельствовали очевидцы: прислуга Ефимия Прибыткова и комсомолец Михаил Александрович Щербинин. Ефимия рассказывала, что имущества погрузили так много, что первые подводы ехали по плотине, а последние еще стояли у дома. Большевики вывели слуг Каменских из дома, подгоняя штыками, и заставляли кричать: «Смерть буржуям!». «Мы, — вспоминали слуги, — кричим, а сами стоим, ревим».

Комсомолец М. А. Щербинин в воспоминаниях сообщает: «...Во время Гражданской войны дом охранялся караулами красноармейских частей, а потом, при отступлении Красной Армии, наиболее ценное имущество увезли в Кунгур». Когда белые пришли в Суксун, они уже не застали в доме никаких ценностей. Хотя на тот период в доме что-то еще сохранялось. В подвале дома оборудовали тюрьму. Тут же, в доме, уже в 1920-х годах комсомольцы давали спектакли населению. На стенах дома заводчика висели бодрящие пролетарские лозунги: «Долой стыд!».

На сегодняшний день мы имеем опись ценных предметов, но куда «уехали» национализированные вещи, до сих пор точно неизвестно. Имущество и убранство, оставшееся в доме, еще долгое время служило жителям Суксуна. Из красивых тканей, что были на стенах, девушки шили платья. Бильярдный стол и пианино забрали

местные комсомольцы для проведения досуга. Часть мебели бывшие слуги выменивали на продукты. Массивные дубовые шкафы достались школе, и долгое время в них хранили спортивный инвентарь и плакаты. Зеркала унесли в Народный дом. А учитель химии педагогического училища Н. Г. Малелин еще в 1930-х годах пользовался химикатами, оставшимися от Каменского! Впоследствии, при ликвидации Суксунского района, оставшиеся вещи Каменского были переданы в Кишертъ. В настоящее время из всего имущества Каменских в Суксуне сохранились мебельный гарнитур, два стула, изготовленные в Варшаве, трюмо и портрет Л. Н. Каменской, написанный маслом неизвестным художником в 1893 году.

Яков Павлович Могильников в 1922 году отошел от революционной работы, женился и ушел в дом к жене на готовое хозяйство. В своих воспоминаниях он писал: «...я душевно любил порученную мне советскую работу». В разговоре с молодежью у старого чекиста было излюбленным выражение: «Молодой друг, запомни, главное — не измени революции!». А своим близким родственникам, чувствуя перегибы и ошибки в политике партии, задумчиво говорил: «Не за то мы боролись...».

Никаких документов от того «славного» времени у родственников Могильникова не сохранилось. В годы Великой Отечественной войны, когда немцы подступили к Москве, Яков Павлович, испугавшись, сжег все свои партийные документы — на случай победы немцев. Но при этом оставил свои дореволюционные фотографии, сделанные во время службы во флоте. Тайну же потерянного имущества Каменских он унес с собой в могилу. А может, он и сам не знал, куда далее увезли национализированное ими барское имущество...

Искусствовед Н. Н. Серебренников, основатель Пермской художественной галереи, еще в 1930-х годах и до конца жизни пытался узнать судьбу коллекции Каменских, но без особого успеха. В руках у него остались лишь списки картин, имевшихся у господ. Составил список художник Михаил Маркелович Гужавин — советский живописец (1888–1931), который учился на средства И. Г. Каменского и часто бывал у них на суксунской даче. Наверное, мы уже никогда не узнаем о пропавшей коллекции. Также мы никогда не узнаем, где же на самом деле погребены останки мецената Каменского. А вот на суксунском кладбище, на затерянной и уже всеми забытой могиле, на обелиске моряка-чекиста Я. П. Могильникова выгравирована надпись:

*Не смерть, не шторм тебя не страшили,
Ты молод душою был в семьдесят лет.
Мы память в сердцах о тебе сохранили,
Суровый чекист и простой человек.*

Долгое время считалось, что после революции И. Г. Каменский с женой уехали за границу. Меня тоже волновал это вопрос: что же стало с Каменскими? Пермский краевед А. К. Шарц утверждал, рассказывая мне свою историю, что видел И. Г. Каменского в 1925 году в Финляндии, когда был там на экскурсии в числе других комсомольцев. Но когда в 1990-х годах открылся доступ к старым документам и архивам, то сотрудница краеведческого отдела пермской библиотеки им. Горького, историк Т. И. Быстрых обнаружила в одной из белогвардейских газет некролог с названием: «Памяти Ивана Григорьевича Каменского». А позже пермский краевед В. Ф. Гладышев нашел в архивах и телеграммы с соболезнованиями от общественности Перми вдове И. Г. Каменского, Лидии Николаевне. Из этих документов стало понятно, что Иван Григорьевич умер в Перми в марте 1919 года в возрасте 63 лет.

КАК УМЕР И. Г. КАМЕНСКИЙ

НЕКРОЛОГ

Жертвы большевистских преступных экспериментов с каждым днем все прибывают. Много их, бесчисленное количество этих жертв, а они все растут! «После долгой и тяжелой болезни скончался 14 марта в 2 часа дня Иван Григорьевич Каменский» — говорит извещение. Судя по извещению, все обстояло так просто, так обыкновенно: человек долго и тяжело болел и умер. А между тем эта смерть была полна трагизма.

Покойный был пермским аборигеном, настоящим сыном народа, как по происхождению (происходил из крестьянской семьи Пермской губернии), так и по убеждению. Проявляя с раннего детства стремление к знанию, образованию, покойный в этом отношении достиг своего: окончил курс в Московской практической академии коммерческих наук, а затем поступает в Боннский университет, в котором и кончает курс со званием магистра химии. Закончив образование, Иван Григорьевич вместо того, чтобы посвятить себя устройению собственного благополучия, для чего были все данные, весь уходит

в общественную работу — на пользу того самого крестьянства, из среды которого вышел сам.

А так как в дни самодержавия отдать себя служению народу можно было только в земстве и через земство, то покойный и посвящает свои силы и знания земскому делу, о чем свидетельствует его состояние в течение многих трехлетий гласным Красноуфимского земства и Пермского губернского земства.

Когда появилась возможность населению принимать непосредственное участие в деле государственного управления, оно через губернское земство избрало Ивана Григорьевича членом Государственного Совета, звание которого он с честью нес 12 лет. Но на этом высоком посту Иван Григорьевич остался до конца верным себе: состоя в левом крыле Академической группы Совета, он все время был защитником интересов крестьянских масс. Чтобы не останавливаться на этом долго, достаточно указать один факт. Когда однажды в Государственном Совете обсуждался вопрос о воинской повинности, Иван Григорьевич заявил, что все повинности своей тяжестью ложатся, главным образом, на крестьянство, а повинность воинская — в особенности. При этом он внес предложение обратиться через военного министра к царю с просьбой о сокращении призыва новобранцев в войска гвардии, мотивируя свое предложение тем, что гвардия не служит опорой защиты государства от внешнего врага, а существует для народа, для обстановки и т. п. Это предложение вызвало бурю негодования со стороны членов Государственного Совета, по назначению дошло до царя, и Иван Григорьевич попал в разряд опальных членов Совета.

Как человек, покойный имел чуткое, отзывчивое сердце на всякое горе своего ближнего и старался по мере сил и возможности облегчить эти страдания. Зная, как тяжело простому темному человеку проходить жизненный путь, почивший сделал немало в области народного образования, держа на свои средства учащихся в учебных заведениях. При Пермском государственном университете им были учреждены стипендии для беднейших студентов.

В дни революции он на время сошел с арены общественной деятельности и скромно жил в Перми. Но вот пришли «товарищи коммунисты» и начали сметать, как и по всему лицу земли Русской, все честное, все работоспособное, жизненное, любящее народ и Родину. И в своем «победном» шествии против всего, что противоречило их разрушительным опытам, они не могли, конечно, не заметить

такой крупной величины, как покойный Иван Григорьевич. Начав с отнятия всего недвижимого имущества покойного, эти «социалисты» разграбили все его движимое состояние и, выгнав их из собственного дома, поселили в угол одного из домов терпимости на так называемом пермском Сахалине. Комната, в угол которой был вселен покойный с женой, представляла собой нечто до невозможности отвратительное: заплеванные, загаженные стены, испещренные карандашными пометками самого похабного содержания..., клопы, грязь...

Все покойный вынес стоически — все лишения, но последнего вынести не мог и после некоторого своего пребывания в притоне разврата очутился в больнице, а затем... в могиле.

Покойный погребен 16 марта в фамильном склепе, находящемся в стенах Пермского монастыря. Чин погребения совершал Преосвященный Борис, епископ Пермский и Кунгурский. В своем надгробном слове Архипастырь отметил особенности почившего и как человека, и как общественного и государственного деятеля.

Пусть же спит вечным сном незабвенный Иван Григорьевич, и да будет легка ему земля уже по одному тому, что он слишком много претерпел, а претерпел так много горького потому, что возлюбил много.

Д. БРОНИН.

Памяти Ивана Григорьевича Каменского.

Газ. «Свободная Пермь». 1919. 19 марта.

ДВЕ АННЫ, или УЛИЦА ЛЕНИНА, 28

Благодаря своим жильцам старинные дома обретают богатую историю. А жильцов порою, за многие-то годы и столетия, столько проживет в доме, что может получиться целый роман, если рассказывать обо всех подробно. Анна Павловна Лопатина и Анна Максимовна Токарева не были близко знакомы, хотя проживали в Суксуне в одном и то же доме, только в разное время.

В старину нынешняя улица Ленина называлась **Средняя**. Здесь жили мещане, заводские служащие, ремесленники. Улочка была маленькая, но центральная, начиналась она прямо на торговой площади у магазинов торговцев и купцов. С этой улицей связаны судьбы многих людей, в том числе — и названных мною двух женщин.

В 1995 году я познакомилась с Анной Павловной Панфиловой, в замужестве Лопатиной. Всю свою жизнь Анна Павловна проработала

в местной артели «Медник», как многие другие рядовые жители. А когда она стала рассказывать о себе, выяснилось, что жизнь ее была полна горестных и трагических событий.

Родилась Анна в 1909 году в семье суксунского кустаря-медника Павла Андреевича Панфилова, на улице Малой Киршине (ныне Куйбышева). Привыкшая с детства к труду, Анна сама о себе заботилась, не надеясь на помощь других. Уже в 1920-х годах подростком она уезжает из Суксуна в Екатеринбург и начинает работать у богатого коммерсанта. Немного справившись с нуждой и скопив денег, она возвращается в Суксун. Вскоре она приглянулась одному суксунскому парню, Евгению Сазонову. И выбор Анны Павловны был удачный. Ведь в Суксуне все знали пимокатов Сазоновых, которые зарабатывали на жизнь своим ремеслом. Жили они зажиточно, в большом двухэтажном доме на ул. Средней. При доме были большие хозяйственные дворы, сарай, конюшни. Да и семья была большая. Анна и Геня обвенчались и стали жить в семье Сазоновых.

«Было большое хозяйство, все жили вместе и дружно. В два часа ночи вставали, валенки катали», — вспоминала Анна Павловна. Но долго пожить ей в этом доме не пришлось. В 1931 году Сазоновых пришли «раскулачивать». Устроители новых порядков выбрали самый «подходящий» для этого день — Рождество Христово. Не церемонясь, представители новой власти, под крики и слезы хозяев, стали отбирать у Сазоновых все, что попадало под руки, и складывать на подводы. Анна Павловна вспоминала:

«Я тогда уже беременная была, держу одну подушку. Не отдаю! С лесенки-то они стали спускаться, а я взяла этой-то подушкой и в спину Рогожникову бросила. Он из Сасыково был. Крикнула, мол, отольются тебе мои слезы! А он ничего, взял эту подушку и тоже на воз положил. У меня кольцо было обручальное. Снимай, говорят. А я говорю, на, мол, руби с пальцем, если есть такой закон! В доме все обыскали. Даже квашенку заставили помешать. — А на что это вам? — спрашиваю. — А вдруг, отвечают, ты там золото спрятала?».

После этого всех Сазоновых как вредных кулацких элементов отправили на поселение в Кизел. Анне же пришлось взять развод с мужем, чтобы остаться в Суксуне. Таким образом, беременная Анна избежала поселения. Но с имуществом Сазоновых у нее отняли и собственное приданое, нажитое трудом и слезами. Отец пошел в поселковый совет, к Михаилу Васильевичу Семкову, по-родственному нажаловался. Он, первый суксунский военком, гонитель священни-

ков и старого строя, в то время — председатель поссовета, какие-то вещи Анне вернул. Все-таки дед Анны Павловны, Прокопий Белоусов (повешенный в 1918 году на воротах усадьбы Каменского местными повстанцами), был тестем Михаила Васильевича. Немало пришлось повоевать Семкову с классовыми врагами за Советскую власть, которая установилась в Суксуне лишь к лету 1919 года.

После бегства управляющего Суксунскими заводами А. К. Шишко и казни П. М. Худякова, первого директора завода, выбранного рабочими, в годы Гражданской войны заводское производство пришло в упадок. Не было централизованного руководства. Рабочие уходили с завода, батрачили по деревням или нанимались к мелким самоварным предпринимателям. В 1921 году завод был сдан рабочим в аренду. Аренда и концессия были временными мерами пролетарских методов хозяйствования. Руководителями завода стали В. И. Никулин, Н. С. Змазов, главным бы определен Николай Яковлевич Кадочников.

Жители встречали перемены настороженно. А в середине 1920-х годов, после Гражданской войны, еще долго и Суксун, и весь район беспокоили повстанческие отряды «зеленых братьев». Листовки «зеленых», обращенные к народу, зачитывались неграмотным и распространялись среди крестьян. Воззвания гласили: *«Братцы! Не вздумайте сами себя товарищами называть, товарищи вас обманывают! Наши большевики только разорят крестьян <... > крестьяне, бейте и душийте таких руководителей, не давайте им покою!..»*.

Как и было предсказано, позже начались ненавистные «раскулачивания», коллективизация и голод. Крестьяне упорно не хотели участвовать в продразверстках, вступать в колхозы. Раскулачивание и коллективизация принесли новые темы в фольклор. Прогноз народной частушки относительно будущего был традиционно пессимистичен. Хотя за распространение такого фольклора в то время можно было получить «статью» и ссылку в лагеря.

*Раньше царь был да царица,
Росла рожь, росла пшеница,
А теперь советска власть –
Нечё и в рот класть.*

*Ты куда, крестьянин, едешь
И телега на боку?
«Меня нонче подрядили
За иминьем к кулаку!»*

*Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
«Много хлеба не давай,
Мяса не показывай».*

Раскулачивание и насильственная коллективизация, оборвавшие в северной тайге и в среднеазиатских степях миллионы жизней, оставили кровоточащий след в памяти крестьян — ее жертв и свидетелей. Восприятие раскулачивания как извечного «за что?», как ужасающей несправедливости, ни объяснить, ни понять которой невозможно, пронизывает воспоминания наших земляков, рассказы, сводящиеся, в общем, к одной и той же схеме: *«Жили в нашем селе крепкие, зажиточные хозяева, трудились от зари до зари, потому хорошо жили. А попали под раскулачивание и высылку»*.

В 1920-х годах в окрестностях Перми даже ходила листовка-агитка, стилизованная под фольклорный плач.

*Куда же ты подевалась, свобода наша желанная,
Куда же запропастилась, долгожданная?
Видно, очень далеко тебя запрятали красные работники.
А свобода-то наша заветная,
Словно синица в небе, едва заметная,
И летает она вокруг нашего носа, вьется,
Только в руки никак не дается.*

В селе Сабарка Суксунского района произошел невиданный случай, о котором из уст в уста передавалась народная молва. Граждане Сабарки присутствовали на собрании, где всех записывали в колхоз, а когда вышли с собрания, то увидели: небо озарено необыкновенным светом, и сверху спускается черный гроб, весь обставленный свечами. А над ним — сам Иисус Христос, он держит в одной руке цепи, а в другой Крест. На другой день, утверждают, на крышах своих домов сабаряне нашли много накапанного от свечей воску. Конечно, в ОГПУ посчитали эту байку чьей-то «антиколхозной деятельностью».

Разлуку с мужем, расставанье с дорогими людьми Анна переживала очень тяжело. К тому же в осиротевшем доме Сазоновых устроили торги. То, что осталось, под веселые крики местных комсомольцев: *«Кто больше?»* и *«Продано!»* распродавали заводскому населению. Горько было видеть это Анне, тем более что с торгов продавали и ее оставшееся приданое. Вытащили на торги самовар, сделанный

руками ее отца и подаренный ей на свадьбу! На творившееся на улице Средней беззаконие пришел посмотреть отец Анны. Не выдержав, он подошел к комсомольцам, разбазаривающим чужое добро, и сказал: «*Я больше всех дам за самовар!*», взял его и унес под угрозы: «*Ты за это ответишь!*».

Так происходило в ту пору не только на улице Средней. По всему Суксуну шли «раскулачивания», выселения, репрессии. Отнимали порою последнее имущество. Так, у бывшего учителя (!) А. И. Бухвалова при «раскулачивании» забрали фисгармонию и корову. Уцелевшие из бывших купцов и мещан и их дети в 1930-е годы были окончательно выселены из Суксуна. Выселения коснулись и простых ремесленников и кустарей. Случалось, что высланные из разных сел и деревень «кулаки» встречали земляков на кизеловских шахтах и, поддерживая друг друга, помогали выжить. Так, на шахту № 6 отправилась из Суксуна семья Распоповых, из деревни Бырма — семьи Галимзяновых, Гаряевых. В Нижний Тагил выселили семью Заводовых, в те же края отправили семью Белоусовых... Жилищные условия во всех местах ссылки были ужасные: бараки с двухярусными нарами, голод, болезни, смерти... Многие не выдерживали такой адской жизни.

Но и в Суксуне жизнь Анны с маленьким ребенком на руках не была легкой. Она трудилась на разных работах. Редко ее бывший муж подавал весточку. Довелось ей поработать в сетевязальной артели, потом на кирпичном заводе, в артели «Медник» на пайке изделий и тут же, в артели, в войну она работала конюхом, ведь все мужчины ушли на фронт. В 1936 году она вышла замуж второй раз. В 1941-м призвали в армию ее второго мужа, Ивана Петровича Лопатина, с которым удалось ей пожить всего пять лет. С фронта он не вернулся — погиб в июле 1941-го на Смоленщине, оставив Анну солдатской вдовой. От первого брака с Евгением Сазоновым у нее росла дочь Шура, от второго, с Иваном Лопатиным, двое: дочь Тамара и сын Иван. Всех нужно было поднимать, учить, воспитывать.

О первом муже, с которым пришлось формально развестись, Евгении Антоновиче Сазонове, Анне сообщили, якобы он погиб во время советско-японского конфликта в Монголии. На самом деле он был арестован в Кизеле в 1936 году. Его осудили как диверсанта и вредителя и приговорили к расстрелу. Причем приговор привели в исполнение, когда Православная Церковь отмечала Рождество Христово. Это произошло в 1937 году. Но Анна об этом так и не узнала.

Горе, казалось, так и валилось на нее со всех концов! Ко всем несчастьям добавилась еще и тяжелая болезнь дочери Шуры, которая простудилась на лесосплаве и часто серьезно хворала. Помощи ждать было не от кого. А после войны (уж так получилось), Анна Павловна, несмотря на все трудности, родила еще одну дочь — Валентину!

На пенсию Анна Павловна ушла с завода металлоизделий, отработав там много лет. Казалось бы, пора отдохнуть, заняться своим здоровьем, но тут новое несчастье — сгорел ее дом. Пришлось заново строить его в Ольховке, а вскоре после этого от болезни почек — нефрита — умерла дочь Шура. Было ей всего 34 года...

В доме пимокатов Сазоновых потом находили уют разные организации. Почти сразу же после выселения хозяев сюда заехал поселковый совет и коммунальный отдел, они там располагались довольно долго. Огромные дворы Сазоновых как нельзя лучше пригодились для содержания поселковых лошадей, инвентаря и прочего. Тут были конюшни, стояли телеги, сани и прочие средства передвижения.

Я хорошо помню этот дом и конные дворы, так как там проживала моя бабушка, Анна Максимовна Токарева. Поселилась она тут в годы войны, когда работала конюхом при поссовете и в коммунальном отделе. Мужа в 1941 году призвали в армию, и она заменила его на конюшне.

Жилье бабушки было на первом этаже — небольшой подвальчик. Муж Николай погиб на фронте. Осталась Анна с тремя сыновьями, которые тут в тесноте да не в обиде все и выросли! Бабушка всю жизнь проработала конюхом при коммунальном и поселковом совете, который переехал на новое место лишь в конце 1960-х годов. Так и прожила Анна Максимовна в подвале этого дома до самой смерти.

Я часто к ней прибегала в гости. Иногда просила бабушку рассказывать мне всякие сказки и истории, которые с любопытством слушала, глядя на ее скрюченные, словно судорогой сведенные, пальцы. По детской глупости пыталась их разогнуть, недоумевая, почему они такие? А ведь тогда ей еще даже не было семидесяти! Бабушка Анна часто повторяла, отвечая на мои расспросы: «*От работы, милая, от работы!*» — и рассказывала, от какой именно работы и как пришлось ей тут прожить в годы войны.

Проводив на фронт мужа, она приняла на конном дворе хозяйство: четыре лошади и два быка. А их нужно было кормить и поить, и воду из проруби ведрами в бочки наливать, и все своими руками!

Вставала чуть свет, ложилась затемно. И все одна: из конюшен навоз вычистить, воды с пруда привезти, а зимой еще и прорубь выдолбить. Трое детей так и росли под ногами.

В те времена суксунских жителей по утрам поднимал заводской гудок. В день он подавал длинные и короткие сигналы одиннадцать раз! Свой первый длинный звук он издавал в 7 утра, призывая рабочих в цеха, затем гудел в 7.40, намекая, что осталось 15 минут до начала работы, т.к. опаздывать было нельзя. За опоздание могли сделать выговор или даже судить. И в процессе рабочего времени гудок вызывал рабочих то на обед, то с обеда, то обозначая конец первой смены, начало второй... И последний свой ночной усталый звук издавал в 01.45 — это на заводе заканчивалась вторая смена. Перед войной завод был механический. К той поре он уже перешел на выпуск медицинской аппаратуры и был передан в ведение Главного управления Мединструментпрома наркомата здравоохранения СССР. Завод стал предприятием союзного значения. Руководил заводом Оскар Гансович Саар, а в годы войны его сменил другой директор, из Витебска, — Илья Абрамович Меерсон.

Анне Максимовне довелось и могилы копать. Летом и осенью 1941 года в Суксун приехали люди с разных мест. Большинство пришло из Витебска — в поселок была эвакуирована Витебская очковая фабрика. Она разместилась на базе Суксунского механического завода. И завод стал военным и, как положено, номерным — предприятие № 17. Более 400 семей принял наш поселок из Белоруссии, прибывшие были размещены по квартирам местных жителей.

В те годы сыновья Анны, Иван и Вася, наблюдали из окон подвального, как грязные машины выезжают в гору, эвакуированные слезают, сползают, выпрыгивают из кузова со своими котомочками у дома на улице Ленина. Поссовет распределял их по квартирам. Некоторые из эвакуированных первоначально размещались на полу в бабушкиной комнатенке, как на перевалочном пункте:

«Эвакуированных в ту пору ехала тьма, кто справный, а кто и вовсе босиком. Голодные, холодные, с ними и ремки свои приходилось делить. Вот поведут их в чайную обедать, наедятся они с голоду-то, и кто тут же захворает, а иные и умирали сразу. Вот и кричит мне председатель: «Токарева, собирайся могилы копать, вон Кондратьева в подмогу пошлю». А иной раз и одна копала...».

Не одна могила была вырыта бабушкиными руками. И малолетние сыновья тут же помогали матери забрасывать землей трупы

эвакуированных людей, волей судьбы оказавшихся в чужой уральской земле. Эстонцы, латыши, поляки, белорусы... Первыми список умерших эвакуированных в 1941 году открыли пятилетняя Лия Абрамсон и взрослая женщина Берта Авсеевна Иделевич. Вслед за ними в мир иной от болезней и голода отправились и другие. А некоторые, как латышка Моника Силиулис, кончали жизнь самоубийством. Так получилось, что чаще всего бабушке приходилось хоронить преимущественно евреев. Их погребали на кладбище справа у забора. Так постепенно появился своеобразный «еврейский квартал». Особенно трудно было зимой, когда земля промерзала, поэтому копали неглубоко и недалеко от входа. Гробов никто не делал, хоронили так, без домовин. Памятников, разумеется, тоже никто не ставил. Родственники умерших на кладбище не ходили, поэтому мест захоронения, кроме бабушки, никто и не знал. Уже после войны она показывала могилы тем, кто интересовался судьбой умерших.

1942 год был самый трудный. Анне приходилось детей вовсе одних оставлять. *«Приеду их проведать, а они ревут: мама, хлеба нет! И сама тут же нареву с ними».* Дети долго не видели обычной еды, не говоря уже о необычной! Кто-то однажды, уже после войны, решил угостить ее малолетнего сына Колю сахарком. Мальчик повертел белый кусочек и выбросил его под порог. Не видал он никогда сахара.

Бывало, и лошадей бабушка подковывала: *«Ну, Нюрка, — говорил местный кузнец, — ты лошадей никогда босиком не водишь!».*

После войны бывшие фронтовики возвращались домой, и это давало Анне некую веру: авось, и жив Николай? Ведь на войне всякое бывает. Но напрасно она тешила себя надеждой. Николай умер в госпитале от ран 6 января 1944 года.

Дом пимокатов Сазоновых пережил так же много, как и эти две Анны, Лопатина и Токарева, две русские долготерпеливые женщины. После поссовета в здании последовательно размещались Дом пионеров, ЦСУ, прочие организации, а бабушка так и жила в подвальчике. Впрочем, ей однажды предложили переехать в светлую комнату на освободившемся втором этаже дома, но слишком дорог был ей подвальчик, слишком привыкла она к нему. Тут прошли ее молодость и вся трудная жизнь.

В 1950-х годах у бабушки появился другой муж — конюх Степан Никитин, и в этом же подвале у нее в 1952 году родилась дочь Людмила. И маленький подвальчик пимокатов Сазоновых, состоящий

из двух приземистых комнат, вместил уже пятерых человек! Да еще и родственники приезжали, бывало. В 1950 году Анна Максимовна отправила старшего сына Ивана служить в армию. Иван погиб в Германии при исполнении служебного долга. Мать увидела только фотографии могилы рядового Ивана Токарева на воинском кладбище города Потсдама. Побывать на месте захоронения сына ей не пришлось. Она часто просила меня перечитывать ей заветное письмо со словами благодарности командира части, где служил Иван. И я читала, каждый раз бередя ее душу.

В этот сырой холодный бабушкин подвальчик в жаркое лето было приятно забегать. А на бывшем хозяйственном дворе мы в детстве лазили по деревянным сараям, конюшням и чердакам. Все было сделано очень добротнo, поражали масштабы этих надворных построек! Три огромных сарая, где наверху под крышей хранилось сено для лошадей, а внизу находились сами конюшни. Мы, бывало, часто проваливались в эти конюшни, когда прыгали на сеновале, выделывая «сальто-мортале» с верхних бревен под самой крышей — ведь сено лошадям подавали, забирая его вилами с сеновала через специальное отверстие. Были на дворе стойки для скота (бабушка держала козу), дровяники, помещение, где стояли кошевки (в них мы часто «ездили на базар», понужая выдуманную лошадку). На дворе хранились многочисленные расписные дуги для лошадей, конная упряжь, колеса, телеги.

Лошадей в моем детстве было три: Марта, Рыжко и Рубин. Бабушка каждое утро ездила на лошади на колонку по воду, чтобы напоить лошадей, и брала меня с собой — прокатиться. На телеге везли железную бочку, наполняли ее на колонке через шланг и ехали обратно. Прогулка была радостная. А иногда на лошади можно было прокатиться и верхом, но с доглядом деда Степана.

Помню, под крышей сарая были подвешены зимние сани, обитые зеленой материей. Тут же стояла чугунная ванна с алебастром. Дед Степан часто рассказывал ее печальную историю: когда-то она была кем-то принесена из бани господ Каменских, да так и осталась стоять в коммунальном дворе на конюшне, в которой и лошадей-то уже потом не держали. На конный двор мы, местная детвора, любили выходить ранней весной. Сидели на солнышке, пригревшись у теплой стены, играли «в краски», в «глухой телефон» и прочие игры. Огород здесь тоже был. Бабушка сажала картошку и мелкие овощи. Грядки настолько был удобрены навозом, что земля была мягкая,

как пух, и вскапывать землю было одно удовольствие. Весной бабушка нам делала «качулю», перебрасывая жердь с веревками с дровяника на уступ в стене дома. Это было для ребятишек великой радостью.

Мы, дети с этой улицы, тогда ничего не ведали о старых хозяевах дома Сазоновых, хотя бабушка иногда упоминала о них. А к тому времени их, наверное, уже не было в живых. Судьба других родственников Сазоновых осталась неизвестной. Лишь Анна Павловна Лопатина помнила, а Анна Максимовна Токарева знала, чей этот дом, в который забросила их судьба, где были пережиты и радость, и горе. Чем-то даже похожи судьбы этих двух женщин, например тем, что у каждой было четверо детей, только у одной — три сына и дочь, а у второй — три дочери и сын.

Нынче дом имеет другой адрес: улица Ленина, 28 и других хозяев, которые и не задумываются над прошлым, перестраивают, перекраивают дом для своего блага. И он еще многим послужит!

Жизнь этих никому особо неизвестных многодетных женщин схожа с судьбами сотен простых, обыкновенных суксунских тружениц, живших в не самое лучшее для нашей страны время. Они достойно пережили такие жизненные драмы, которые нынешнее, не знавшее серьезных испытаний поколение едва ли смогло вынести.

СПИСОК УЛИЦ СТАРОГО СУКСУНА

1. **К. Маркса** — в своем начале **Вознесенская**, далее — **Шахаровка**.
2. **Первомайская** — **Большая**, или **Каменская**.
3. **Первомайский**, переулок — **Банная**.
4. **Калинина** — в начале **Слобода**, далее — **Роговик**.
5. **Свердлова** — **Петропавловская**.
6. **Ленина** — **Средняя**.
7. **Кирова** — в начале **Садовая**, далее — **Верхние Глинки**.
8. **Братьев Чулковых** — **Нижние Глинки**.
9. **Мичурина** — **Щелканка**.
10. **Маношина** — **Хрящевка**.
11. **Володарского** — **Малая Сосновка**.
12. **Халтурина** — **Сосновка**.
13. **Колхозная** — **Казагат**.
14. **Золина** — **Кокуй**.
15. **Челюскинцев** — **Ключики**.
16. **Энгельса** — **Болото**.
17. **Чапаева** — **Киршина**.
18. **Куйбышева** — **Малая Киршина**.
19. **Ольховка** (сохранила прежнее название).
20. **Зеленая** (сохранила прежнее название).
21. **Комсомольская** — **Никольская**.

ГЛАВА III

НА ЖИТЕЛЬСТВО В СУКСУН

Изучаешь историю послевоенного Суксуна, и невольно создается впечатление, что здесь проживало много людей, отсидевших в свое время в лагерях. Впечатление не обманывает: в то время бывшим лагерникам запрещалось селиться в больших, тем более столичных городах, поэтому Суксунский район, как и подобные ему административные территории, становились для них местом прописки. И, справедливости ради, признаем: те, кто попадал в маленькие городки и поселки после лагерей и прожил здесь пусть небольшое количество лет, все же сумели оставить о себе память. Вот и суксунцы не забыли их славные имена. Одно из них — Дора Николаевна Рикерт.

ДОРА РИКЕРТ — УЧИТЕЛЬНИЦА ИЗ УРАЛЬСКОЙ ГЛУБИНКИ

К Анне Ефимовне Манохиной в село Ключи мы приехали, чтобы взять фотографию ее тестя. Знали, что он, Николай Александрович Манохин, учитель по профессии, в 1931 году подвергался репрессиям. Эта тема меня давно интересовала. Стали разбирать кучу фотографий. Манохины — учителя с большим стажем не в одном поколении. И вдруг на пол упала маленькая фотокарточка худенькой женщины. Снимок явно сделан за границей — за спиной женщины видны здания, типичные для Западной Европы. На обороте надпись мелким почерком: «На память Анне Эфимовне от Доры». Я посмеялась: кто такой грамотный Ефимовну «Эфимовной» назвал? И услышала в ответ: Дора — немка, но какое-то время жила в Суксуне и в Ключах, а фото послано сюда уже из Германии. Я слышала о Доре и прежде от жителей, но все откладывала расследование ее судьбы, оставляла на потом.

Думаю, что теперь настало время вспомнить трагическое минувшее. На начало Великой Отечественной войны в Суксуне проживало более шести тысяч жителей. Действовали два основных предприятия: механический завод — бывший Демидовский и артель «Медник», где выпускали самовары. В поселке имелись первая в Пермской области тракторная школа, общеобразовательные школы, больница, педагогическое училище. Суксун жил мирной жизнью, такой мирной, что мало верилось: скоро может нагрянуть война. Но она началась. Более шести тысяч человек из Суксунского района ушли на фронт, более половины из них не вернулись домой. В большинство домов пришли похоронки. К врагу все испытывали справедливую ненависть, и в тылу делали все, чтобы приблизить Победу.

В августе 1941 года сюда была эвакуирована Витебская очковая фабрика. Она разместилась на базе Суксунского механического завода. А всего в район были эвакуированы более тысячи людей из разных областей. Их разместили по квартирам. Работали они в колхозах и совхозах, на предприятиях. В Суксуне появились белорусы, евреи, украинцы, эстонцы, латыши. Несмотря на голод и тяжелейшую военную ситуацию, многие семьи делились с эвакуированными последним куском хлеба. К представителям разных многочисленных национальностей население не испытывало ни вражды, ни ненависти. Жили дружно, помогали друг другу. Одна беда была на всех, и нужно было выстоять и выжить.

В это время в Коми округе, в Локчимлаге, отбывала десятилетний срок Дора Рикерт. Совсем скоро, после окончания войны, ей предстояло приехать в Суксун, но тогда, в тяжелые сороковые, она еще не знала этого, как не знала, доживет ли до своего освобождения.

Дору Рикерт (в девичестве Ангрес) судьба забросила в наши края в 1947 году. Многие пожилые суксунцы еще помнят суховатую элегантную немку, не очень хорошо говорившую по-русски. Помнят, как в морозы она ходила по поселку в огромных валенках. Почти сразу после отбытия срока Дора Рикерт начала работать в Суксунской средней школе, преподавала немецкий язык. Почему она появилась именно в Суксуне? И кто же такая она была?

Родилась Дора Ангрес в Германии в 1908 году, училась на философском факультете Берлинского университета. Летом 1929 года, путешествуя, она посетила Париж — город своей мечты и там встретила молодого человека Пауля Хальперна. Оказалось, что они учатся в одном университете! Молодые люди подружились и решили ни-

когда уже не расставаться. Но они не торопились играть свадьбу — ведь у молодых людей были свои ориентиры: любовь, наука, борьба. Они вместе верили, что люди труда, объединившись в международное братство, построят коммунизм, их идеал — Ленин. Пауль был активистом в студенческих коммунистических ячейках, участвовал в митингах и демонстрациях, распространял нелегальные газеты, за что ему неоднократно доставалось от немецкой полиции. Рикерт — это его подпольная партийная кличка. Несколько раз его штрафовали за распространение запрещенной газеты «Роте фане». Пауль больше занимался политикой, чем наукой, и это очень тревожило Дору, хотя она придерживалась единых с ним взглядов. Пауль верил: Германия должна быть социалистической! Так они все, во главе с Эрнстом Тельманом, считали. Нацизм — это не то, что нужно Германии. Пауль был ярым антифашистом.

Окончив университет, Хальперн остался здесь же, он готовился к защите докторской диссертации и вскоре защитил ее. Но наступил 1933 год. К власти пришли фашисты. В университете начались аресты. Молодого ученого уволили из университета за неблагонадежность. За ним следили, его приходили арестовывать. Пауль скрывался то у своих друзей, то в доме Доры, у ее родителей. Но он не хотел подвергать их опасности и в дальнейшем. Однажды он сказал: *«Мне приказано покинуть Германию»* — и поехал в Советский Союз.

Предвидя долгую разлуку с другом, Дора решила бежать за ним. Они встретятся в Праге. В 1934 году Пауль, первым по линии Международной организации помощи борцам революции, выехал в Советский Союз. По своей специальности Пауль Эмильевич был химик-минералог, поэтому не удивительно, что место для жительства было им выбрано продуманно. Он очень любил камни. Молодые люди избрали Урал, «Каменный пояс» с его тайнами и сказочными легендами. Пауль устроился на работу в Свердловский институт УНИХИМ младшим научным сотрудником. Ему выдали паспорт на новую фамилию — Рикерт. Вскоре в Свердловск приехала Дора, она взяла эту же фамилию. Начала работать в индустриальном (позже политехническом) институте химиком-лаборантом. Молодые люди были вместе, чувствовали себя счастливо, и ничто не предвещало беды. Любили путешествовать, знакомились с новыми друзьями. В те времена их окружали не только коренные жители Урала, но и такие же, как они, политические эмигранты из Европы.

Счастье Рикертов было недолгим. Наступил 1937 год. Все средства массовой информации трубили о новых разоблачениях «врагов народа». Органы выискивали все новые жертвы. За иностранцами следили агенты — для них это была легкая добыча! Ах, если б Пауль и Дора заранее знали, что их ждет в Советском Союзе, то вряд ли они решились просить здесь политического убежища. Но что страшнее: застенки гестапо или советские лагеря? Куда было уезжать, если в Германии Пауля ждала виселица? Советский Союз отнюдь не был для молодого антифашиста идеалом. Он знал, что там происходит, и не питал иллюзий.

Рикерта арестовали как шпиона 28 сентября 1937 года. В доносе было сказано, что он «не одобрял политику советского государства», утверждал, будто «ТАСС не всю правду говорит», и на основании этих слов был признан социально опасным элементом. Его обвинили в подготовке взрыва цехов на Верх-Исетском заводе. Пока велось следствие по делу, он отсидел в тюремных застенках два года. На допросах Пауль вел себя дерзко, оскорблял следователей. Он еще в Германии был готов к аресту и давно продумал эту ситуацию. 26 января 1940 года его отправили «досиживать» в Онеглаг. Среди других заключенных в лагере вместе с ним отбывал срок Герберт Энгхардт, тоже специалист из Германии, которому дали десять лет. Однажды Герберт сказал Паулю: *«Я, наверное, загнусь за эти десять лет. А ты выйдешь через две недели. Вот адрес моей жены, поезжай к ней. Во-первых, тебе будет где остановиться, во-вторых, расскажешь, как мы тут. Скажи ей, что вряд ли я отсюда выйду»*. Герберт, как и предполагал, вскоре умер. Осенью этого же года Пауль освободился и навестил жену Энгхардта, Надежду Леонтьевну. Они полюбили друг друга.

С началом войны Пауль вместе с другими товарищами вновь оказался за колючей проволокой, только в Нижнем Тагиле. Здесь он как специалист работал на кирпичном заводе. В трудовую армию согнали многих немцев. Вместе с ним работали будущий академик РАН, специалист по космическим полетам Б.В. Раушенбах, профессор-палеонтолог О. Н. Бадер, а также А. Г. Стромберг, будущий профессор-физик. Окружение Пауля было ему в утешение и в помощь, поскольку и в неволе эти люди сохранили духовно и интеллектуально насыщенную жизнь. Когда Паулю разрешили поселиться вне зоны, он остался в Нижнем Тагиле, работал в строительном тресте. Вскоре к нему приехала из Свердловска новая жена — Надя. Так у Пауля появилась новая семья. Он знал, что Дора арестована, что ее отправили на десять

лет в лагерь, а после всего пережитого самим в заключении понимал, что шансов выжить у нее нет. Возможно, поэтому Пауль выбрал в спутницы жизни другую женщину.

А Дору действительно арестовали — через полгода после ареста Пауля. И оба они были уверены, что никогда более не встретятся. Но их встреча все же состоится — но лишь через 11 лет. Доре повезло меньше. Ее обвинили в шпионаже и диверсионной деятельности. Несмотря на то, что женщина сопротивлялась и не давала «признавательных» показаний, по быстро сфабрикованному делу отправили немку в Локчимлаг. Дора недоумевала: она, коммунистка, бежала из фашистской Германии в Советский Союз. Как можно считать честных немецких коммунистов шпионами и диверсантами?! Но приговор — два года тюрьмы и восемь долгих лет в лагере.

Локчимлаг, зона в Коми АССР, встретил Дору холодом и голодом. Он благоденствовал, удобряемый потом, слезами «троцкистов» и «бухаринцев», корейцев, турок, поляков, немцев, латышей. До войны это был один из самых больших лагерей на земле Коми. Разбросанный в бассейне реки Вычегды и ее притоков Лэкчима и Нема, Локчимлаг занимался лесозаготовками. В годы войны его реорганизовали, оставили несколько маленьких лагунктов, переданных Устьвымлагу. На их базе и были организованы леспромхозы. В войну голод и чувство безысходности овладевали многими, делали людей равнодушными. Не много нашлось у Доры друзей в лагере. Но среди них была верная подруга, с которой их свела сама судьба — Эмилия Генриховна Сильберман, эстонка из поселка Юго-Камский Пермской области. Их арестовали почти в один день, только в разных местах. Эмилия, или Эмма, как звала ее Дора, была старше подруги на тринадцать лет. Личное горе и общая трагедия узников лагерей объединили этих женщин. Эмилия уже лишилась двух сыновей и мужа — он был расстрелян по приговору суда в 1938 году. Оставалась одна надежда — ее дочь Элли. По профессии Сильберман была фармацевт и попала в лагерную аптеку. Так ей удалось остаться в живых. После она взяла к себе лаборантом и Дору. Только не попав на «общие» работы, можно было еще как-то выжить в нечеловеческих условиях ГУЛАГа.

Тем временем дочь Эмилии, Элли Сильберман, окончила институт и работала зоотехником. По распределению попала в Суксунский район Пермской области. Эмма вышла из лагеря раньше Доры и приехала в деревню Морозково Суксунского района, здесь ей

разрешалось жить на поселении. Вскоре она соединилась со своей дочерью Элли. Сюда же после освобождения приехала и Дора. Доре «скостили» 28 дней от основного срока за примерную работу. Немного памятных вещей увезла Дора из лагеря, места горя и слез. Среди вещей — четыре миниатюры «Времена года», выполненные на бумаге в лагере неизвестным художником. Она хранила их до самой смерти.

Поскольку бывшим заключенным запрещалось проживать в крупных городах, то первоначально Дора отбывала послелагерную ссылку в татарской деревне Агафонково Суксунского района, работала в аптечном пункте. Но позднее переехала в Морозково, к подруге по лагерю Эмме.

Название деревни — Морозково — напомнило Доре о морозах, которые она не любила, потому что намерзлась достаточно в лагере. Но встретили ее здесь как родную, тепло и с деревенским участием. Местные жители помогали Эмме и Доре чем могли. Тогда все всем помогали. В благодарность через много-много лет Дора станет посылать из Берлина посылки морозковским женщинам. А те будут гордиться, что это — из-за границы!

Дора очень полюбила дочку Эммы. Она воспитывалась без матери, у чужих людей, но добила много в жизни. В 1949 году Элли Иогановна Сильберман вышла замуж за суксунца Геннадия Ивановича Мочалина, тоже зоотехника, и сменила фамилию. Они какое-то время проживали в Суксуне. После перенесенных испытаний нужно было жить дальше. Но жить Доре не особо хотелось. Еще в лагере она узнала, что Пауль жив и женился на другой женщине. Она не поверила и после освобождения съездила в Нижний Тагил, разыскала его. Очевидцы тех событий рассказывали, что Пауль и Дора, встретившись, испытали большое потрясение. Ходили слухи, что они пытались отравиться ядом, но их спасли. Дора не стала мешать Паулю, пути их разошлись навсегда. В его семье уже были дети. Женившись на бывшей жене своего лагерного товарища Герберта, Пауль усыновил их сына Фреда, а в браке у них родилось еще двое сыновей.

Доктор Берлинского университета Пауль Эмильевич Рикерт (Хальперн) жил и работал до самой смерти в Нижнем Тагиле. Это был талантливый химик, изобретатель, минералог, краевед. Собрал уникальную коллекцию минералов. В окрестностях Нижнего Тагила им была открыта стоянка древнего человека эпохи неолита и палеолита. Умер он в 1971 году в возрасте 64 лет. Его имя не забыто гражданами Нижнего Тагила. Интересные письменные воспоминания

о Пауле Рикерте оставил его бывший друг по несчастью, академик РАН Б. В. Раушенбах.

У Доры после лагеря была очень долгая и интересная жизнь. В августе 1948 года ее приняли на работу в суксунскую среднюю школу. Впервые после лагеря она шла на работу не по принуждению. Одетая Дора была в туфли-боты, переделанные из кирзовых сапог, в платье, сшитое из серой шинели.

Суксун предстал перед ней как заводской рабочий поселок с сохранившимися старинными домами, грязными улицами, с деревянными тротуарами, старинными парками, заводским гудком по утрам и вечерам. В центре поселка располагался (в то время небольшой) заводской пруд. Живописное место среди уральских возвышенностей. И странный дом, выстроенный в виде старинного замка на берегу пруда, с острым куполом и флюгером. Это была усадьба бывшего заводовладельца И. Г. Каменского, построенная в стиле «модерн» — единственное здание, которое напоминало Доре о Германии. В нем теперь было педагогическое училище.

Суксунская средняя школа располагалась в относительно новом деревянном двухэтажном помещении, с печами, которые топили дровами. На тот период в районе действовали уже две средние школы: в Суксуне и Ключах. В годы войны школа пополнилась новыми учениками из числа эвакуированных детей и учителями из пришедших с фронта мужчин. Так, в школе работали фронтовики: полный кавалер ордена Славы разведчик И. П. Шерстобитов, танкист Л. А. Злобин, связист П. А. Василевский, авиатехник И. А. Тархов, участник Сталинградской битвы В. И. Чуванёв и многие другие. Классы были многонациональные. Дети шумные, и дисциплина не была идеальной. Многие из приехавших людей пережили в дороге бомбежки, смерть близких. Дора, никогда не работавшая учителем, но воспитанная матерью-учительницей, начала свои первые занятия.

Как рассказывал ее бывший ученик Юрий Васильевич Матвеев, на одном из уроков их известили, что нынче немецкий язык им будет преподавать немка. И пояснили, что она была врагом народа и находилась в лагере. Это известие сыграло не в пользу Доры Николаевны. Ведь у многих отцы погибли на фронте. А тут еще и немка! Встретили ребята Дору враждебно, не зная ее судьбы, уже заочно возненавидев. Началась травля учительницы. Издевались над ней по-всякому: рисовали мелом свастику на стуле, и она отпечатывалась на учительском платье. Кидали в нее спичками, наливали клей под стол, чтобы прилипла

обувь. Писали на доске: «Уезжай, фашистка!». Скандировали хором: «Не хотим изучать немецкий язык, на нем разговаривал Гитлер!». «И великий Гёте», — спокойно отвечала она ребятам и читала им стихи. Ни разу она не позволила себе повысить голос, оскорбить кого-то. Не удалось местным «шалунам» вывести Дору. Она понимала, что за ней следят органы, и малейшая ее провинность или крики в адрес ребят могут стоить ей многого.

Неприятная жизнь началась для Доры в суксунской школе. Дрова выписывали, но только сырые. Крупу — только с самого низа мешка и потому с мусором. Не раз ребята заглядывали в дом к немке через окно и видели, как Дора Николаевна руками выбирает сор из крупы. Жила она на улице Свердлова, бывшей Петропавловской, на квартире в старинном доме, который местные жители называли «старообрядческий». Рядом находилась православная церковь. На этой же улице в первое время жила Элли с мужем Геннадием.

В 1945 году в Суксуне возобновились службы в закрытой ранее православной церкви. Проходя мимо, Дора не раз слышала колокольный звон и видела толпы людей, идущих молиться за воинов, павших в борьбе с фашистами.

Органы были уверены, что «врага народа» затравят в школе. Но произошло обратное: учителя стали жалеть немку. То и дело приносили ей, скрывая под пальто, сухое полено (на лучину для растопки), то, так же тайно, кусок пирога или манника, сладкого торта из манной крупы. Правда, принесенные угощения просили съесть тут же, в учительской. Да и с детьми постепенно налаживался контакт. Тогда, видя хорошее расположение к ней учителей, ее «доброжелатели» решили перевести Дору в другую школу. Так что проработала она в Суксуне не более двух лет. Следующим местом ее работы стало село Ключи, расположенное в восемнадцати километрах от районного центра. Здесь еще в XVIII веке открыли целебные воды, а в 1920-х годах был устроен санаторий. Село стояло на Сибирском тракте и было очень большое: одна улица тянулась на несколько километров. В старину по тракту часто вели на каторгу в Сибирь заключенных. Конвоировали политических, уголовников, невинно осужденных. «Дорога скорби» — так называли ее. По этой дороге передвигалась во время своей ссылки и Дора.

И везде — уральская грязь непролазная, которая так удивляла немку. Приходилось в межсезонье подолгу ходить в сапогах. Дора жила недалеко от школы, в «учительских домах». Нужно было опять

обживаться на новом месте: топить дровами печку, колоть дрова, носить воду с ключа... И, конечно, знакомиться с людьми. Дора была очень любознательна и интересовалась историей. Особенно любила природу, и окрестности Ключей ей очень нравились. Ходила по селу, расспрашивала, интересовалась древностями и достопримечательностями. Люди отмечали, что немка была очень простой. Она и тут вызвала к себе симпатию. Одевалась, как все. Из бушлата, наконец, выбралась, у нее появились валенки — выхлопотали через районо. Потом она справила себе модное платье, которое украшала брошью.

Бывшая ученица Ключевской школы Светлана Ивановна Некрасова (Золина), дочь Героя Советского Союза, командира эскадрильи бомбардировочного полка Ивана Леонтьевича Золина, рассказывала мне:

«Дора Николаевна говорила на русском, но произношение у нее было не очень правильное. Конечно, была требовательна, с нас требовала, чтобы мы правильно говорили, а мы что — ученики есть ученики. Где-нибудь напишем шпаргалочку. А она все равно обнаружит эту шпаргалочку. Ее ведь читаешь, а она сразу догадается. У нее не спишешь и не подкажешь. Она сразу тут — как из-под земли! А если на уроке оглянешься на тетрадь соседки, много ли спишешь? Одну букву прочитаешь, а Дора Николаевна уже у парты, тетрадь забирает и говорит: “Золина, коль!”».

Я спросила у Светланы Ивановны: а как лично она относилась к немке? Ведь ее отец в 1941 году погиб на фронте. Испытывала ли неприязнь? На что она ответила: нет, никакой неприязни не было, даже об этом не думалось. Зато потом, когда ключевские ребята стали поступать в институты и сдавали немецкий язык, преподаватели вузов удивлялись их правильному и чистому произношению. На что ребята с гордостью отвечали: *«Нас учила настоящая немка!»*.

Учителя, зная о прошлом Доры, сторонились ее, близкого знакомства не заводили, но относились к ней хорошо. Через два дома от Дориного жил участник войны Сергей Николаевич Манохин с женой Анной Ефимовной. Они оба были учителя, и Дора часто ходила к ним пить парное молоко. Лагерная голодная жизнь сказалась на здоровье. Супруги Манохины более близко общались с Дорой. В селе говорили, что за ними тоже следят. Но Сергей Николаевич — фронтовик, гангудец, не очень-то боялся. Тем более, что его отец когда-то тоже подвергался репрессиям. Он знал, что это такое. Анна Ефимовна рассказывала: *«Мы с Дорой работали вместе в школе.*

Бывало, заболеешь и находишься дома. Заболел учитель, никто и не поинтересуется. Мол, прохворается — придет. А Дора уж всегда навестит, расспросит про здоровье. Посоветует, что из лекарств пить. Она в лагере работала в аптеке и разбиралась в препаратах. Очень была заботливая».

Допекали Дору всевидящие «чекисты», неусыпно следили, но она не подавала виду. Некоторых просили докладывать «про немку». Дора, зная, что была арестована незаконно, еще из лагеря подавала прошения в разные инстанции о реабилитации. И мечтала уехать домой. Но еще более десяти лет проживет она на Урале, прежде чем вступит на родную землю.

И своим освобождением из долгого уральского «плена» она была обязана Н. С. Хрущеву. Дора уехала в Берлин в 1958 году. В Германии она не забывала уральских людей, ставших ей родными, не забывала и семейство Сильберман-Мочалиных. Писала на Урал письма, высылала посылки. Фамилию Рикерт по приезду Дора поменяла на девичью — Ангрес. Она сразу же, после перерыва в двадцать с лишним лет, восстановилась в университете и окончила его. Начала писать докторскую диссертацию по философии. Ей уже было за шестьдесят, когда появилась ее диссертация об отношении Луначарского к немецкой литературе. Большая работа «Die Beziehungen Lunačarskijs zur deutschen Literatur» была издана в Берлине в 1970 году и посвящена семье Сильберман-Мочалиным. Бывшую лагерную заключенную Дору Рикерт станут теперь называть фрау доктор Ангрес.

Не у каждого нашлись бы силы и здоровье заново начать полноценную новую жизнь. Но Дора впитывала в себя все краски мира, которых была лишена, она ценила жизнь. Вернее, научилась ценить, поскольку жизнь познается в сравнении с болезнью, тюрьмой или смертью. Она путешествовала, знакомилась с новыми друзьями. Проживала Дора в Берлине на Wedekindstrasse, 21.

Сразу же после приезда в Германию немецкие коммунисты отправили ее по курортам восстанавливать подорванное здоровье. Жизнь налаживалась. Не обошло ее и женское счастье. Появился болгарский друг — Цветан. Но семейные отношения не сложились — на склоне жизни страшновато что-то менять. Она любила Цветана до самой его смерти в 1993 году. Когда он заболел раком, она летала самолетом в Пловдив, ухаживала за ним в больнице. А ведь ей уже было 85! В письмах в Россию своим друзьям она пишет об этом: *«...все-равно тяжело на душе, и я вообще готова ездить в любую минуту, когда*

требуется». После смерти Цветана сказала: *«Теперь незачем жить»*. Но прожила еще около десяти лет, насыщенных и интересных. Правда, уже испортились глаза, подводило здоровье, и Доре приходилось часто лежать в клиниках. Она, как любой больной, одинокий и старый человек, мечтала о скорейшей смерти. Часто в ее письмах встречаются жалобы на здоровье и усталость: *«Я согласна хотя завтра умереть, охотно отдала бы свои жизненные годы (если еще какие есть) кому хочет. Мне все надоело до черта...»*.

Дору в Берлине часто спрашивали о Советском Союзе, о ее работе в школе, о советских детях. На что она отвечала: «Советские дети так любят свою Родину! В улицах очень грязно, но они говорят, что наша улица — самая лучшая!». Дора оставалась коммунисткой. И бывала в Советском Союзе в составе разных правительственных делегаций. В 1971 году по приезду она побывала на свежей могиле Н. С. Хрущева и опустилась возле нее на колени в благодарность успешному за реабилитацию и разрешение вернуться на родину. Посещая СССР, Дора приезжала в Кунгур, где жили ее подруга Эмилия Генриховна и Элли Иогановна с семьей. Не все маршруты по стране были разрешены Доре, но она умудрялась приезжать к друзьям в Суксун и Ключи. И всегда Дора всем привозила подарки или высылала посылки.

Один раз учителя суксунской средней школы узнали, что Дора в Кунгуре, наняли машину и привезли ее на встречу с педагогами и бывшими учениками. Какой стыд испытали последние после того, как вспомнили свои выходки по отношению к немке! Просили прощения. А Дора Николаевна давно простила своих жестоких учеников. Она не была злопамятна.

Посещала она и семью Манохиных в Ключах. И уже ходила по местности уверенной и гордой походкой, с короткой стрижкой, в белых брюках, что было очень непривычно и необычно для деревенских жителей. Но на русском говорила она с большим акцентом. Супругам Манохиным в 1971 году подарила свою докторскую диссертацию. Книга напечатана полностью на немецком языке. До сих пор 83-летней Анне Ефимовне хочется «прочитать» ее.

До конца своей жизни она писала друзьям на Урал, а когда уже не могла ездить и писать, посылала других навестить своих близких. В 1983 году умерла ее любимая подруга Эмма. Но переписка продолжалась уже с детьми и внуками Эммы. Некоторые ее ключевые ученики, бывая в ГДР, навещали Дору Николаевну. Она приглашала

всех. Приезжала к ней и Элли Мочалина с детьми. Гостили у нее также свердловские дети бывших ее друзей Лауфер. Незадолго до смерти Дора все свои архивы подарила близким знакомым, зная, что никому потом они не будут нужны.

Мне неизвестно, что чувствовала Дора, когда развалился Советский Союз, рушилась Берлинская стена, когда ее кумиров сбросили с пьедестала. Делу строительства коммунизма посвятили они с Паулем свою жизнь. Может быть, до конца Дора была верна избранному пути? А может, ее жизнь была ею пересмотрена? Бог знает! Важно в этом примере одно: человек остался человеком, пройдя все лишения, испытания, разочарования.

На встрече в суксунской школе кто-то ее спросил: *«Вы, наверное, возненавидели тех, кто был так жесток с Вами? Возненавидели нашу страну?»*. Она ответила: *«Здесь было все: и хорошее, и плохое. Здесь была моя молодость, любовь, счастье. Нельзя ненавидеть никого и ничего. Ненависть разрушает. А я все еще хочу созидать!»*.

Дора умерла в 2002 году, 8 сентября, ей было 94 года. Последний ее друг, Петер Тихауэр, известил близких людей о ее кончине. После смерти ее тело кремировали и прах развеяли над Балтийским морем, как того хотела сама Дора.

Суксун не забыл о своей немке. Ее иногда вспоминают бывшие ученики и преподаватели — ведь с ней свела их война и послевоенные годы. А новое поколение, не испытавшее трагедий войны, репрессий, потери близких, с удивлением и восторгом слушает рассказ об учительнице-иностранке и недоумевает, как можно в таких условиях выжить и продолжать любить жизнь, не утратив к ней интерес.

Чтобы собрать полную информацию о Доре Рикерт, мне пришлось перебрать множество разных документов и материалов, встретиться с теми, кто ее знал и помнил, в том числе и с семьей Мочалиных-Сильберман. И вдруг мне совершенно неожиданно подарили книгу, принадлежащую когда-то Доре Николаевне. Это «Альманах» 1854 года, напечатанный на немецком языке готическим шрифтом. Когда-то Дора в суксунской школе подружилась с учительницей немецкого языка Эсфирью Моисеевной Кортиной, муж которой тоже прошел сталинские лагеря. Дора и Эсфирь хорошо понимали друг друга и разделяли общее горе. Перед своим отъездом в Германию в 1958 году она подарила этот «Альманах» ее сыну Боре. Тот хранил книгу с детства как талисман, как память о тете Доре. И вот теперь Борис Абрамович Кортин подарил ее мне.

ПОТОМОК ДЕКАБРИСТА

В послевоенном 1949 году в суксунской больнице появился молодой доктор, хирург Сергей Михайлович Лунин. Среди всего персонала больницы он сразу выделялся и манерой поведения, и виртуозностью совершаемых операций. Мало кто тогда знал, что Сергей Михайлович — потомок декабриста Михаила Сергеевича Лунина, воспетого еще Пушкиным! Хотя сам доктор происхождения своего не скрывал и близким друзьям рассказывал об этом.

Работая над десятой главой «Евгения Онегина», Пушкин описал заседание будущих декабристов, где упоминается предок Сергея Михайловича.

*...Друг Марса, Вакха и Венеры,
Им резко Лунин предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал сво<и> Нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.*

(VI, 524).

Декабрист Лунин скончался в ссылке. Судьбу своего предка во многом повторил Сергей Михайлович. Ему пришлось пройти суровую школу сталинских лагерей. Старожилы Суксуна помнят этого уникального врача, но, к сожалению, знают о нем мало. А ведь многие побороли недуги и остались жить благодаря его таланту. С. М. Лунин родился в 1916 году в деревне Сенькино Московской области. Учился в Московском медицинском институте. Был старостой хирургического кружка, которым руководил академик Н. Н. Бурденко. Бурденко и его ассистенты, по словам однокурсников Лунина, высоко ценили хирургический талант любознательного студента, брали его вторым ассистентом на самые сложные операции. И вдруг он внезапно исчез. Что же произошло? Будучи уже пятикурсником, Сергей однажды рассказал анекдот про Сталина — и тот час же был арестован. Отбывал ссылку на Колыме. Так случилось, что в одно с ним время находился Варлам Тихонович Шаламов, ныне известный писатель. Встреча их произошла зимой 1941 года в Кадыкчане — шахтерском лагере. Лунин работал там врачом и проживал в избушке, приспособленной под амбулаторию. А прежде пришлось ему и самому

потрудиться в забое, где он «заработал» на всю жизнь тяжелый силикоз. Шаламов пришел к врачу похлопотать о справке, позволившей ему просить перевод в Аркагалу.

Некоторое время Лунин и Шаламов общались, Сергей Михайлович даже сделал писателю операцию на пальце — удалил кисту. Положение лагерного врача было лучше, чем положение ээка Шаламова, и Лунин помогал земляку: снабжал табаком и хлебом и даже спас его от расправы лагерного начальства. Личность Лунина, правнука декабриста, заинтересовала Варлама Тихоновича, они много разговаривали при встречах. Эти страницы их лагерной жизни нашли потом отражение в «Колымских рассказах» писателя. Шаламов сделал Лунина героем многих своих повествований: «Потомок декабриста», «Инженер Киселев», «Шоковая терапия»...

Жизнь в лагере не была сахаром для обоих, и надо сказать, что на Шаламова многолетняя лагерная жизнь наложила особый отпечаток. Он острее, чем другие, чувствовал жесткую несправедливость всего происходящего на Колыме, у него были свои правила поведения в той обстановке, по которым он оценивал других людей. В итоге между Луниным и Шаламовым возник конфликт, поэтому впоследствии в рассказе Шаламова «Потомок декабриста» он отразил одну не лучшую сторону сложного характера доктора Лунина.

Но все же Шаламов «рисует» героя своих повестей как доброго и отзывчивого человека. Сергей Михайлович был хорошим хирургом и к тому же отличался смелостью. Например, когда был ужесточен режим политзаключенных и готовился этап для отправления в спецлагерь из числа обслуживающего персонала больницы, т. е. тоже заключенных (об этом — рассказ «Берлаг»), Лунин ночами в течение недели прооперировал несколько человек, поставив им ложный диагноз «острый аппендицит», и этим спас их от этапа, сохранил жизнь.

Лунин из Кадыкчана добился перевода на Аркагалу, в шахтерский лагерь, и здесь тоже ведал амбулаторией. На угольных шахтах уровень травматизма был высокий, а поскольку врач был один на всех, то при совершаемых операциях ему помогали другие политзаключенные, например химик, будущий главный научный сотрудник Тихоокеанского института биоорганической химии ДВОРАН Олег Борисович Максимов. Химик Максимов в лагере много времени отдавал изучению зон выветривания угольных месторождений Аркагалы. Исследования показали, что массив угольных пластов сложен сильно окислительным материалом, практически обесцененным как энергетическое топливо

и содержащим в горючей массе до 75 процентов регенерированных гуминовых кислот. Максимов в лагерных условиях начал практическое использование гуминовых кислот в лечении многих заболеваний заключенных, т.к. нужных медикаментов в лагере не было, заключенные часто погибали.

Химически гуминовые кислоты наделены выраженными антибактериальными и противогрибковыми свойствами. Доктор Лунин и химик Максимов решили на заключенных испытать действие солей гуминовых кислот как лечебного средства при желудочно-кишечных заболеваниях. Испытав на себе, стали применять на других. Нашлись добровольцы, эксперимент закончился, хотя и не со стопроцентным, но успехом. Лунин добился санкции на такие эксперименты. Примеру аркагалинской больницы вскоре последовали многие. Были вылечены тысячи больных.

Не боялся Лунин и сложных операций. Нередко приехавшие на работу по договору врачи берегли свою репутацию и не брались оперировать тяжелые случаи. Многих таких «потенциальных покойников» Лунин оперировал и вытаскивал с того света, хотя не обходились такие операции и без смертей. Так, в том же рассказе Шаламова «Потомок декабриста» Лунин оперирует двенадцать заключенных с язвой желудка при «плохом фоне», и все двенадцать умирают.

Недоучившийся студент-пятикурсник Лунин в лагере ежедневно занимался практикой на заключенных. Может быть, именно поэтому, получив большой опыт в лагерных больницах, он и стал блестящим хирургом-виртуозом?

В лагере Лунин познакомился с вольнонаемной медсестрой Эдит Абрамовной Саботько. Она влюбилась в него, сошлась с ним и сделала для него невозможное: добилась его досрочного освобождения уже во время войны (а срок у него был «детский»), добилась и того, чтобы он досдал экзамены в московском институте и получил диплом врача.

Тогда одним из самых известных хирургов на Колыме был Яков Соломонович Меерзон. Сергей Лунин стал одним из его пяти талантливых учеников. Поучившись у Меерзона, в 1948 году уже дипломированный Лунин по договору работал в больнице УСВИТлага в поселке Дебин, заведовал хирургическим отделением вместо сменившегося доктора Рубанцева. В этой же больнице он опять встретился с Шаламовым — Варлам Тихонович работал тут же старшим фельдшером. Лунин проработал здесь полтора года и уехал на материк. Поводом послужила жалоба, которую написал на него фельдшер Шаламов,

недовольный тем, что новый заведующий хирургическим отделением позволил устраивать коллективные пьянки при больнице.

Неизвестны многие страницы жизни Лунина. Но факт, что осенью 1949 года он был принят на работу в суксунскую районную больницу хирургом. Жил под наблюдением органов, работал. В декабре этого же года вновь подвергся аресту, но в марте 1950-го дело было прекращено. В Суксуне он проживал в так называемом «больничном доме» по улице Халтурина, 5. Тогда там жили врачи и медсестры. Послевоенное время задержало в эвакуации многих выдающихся и интересных людей, с которыми общался молодой хирург. Были в его окружении и бывшие «враги народа», которые после лагерей также проживали в Суксуне. Среди них — регистратор больницы Лидия Георгиевна Каннинг, жена Павла Каннинга, сподвижника и ассистента К. Э. Циолковского. Она была «старой породы», и многое роднило пожилую дворянку и потомка декабриста. Он проявлял о ней особую заботу. Ведь Лидия Георгиевна, как и Лунин, испытала и ссылку, и десять лет сталинских лагерей: *«Лунин производил впечатление человека общительного, раскованного, но знающего себе цену. Умел привлечь к себе внимание, но близко не подпускал: какая-то дистанция между ним и окружающими все время присутствовала. ореол семейного рока он умело сохранял»*, — вспоминал о нем Юрий Мороз, эвакуированный в ту пору из Витебска в Суксун подростком.

Проработав некоторое время в должности хирурга, Лунин был назначен главным врачом суксунской больницы. Он решает перестроить всю больницу, добивается новых помещений для «скорой» и кабинетов врачей, делает ремонт старинных помещений. При нем в больнице открыт физкабинет. С сотрудниками был доброжелателен, а за молодых специалистов заступался и помогал им. Он — заводила компании и участник любых мероприятий. Лунин в Суксуне дружил с семьей фронтовика Василия Семеновича Спицына, можно сказать, почти жил у них. Мария Несторовна Спицына вспоминала:

«Мой муж, Василий Семенович Спицын, познакомился с Луниным в суксунской больнице. Они почти одноклассники были. Вася с восемнадцатого года. И с тех пор они подружились. Мы жили тогда по улице Кирова, он часто стал к нам захаживать. Не помню, когда это было, но у меня дочь Людка уже росла, а она с 1947 года, значит где-то в 1949-м, может, позже... Вот придет к нам вечером в дом, ляжет на пол, — а у меня были новые половики, — ляжет на половики, заведет патефон, пластинки гоняет. Очень он любил их слушать. Людка

моя говорит ему: «Дядя Сергей, опять все половики сгрудил!», а он ей грозно: «Людка! Молчи! А то пузо распорю». Песни слушал всякие, особенно любил слушать романс Лизы и Полины, вообще романсы любил, Козловского. Слушает и сам подпевает. Приезжала к нему его мама из Москвы. Хорошая женщина. У нее на спине была шишка, нарост такой. А у моего Васи на руке — шесть пальцев. Вот Сергей Михайлович и говорит: «Мама, давай я тебе шишку вырежу и Василию отрежу палец лишний». На что она отвечала: «Сереженька, я не дам тебе шишку вырезать, не надо, с этим мы будем жить».

Сергей Михайлович любил отмечать праздники. Всегда на Пасху нас звал к себе. Он все стряпал сам, очень хорошо готовил. Замесит тесто, испечет кулич с изюмом, пасху из творога сам приготовит, нас позовет. На столе яички разных цветов в вазочке, вино в графинчике. Мясо приготовит. Выпьет рюмочку, и мы тоже. В то время Вася не пил, и Сергей не пил, не напивались никогда. Он все больше красное любил и его покупал. А на Рождество к нам приходил. Новый год мы не отмечали. А старый Новый год всегда тоже вместе собирались, Вася 14-го именинник был — Василий Великий. Лунин ему дарил подарки, как-то рубаху хорошую подарил. К нам без конфет он никогда не приходил, а то шоколадку принесет Людке».

Внешне красивый, Сергей Михайлович всегда был любим женщинами и любил повеселиться по-гусарски. И в Суксуне у него случались мимолетные увлечения. Таким он был и на Колыме. К сожалению, «северный» роман из-за нехорошего поступка Лунина привел к гибели любящей его женщины. В Суксуне он ни с кем из женщин не связал свою жизнь.

С первой женой, Марией Александровной (1915–2002), после его ареста пути разойдутся, впоследствии она станет известным в России ученым-химиком. «Бабушка коллоидной химии» — так ласково называли ее коллеги из МГУ им. М. В. Ломоносова.

По долгу службы Лунин проводил и сложные операции. Имя хирурга знали все в поселке. О нем с благодарностью многие помнят и сейчас.

С Анной Михайловной Максимовой, работницей артели «Медник», произошло несчастье: длинные ее волосы затянуло в ременную передачу станка, с головы буквально сняло скальп — волосы вместе с кожей. Сложную операцию по восстановлению кожи в суксунской больнице провел Сергей Михайлович и вылечил Анну, которая прожила 93 года! О Луине ходили и ходят легенды, говорили,

к примеру, что даже в лесу на пеньке проводил операции! Помнят случаи и о его «нетрадиционных», лагерных, методах лечения.

Из Суксуна Сергей Михайлович уехал в 1952 году. После этого он работал в Московской Боткинской больнице, в отделении срочной хирургии, и в санитарной авиации. В то время некоторые жители Суксуна продолжали обращаться к нему за помощью, и он никогда не отказывал. Когда во время авиакатастрофы пострадал академик Ландау, Лунин был в числе тех, кто «собирал» ученого.

Сергей Михайлович прожил очень мало. Его мучил силикоз, полученный в лагерях. Умер Лунин в 1963 году от легочной недостаточности, не дожив даже до 50 лет.

ЛЕДИ КАННИНГ

Очень часто некая личность начинает для нас представлять интерес только после своей смерти. Чаще мы не интересуемся жизнью окружающих людей, проходим мимо, не замечая их и ни о чем не спрашивая. Тем более совсем не интересуемся приезжими. А какие необычные люди порою живут среди нас!

В начале 1950-х годов в регистратуре Суксунской районной больницы работала пожилая женщина. Она носила фетровую шляпу, переднее поле которой было приколото к тулье длинной булавкой в виде стрелы. Среди жителей нашего провинциального поселка она выглядела необычно, хотя в обращении всегда была очень проста и вежлива. Женщину звали Лидия Георгиевна Каннинг. Принадлежала она к дворянскому роду, но судьба преподнесла ей много горя и неожиданных жизненных поворотов. Революция, смерть любимого мужа, национализация имущества, ссылка на поселение, а позже приговор и десять лет лагерей — все это выпало на долю миниатюрной хрупкой женщины.

В Суксуне она появилась в 1942 году. Одни говорили, что была эвакуирована из Москвы, по другим сведениям, ее пригласили сюда на жительство супруги-учителя Пантелеевы, Владимир Сергеевич и Людмила Михайловна. В поселке у нее не было постоянного жилья, скиталась по квартирам. Но выжить в годы войны в Суксуне было легче, чем в столичных городах. В поселке многие еще помнят эту женщину, ведь ей довелось тут прожить около двадцати лет. Однако место ее рождения было совсем другим.

Мало кто знал в ту пору подробности жизни этой приезжей и явно городской женщины. А узнали о ней массу интересного

лишь в 1957 году, когда в СССР запустили в космос первый искусственный спутник земли, и фамилия Каннинг стала очень известной. Так кто же эта загадочная личность, с русским именем Лидия и с английской фамилией, с чем и кем были связаны ее жизнь и судьба в Суксуне?

Юность и молодость Лидии Георгиевны Ивановой начинались безоблачно. Родилась она в 1883 году на Кавказе, в селении Темир-Хан-Шура (ныне город Буйнакск). Получила хорошее воспитание и образование. Родители владели богатым имением, виноградниками. Потом семья Ивановых переехала из Дагестана в Калугу. В 1906 году Лидия вышла по любви замуж за Павла Павловича Каннинга, сына богатого англичанина.

Павел Каннинг был человек состоятельный, имел фармацевтическое образование, держал свою аптеку. В это же время в Калуге проживал Константин Эдуардович Циолковский. Павел Каннинг познакомился с ученым, будучи гимназистом, в начале 1890-х годов. Это было время начала воздухоплавания, дерзких проектов покорения неба, время первых научных работ Циолковского. Каннинг увлекся идеей цельнометаллического дирижабля переменного объема системы Циолковского. Он не расставался с ученым до конца своей жизни. Павел был моложе Циолковского на двадцать лет, но это не мешало им дружить и общаться. Каннинг стал правой рукой Циолковского, упорно продвигал дело воздухоплавания, верил в ученого, даже материально помогал ему, причем совершенно бескорыстно. Лидия Георгиевна была солидарна с мужем и так же глубоко верила в идею Циолковского. Вместе с мужем они делали все, что в их силах, для поддержки великого ученого. Циолковский был человеком щепетильным, но от Каннингов принимал материальную помощь, твердо зная, что его друзья делают это от души.

О том, как и в чем Каннинги помогали Циолковскому, говорит ряд фактов: в 1912 году Каннинг ездил в Берлин за материалом для моделей дирижабля и машиной для резки листов металла, в 1914-м — сопровождал Циолковского в Петербург на Третий воздухо-плавательный съезд, там Каннинг читал доклад ученого о его дирижабле. В 1916 году Павел побывал в Киеве с лекциями о работах Константина Эдуардовича по воздухоплаванию. В этих поездках с ним были Лидия Георгиевна и ее сестра, Валентина Георгиевна. Валентина вела зарубежную переписку ученого, поскольку иностранных языков Циолковский не знал. Павел Павлович очень увлекался идеями

Константина Эдуардовича в области воздухоплавания. В газете «Голос Калуги» в 1916 году он опубликовал статью «Воздушный океан и воздушный корабль К. Э. Циолковского», в которой пытался убедить общественность в необходимости реализации идеи постройки дирижабля: *«В ее осуществлении я вижу единственный выход из того экономического тупика, в который мы въехали с этой ужасной войной. Воздухоплавание призвано излечить все наши экономические раны и вывести на путь благоденствия в будущую эпоху мира».*

В Калуге Циолковский был частым гостем в доме Каннингов, отдыхал здесь, слушал игру на рояле, гитаре и других инструментах, которыми владел его друг Павел Павлович, и пение Валентины — этой умной и обаятельной женщине Циолковский очень симпатизировал. Юмор, розыгрыши, которые устраивались в доме Каннингов, всегда помогали снять усталость и поднять настроение гостям. В декабре 1919 года Павел Павлович Каннинг неожиданно скончался. Он заразился сыпным тифом, когда работал в эвакуационном госпитале. Ранняя смерть молодого друга глубоко потрясла Циолковского. Лидия Георгиевна осталась одна. Единственной ее радостью стала сестра Валентина, к которой она была очень привязана. Там, в Калуге, в 1929 году Лидию Георгиевну арестовали и осудили на три года ссылки — якобы за укрытие медикаментов и спекуляцию золотом. Это был страшный удар для одинокой женщины. Дворянка, аристократка отправилась в ссылку в Усть-Кулом Коми республики. Что она пережила за эти три кошмарных года, Лидия Георгиевна частично рассказывала в письмах к своему другу К. Э. Циолковскому. Из сохранившихся писем явствует, что первоначально ее по ошибке заслали не в Усть-Кулом, а с этапом в Новосибирск, где она провела семь месяцев в тюрьме «с самыми ужасными женщинами и потерянными девушками», как писала сама Лидия Георгиевна. Удивительно то, что она сумела выжить в этой ужасной обстановке, и ее даже ни разу не обворовали! Более того, эти «ужасные женщины» вскоре очень зауважали Лидию Георгиевну за то, что не противопоставляла себя им, напротив, писала от их имени письма и жалобы в ГПУ и Центр, устраивала лекции по гигиене, читала вслух Чехова и газеты, учила грамоте. Позже ее доставили в Усть-Кулом, где началась суровая жизнь в суровых уральских условиях. Циолковский чудом узнал о ее несчастье и сразу начал писать ей письма поддержки, ведь после ареста Лидии Георгиевны бывшие друзья Каннингов просто разбежались, оставив ее и сестру Валентину в беде: *«Ах, Константин Эдуардович!*

До чего все дико со мной происходило! И совсем я не виновата в том, в чем меня осудили. Тяжело то, что я всю жизнь привыкла помогать обездоленным материально и морально, теперь потеряла эту возможность. И хуже всего то, что я сама стала бременем и нуждаюсь в посторонней помощи», — писала Лидия Георгиевна Циолковскому из Усть-Кулома.

Здесь она работала в Народном доме помощником режиссера, получала мизерную зарплату, жила и выживала только посылками и денежными средствами, которые получала от Валентины. Здесь, на севере, уже в пятидесятилетнюю женщину пылко влюбился кавказец 39 лет от роду. Он предложил ей руку и сердце, но Каннинг отказалась, признавшись, что все еще любит своего Мусю — так она называла покойного мужа. И она не променяла память о муже на все блага, которые ей предлагал кавказец. В ссылке она жила одними молитвами и надеждой на воссоединение со своей сестрой Валентиной. После ссылки ее направили в Архангельск, где она работала в должности инструктора-организатора в Доме санитарного просвещения. Здесь с ней наконец-то соединилась Валентина, но вскоре, к большому горю, заболела и умерла. Лидия Георгиевна осталась совсем одна.

В августе 1937 года она переехала в Орел, где 18 декабря была вновь арестована Управлением НКВД и приговорена к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Сталинские репрессии искалечили и ее жизнь. А ведь когда-то Лидия Георгиевна получала образование в гимназии по соседству с семинарией, где учился несостоявшийся семинарист Сосо Джугашвили!

Отбывала она свой новый срок под Угличем в Ярославской области, работала в лазарете, но в ноябре 1942 года была освобождена досрочно. Самое удивительное, что ее освободили в самый разгар Великой Отечественной войны. В своих воспоминаниях она пишет: «...в 1942 году в ноябре, 4-го числа, как помню, вызвали в контору к начальнику Угличского лагеря, где и объявили, что мое дело было разобрано, и выяснилось, что я была взята по ошибке. И меня освобождают. “Завтра Вы должны покинуть лагерь — получите расчет. Поздравляю, Вам дали Москву, которую никому пока еще не давали”. Я не верила. Я уже привыкла к своей ужасной жизни, вдали от всего близкого».

Не веря тому, что она получила свободу, она едет в Москву. Но бомбардировки столицы не прекращались, и продолжалась эвакуация детей и стариков на восток.

В Суксуне Лидия Георгиевна, по ее словам, появилась 28 декабря 1942 года. После стольких лет страданий и злоключений суксунские трудности были не самыми страшными, какие довелось пережить. Здесь не обошлось и без новых друзей, которые поддерживали пожилую женщину, не утратившую оптимизма и веры в людей. Три года она прожила на улице Халтурина, 5, где в тот период жили врачи суксунской районной больницы, в том числе и главный врач Тамара Васильевна Белых, приехавшая сюда по распределению с мужем в 1940 году. Этот двухэтажный красивый дом с резными капителями и наличниками до революции принадлежал ростовщику Краснову, который ссужал деньги под проценты. Под крышей этого дома дружно уживались врачи, медсестры, рабочие и другие эвакуированные.

Лидия Георгиевна по договоренности перешла в квартиру Тамары Васильевны весной 1943 года и жила вместе с ними, воспитывая Тамариного маленького сына Колю. Ей нужен был кров, а Тамаре Белых — человек, которому она могла доверить сына. Так шестидесятилетняя женщина стала няней, и эту обязанность она добросовестно выполняла, ничего не требуя взамен. После отъезда Т. В. Белых в Кунгур Лидия Георгиевна нашла работу в регистратуре суксунской больницы.

Тамара Васильевна вспоминала так: «Л. Г. я встретила по рекомендации Л. М. Пантелеевой. Мне был нужен человек, так как мне нужно было с кем-то оставлять моего сына-дошкольника. Л. Г. нужен был кров, а мне — человек. Она жила в моей семье не менее трех лет. Помню, что пришла весной 1943 года. Жили мы на улице Халтурина, дом называли «больничным». Отношения Л. Г. к моему сыну были нормальными. Я ценила ее за честность, добросовестность, преданность. У Л. Г. было немало знакомых. Знаю, что они с Колей (моим сыном) часто ходили в гости. Много гуляли в парке, в сосновом лесу. Физическую работу: топку печей, стирку, готовку еды, уборку квартиры Л. Г. не выполняла. Я была рада, что она занималась с сыном и ничего не требовала...».

Судьба, наконец, улыбнулась измученной невзгодами женщине. В конце 1950-х годов она вернулась в Калугу. Благодаря содействию лиц, знавших К. Э. Циолковского, и в благодарность за помощь, которую Каннинги оказывали когда-то ученому в издании и популяризации его трудов, в 1950 году Л. Г. Каннинг получила статус персонального пенсионера местного значения, а в начале 1960-х — свое жилье, куда и переехала. Лидия Георгиевна сотрудничала с Домом-музеем Циолковского, была членом Ученого Совета музея, поддерживала связь

с людьми, которые знали великого мечтателя и изобретателя. Но недолго ей было суждено прожить в Калуге: в 1963 году она умерла. При жизни Лидия Георгиевна оставила много воспоминаний, записанных биографом Циолковского С. И. Самойловичем, сегодня эти документы хранятся в фонде Государственного музея истории космонавтики в Калуге. Светлый образ пожилой дворянки надолго остался в памяти суксунцев. Хочется закончить этот рассказ словами врача Тамары Васильевны Белых: *«Это была миниатюрная стареющая женщина, со следами резко сохранившейся былой красоты, подвижная, многословная, находчивая. Речь хорошо поставлена, правильная, громкая, голос с приятной хрипотцой, с повелительной интонацией... Отлично воспитана, вежлива. Я смотрела на нее и думала: леди Гамильтон (по фильму)! Но это была леди Каннинг — русского происхождения!».*

ЗА КЛАДБИЩЕНСКОЙ ОГРАДОЙ

«Род проходит и род приходит, а земля пребывает во веки...» Все, что остается на этой земле от ушедшего в мир иной человека — память. А что обещают человеку над гробом его? Память вечную. Каждый получает по делам его и в мире этом, и в мире ином. Наши предки в загробном мире молятся за нас, а мы за них — здесь, на земле. Они смотрят из мира иного на наши дела, хотя редко кто ощущает связь с ними. А связь действительно есть. Только надо прислушаться.

На суксунском кладбище покоятся многие поколения живших до нас людей. Но задумываемся ли мы о том, сколько между них известных и выдающихся людей и кто они? Лишь в определенные дни поминовения, проходя мимо незнакомых могил, люди зачитывают имена и фамилии, ни о чем им порою не говорящие и сохранившиеся лишь в надписях на памятниках. И где души всех тех, кого я вспомнила в своем повествовании? А по кладбищу можно провести настоящую экскурсию. Ведь это местный некрополь.

Кладбище еще можно назвать роддомом для души. Каждая душа, пройдя по мытарствам сорок дней, уже на кладбище рождается для жизни вечной. А кому куда идти — то определит Бог. Каждый получает по делам своим. А память в этом мире о каждом бывает разной. Кого-то помнят долго, а кого-то забывают вскоре и навсегда. Порою незаслуженно многие фамилии и имена забыты людьми. Но только не Богом: «В память вечную будет праведник» (Пс. 111:6). И неизвестно: кто и когда воскресит их имена для потомков?

Именно музейщики призваны возвращать из небытия забытые имена и рассказывать о жизни их обладателей другим людям — как о поучительных примерах. Один мудрец сказал: *«О человеке надо знать три главные вещи — как родился, как женился и как отправился к праотцам».* Есть прекрасное свойство человеческой души — помнить о корнях своих. Наши славные предки не должны быть забыты. И пусть память сердца будет сильнее памяти рассудка.

На кладбищенских плитах встречаешь много старинных известных суксунских фамилий: Тепелины, Беляевских, Максимовы, Утемовы, Нагибины, Швецовы, Блохины, Панфиловы... А если почитать старые письма, то узнаешь, что это захоронения 1860-х, 1880-х, 1900-х годов. Это кладбище — уже второе в Суксуне. Здесь первые надгробия, согласно старинным планам и картам, появились в 1850-х годах. Но кто вспомнит об умерших сто лет тому назад? От дождей смыываются надписи, разрушается камень, зарастает сизым мхом. У всех разные судьбы, значимость, почет, достаток, звание, а земля уравнила всех.

Мраморное надгробие колокольного мастера-литейщика Ерофеева Михаила Федоровича, умершего в 1909 году, находится почти в центре кладбища. Это он в XIX веке отливал в Суксуне церковные колокола. Прожил мастер всего 58 лет. Может быть, именно тяжелые условия труда сказались на здоровье?

Почти рядом с надгробием Ерофеева — каменный памятник с эпитафией, высеченной на всех его четырех сторонах. Здесь покоится прах никому неизвестной девушки Блохиной Марии, ушедшей из жизни 17 мая 1910 года. Надписи на гранях повествуют:

*«Вы проститесь с кроткой любовью,
Вы не судьи. Судья у нас — Тот,
Кто Своею Божественной кровью
Искупил человеческий род.
Надоела ей жизнь безотрадная,
И тоска надрывала ей грудь,
А жестокость людей беспощадная
Сократила твой жизненный путь.
Вот еще одна жертва несчастная,
Утомяся житейской борьбой,
Еще юная, нежно-прекрасная,
Так покончила рано с собой!».*

Православная церковь самоубийство считает самым тяжким грехом. В старину самоубийц не отпевали (да и сейчас не отпевают) и позволяли хоронить лишь за кладбищенской оградой, а то и вовсе вдали от погоста. Однако Мария Блохина, в девичестве Мочалина, окончившая свои земные дни в возрасте 24 лет, была отпета (это подтверждает запись в Церковной Метрической книге) и захоронена на самом кладбище, как и остальные усопшие. Почему?

Наверное, священник, совершавший обряд, знал о ней что-то такое, что позволило ему, не нарушая канонов, отпеть несчастную. Возможно, она помешалась от горя и совершила самоубийство в невменяемом состоянии. Или успела покаяться, прежде чем умереть. Старожилы рассказывали, что эту девушку насильно выдали замуж, и она отравилась с горя.

Недалеко от каменной кладбищенской дорожки-тротуара, с правой стороны, нашла место упокоения бывшая послушница Бахаревского монастыря Боровых Екатерина Ивановна (1894–1979). После революции в 1920-х годах монастырь закрыли, монахини были вынуждены покинуть любимую обитель, уйти в мир и устроиться на разные работы. Во время своей монастырской жизни Екатерина не приняла монашеского пострига, считая себя недостойной. Она так и осталась на всю жизнь послушницей. Послушница Катя первое время жила в миру, работала в пермской больнице санитаркой, а когда в войну стали открываться церкви, она ушла снова служить Богу, поскольку знала церковную службу и хорошо пела. В Суксун, на постоянное жительство, в 1950-х годах ее привез священник о. Иоанн Зыков. Много лет она была регентом и псаломщицей в Суксунской Петропавловской церкви. Сохранился альбом духовных стихов, куда монашки писали друг другу стихи и пожелания. С грустью читаю выведенные Катиной рукой строки:

*«Может быть, от вас далеко
Я помру в чужой стране.
Где зароят труп глубоко
И забудут обо мне...».*

Катя родилась в деревне Хмелевке Кунгурского уезда, а умерла в Суксуне. Родственников у нее не осталось. Могила послушницы уже редко кто навещает.

У самого входа на кладбище, на правой стороне, есть могилка некой Кургановой Устины Ивановны. Родственников у нее в Суксуне

нет, и сама она не местная, но судьба привела ее в Суксун, где она провела последние годы своей жизни. Родилась она в 1905 году в деревне Черемиске Уинского района. С детства она была примерной прихожанкой церкви, отсекала от себя все мирское, даже красивые вещи старалась не носить, чем вызывала удивление у всех окружающих. В 1937 году ее арестовали, и десять лет она провела в сталинских лагерях, работала на лесоповале. А посадили ее за веру Христову, за то, что не отказалась от Бога. Бараки, голод и холода сделали из нее полностью больного человека, но не сломали волю этой мужественной женщины.

С правой стороны от дорожки, ведущей вверх, — могила Владимира Сергеевича Пантелеева, учителя немецкого языка Суксунского педагогического училища. Его помнят уже немногие, ведь он начинал работать при училище еще в 1930-е годы, тогда оно именовалось педагогическим техникумом. Удивительный был человек, Педагог с большой буквы! На память потомкам сохранился громадный альбом с фотокарточками и документами, письмами бывших учеников к учителю. По ним можно отчасти проследить жизнь Владимира Сергеевича.

Родился Пантелеев в 1877 году. Окончил Петербургский лесной институт. Первая его должность на лесной службе — таксатор. Раньше в лесах рабочие рубили просеки один на один или два на два километра, «нарезали» лес на квадратики-кварталы, и в каждом таксаторы определяли сортность и качество леса, высоту, толщину, плотность деревьев и их породы на квадратных метрах в каждом квартале. Они же рисовали карты сортов леса, определяли лесные запасы и качество в определенном лесном массиве.

После окончания института Владимир Сергеевич работал в разных лесных хозяйствах России: на севере Пермской губернии, в Тверской и Уфимской губерниях. Он был женат, но первая его жена, Анна Павловна Рахманова, рано умерла. При многих лесничествах до революции были открыты школы, в которых готовили лесных кондукторов, лесничих и помощников лесничих. С них-то еще до революции и началась педагогическая деятельность Владимира Пантелеева. В 1888 году в России было утверждено положение о двухгодичных лесных школах. Согласно этому положению в разных районах страны при лесничествах открывались лесные школы, которых в 1913 году стало уже 43. В 1888 году при Мензелинском лесничестве была создана Биклянская лесная школа (учебное заведение, отнесенное к разряду

сельскохозяйственных заведений), которая в 1921 году переехала в село Лубяны. Именно на базе этой школы был создан Лубянский лесотехникум. В этой школе и в этом лесотехникуме довелось работать Владимиру Сергеевичу. Затем он работал в Архангельском лесном институте ассистентом геодезии, а потом вел лесные дисциплины в Архангельском лесном техникуме, преподавал математику, немецкий язык. В 1930-х годах он зачислен в Суксунский педагогический техникум преподавателем физики и математики, а когда техникум переименовали в училище, то стал преподавать немецкий язык, поскольку знал его отлично. В то время учитель Пантелеев уже имел большой педагогический стаж работы. Тридцатилетие его педагогической деятельности совпало с пятым выпуском (1938/39) Суксунского педагогического училища.

Затем он работал в суксунской средней школе и в вечерней школе молодежи в должности преподавателя немецкого языка. Его вторая жена, Людмила Михайловна, тоже была учительницей, преподавала русский и литературу. В семье Пантелеевых выросло двое детей. Жили супруги на улице Кирова. Владимир Сергеевич был подлинным русским интеллигентом, прекрасным человеком, которого очень любили ученики. Он помогал им не только в изучении предметов, но, бывало, поддерживал и материально, будучи при этом небогатым и очень больным человеком — сгорбленным инвалидом. Эта болезнь была вызвана клещевым энцефалитом, который он получил, работая в лесах. Ученики выделяли Владимира Сергеевича из всех остальных педагогов, видя в нем «...в высшей степени добродушного человека». Так в своих письмах обращалась к нему одна из его учениц. В одном письме его бывшая ученица, Александра Федорова, написала: *«...я счастлива, что встретила в жизни такого человека как Вы, бесконечно благодарна за Вашу помощь, материальную и духовную поддержку»*.

В годы войны в помощи нуждались эвакуированные учащиеся. И для всех у него находились слова поддержки и утешения. Со многими он занимался дополнительно, помогал вникнуть в непонятный предмет. Благодаря этому бывшие учащиеся закончили педучилище и поступили в высшие заведения. Они называли его «наш учитель и наш друг», писали письма, не забывали его даже после отъезда из Суксуна. И Владимир Сергеевич никогда не забывал своих учеников. С некоторыми письменная связь длилась десятилетиями.

В 1954 году Владимир Сергеевич скончался. На его могиле поставлен православный крест, т.к. супруги Пантелеевы были людьми

верующими. Людмила Михайловна пережила мужа, но умерла она не в Суксуне, дети увезли ее в другой город. А могилка Владимира Сергеевича осталась вовсе одинокой. Редко кто к ней заглядывает, если только по пути.

В июне 1982 года мирно отошел ко Господу местный блаженный, известный суксунцам под именем Алеша Караминский. Помню, как он, одетый в черный балахон и широкую шляпу, расхаживает по суксунским улицам. Местные ребятишки дразнили его, пугая то мышью, то повесткой в армию. Смутно помню крики ребят: «Алеша, Алеша, сзади-то мышь!». И бедный блаженный начинал нервничать, кусая себя за руки. Свой век он дожил на Белой горе Кунгурского района, в больнице для психобольных. Крест на его могиле кем-то выкрашен, видно, что бывают здесь посетители. Что с ним случилось в жизни, откуда Алеша прибыл в Суксун — уже вряд ли нам кто-то расскажет.

Девятого мая 1970 года скончалась Саша Усова, или Александра Ивановна, по мужу Панфилова. А ведь она была известна во всем Суксуне и за его пределами! К ней шли, как на прием к врачу. Она умела вправлять вывихи, растяжения, лечила сотрясение мозга, другие травмы головы. Никто ее этому в институтах не учил. Это умение видеть и чувствовать перешло к ней от матери. Однажды мать Александры Ивановны сказала дочери: «У тебя уже своя семья, давай, учиь сама лечить!». А помогала Шура многим не хуже врача! Лишь с переломами отправляла в больницу. Иногда ее таланту удивлялись и спрашивали: «Как же Вы, бабушка, анатомию не знаете, а людей лечите, суставы вправляете?». На что строгая с виду Саша говорила: «А я что, холодец не варю?». Но тут нужен особый талант. И не каждому это можно передать. В семье Александры Ивановны родилось одиннадцать детей, всех она вырастила, и при этом ее дети никогда ничем не болели! Сама мать дважды переболела тифом, однако никто из детей от нее не заразился. В голодные 1920-е и 1930-е годы ее семья жила очень бедно, питались плохо. У детей была лишь заветная мечта — досыта поесть хлеба, попить молока!

Дочка Александры Ивановны, тоже Александра Ивановна, по мужу Катырева, унаследовала редкий дар от матери. На сегодняшний день 83-летняя тетя Шура Катырева многим помогала и помогает. Ей «передалось», а вот другим передать свой талант она не может — некому. Я бывала у тети Шуры, т.к. в нашей районной больнице к хирургу либо не пробиться, либо его вовсе нет! Остается идти

к... бабушкам. И тетя Шура мне как-то вправила вывихнутый сустав! За что ей большое спасибо.

Здесь, на кладбище, можно встретить могилы усопших, с которыми связаны удивительные истории. Одна из таких могил находится в логу, за железной оградкой. Здесь в 1971 году был похоронен участник Великой Отечественной войны, генерал-майор Иван Агапович Тепляков. Позже, рядом, нашла свой последний приют его жена, подполковник медицинской службы Теплякова Анна Васильевна. Почему же мы ничего о них не знаем? А потому, что ушло время, и многие имена, особенно ветеранов войны, стали забываться. И получилось так, что кроме самого факта захоронения, информации об усопших нет никакой. Тем более, сам Иван Агапович родом не из Суксуна. Но на то и музей, чтобы не только хранить, но и находить исторические документы.

В результате собственного расследования мне удалось найти и дальних родственников ветеранов, и информацию — она поступила из республиканского военкомата Удмуртии, где хранится личное дело генерал-майора И. А. Теплякова. Супруги Тепляковы вместе прошли всю Великую Отечественную войну. А начинали еще с Гражданской! Иван Агапович Тепляков родился в 1901 году в деревне Арзамасцево (ныне в Каракулинском районе Удмуртии). Анна Васильевна Утемова (Теплякова) родилась в Суксуне в 1898 году. К сожалению, мне пока не известно, где и каким образом Иван и Анна повстречались, но знакомы они были еще до Великой Отечественной войны. С декабря 1919 по 1958 год Иван Агапович служил в армии. Первую боевую награду, орден Красной Звезды, он получил в 1936 году за отличные результаты полковой школы 217-го стрелкового полка 73-й стрелковой дивизии.

Иван Агапович воевал на фронтах Великой Отечественной, участвовал в войне против Японии. 22 ноября 1944 года был назначен командиром 390-й стрелковой дивизии (второго формирования) Армии Дальневосточного фронта. В период военных действий против японских захватчиков, выполняя приказ командования, дважды успешно провел переброску дивизии с одного участка фронта на другой. Дивизия под командованием полковника Теплякова отличалась при выполнении боевых задач по штурму сильно укрепленных узлов сопротивления противника. В 1945 году за боевые операции против японских милитаристов он был награжден орденом Отечественной войны I степени. А еще за отличную службу в рядах Советской Армии

награжден орденом Ленина и двумя боевыми орденами Красного Знамени.

Очередное звание — генерал-майора — Теплякову присвоено в 1949 году. Его жена и боевая подруга Анна Васильевна работала на фронте в госпиталях и впоследствии дослужилась до звания подполковника медицинской службы. Была награждена орденом Красной Звезды и медалями. Последнее место ее работы — ижевская больница.

Там, в Ижевске, супруги проживали после войны. Им дали отдельную квартиру. Но, к сожалению, детей в семье не было. Ближайшие родственники Тепляковых — их братья и сестры, а также племянники. Анна Васильевна с мужем приезжала в Суксун, на свою родину. Тепляковы жили здесь как на даче. Многие старожилы еще их помнят. Рассказывают, что супруги купались в суксунском пруду до самых заморозков. Дом, в котором они жили, на ул. Ольховке, сохранился до сих пор. В Ижевске тоже помнят генерал-майора Теплякова. С 1954 по 1958 год он занимал должность военного комиссара Удмуртской АССР. Был уволен в запас по выслуге лет. Умер Иван Агапович 23 февраля 1971 года. После его смерти жена привезла тело в Суксун и похоронила на местном кладбище. Сама она ненадолго пережила мужа — ее могила появилась рядом в 1974 году. На надгробие Теплякова есть надпись: «Дорогому мужу, другу, товарищу по совместному участию в Отечественной войне».

А на памятнике Анны Васильевны написаны стихи, видимо, сочиненные ее друзьями: «Долго, много разъезжала по стране родной, а теперь среди родных возвратилась домой». И здесь, действительно, все уже дома, а мы еще... в гостях.

По родительским дням собирает кладбище суксунцев, которые несут сюда «милостинки», цветы, обихаживают могилы и кресты. В Суксун приезжают чьи-то дети и внуки, давно покинувшие свои края, — к сожалению, родственники обычно собираются вместе по случаю похорон да поминок. Деловой и скоростной век отнимает у людей главное — общение. Разъезжаются суксунцы по разным городам, заводят семьи вдали от малой родины. «Переезжают» коренные суксунские фамилии в другие места, а некоторые фамилии и вовсе исчезают! Но малая Родина тянет, и, как правило, это чувство проявляется к пенсионному возрасту, когда все дела вроде бы завершены, хочется покоя и воспоминаний. И как хорошо, как радостно на душе от возвращения и соприкосновения с суксунской стариной,

от воспоминаний об ушедших радостных годах детства и юности в родном заводском поселке!

Можно бесконечно проводить «экскурсии» по кладбищу, подходя к той или иной могиле. У каждой своя грустная история. Если бы все эти почившие люди когда-то оставили потомкам свои письменные воспоминания, то была бы уникальная летопись Суксуна, своеобразная история судеб людей! Какие подвижники, оказывается, какие герои покоятся на нашем кладбище! И в то же время... непримиримые с Богом грешники. Те, кто разрушали храмы, шли против Бога, умерли без покаяния и отпевания. Богатые и бедные, счастливые и несчастные. Все здесь собрались! Смерть уравнила всех.

ГЛАВА IV (заключительная)

БЕЛЫЙ ХРАМ НАД РЕКОЮ

Как бы ни шумело житейское море своими волнами, от бурь и невзгод всегда человека спасала вера в Бога и дорога в храм. А стоял храм в Суксун-заводе в самом центре, возвышаясь над садом и прудом. Здесь крестили, венчали и отпевали, провожая в иной мир, заводских людей. Храм играл главную роль в жизни православного человека. Вера у наших прапрадедов была крепкая, казалось, ничто и никто ее не сможет сломать или поколебать. Но в роковом 1918 году пришли гонители Христовы, и завертелась круговерть по всей России. Разрушили храмы, разрушили души, дав взамен лживые идеалы и лживую религию.

Как памятник всеобщему разрушению, беспамятству и святотатству, стоит в центре Суксуна тот самый изуродованный до неузнаваемости, измученный реконструкциями Вознесенский храм. Работы по созданию нового Дома культуры растянулись аж на 20 с лишним лет! Кажется, что храм изо всех сил сопротивлялся и сопротивляется безумным переделкам. И хоть он исковеркан, осквернен, но ждет своего возрождения из руин, в которые его превратили. Пусть все это свершится по безмолвному согласию народа, по его молчаливому одобрению, по глупости, по незнанию, но вина за это лежит на всех и каждом из нас. Кажется, уже осознали? Но только скоро ли начнется отрезвление и возрождение?

В старину православная жизнь в Суксуне начиналась с чистого колокольного звона, зовущего на богослужения. Колокольный звон расплывался над Суксуном, звенел и гудел! Представьте себе удар в колокол весом в 300 пудов! Тот мощный гул разносился не только по окрестностям, но и за его пределами, он освящал и облагораживал все вокруг. Старики говорили, что голос колокола был слышен даже в Красноуфимске и Кунгуре! По его звону народ по воскресным дням

и в вечернее время стекался в церковь на праздники и службы. Главный Вознесенский храм был потрясающе большим, вместительным и красивым. Он привлекал своей архитектурой и внутренним убранством. Главной его гордостью являлись высокая колокольня и звонница, где были устроены колокола, вес которых достигал до 100 и переходил за 200 пудов. Отливали их суксунские мастера — Трофимовы, Ерофеевы, Калинины. Для звонкости колоколов мастера использовали свои секреты: прибавляли к колокольной меди цинк, сурьму либо серебро.

Не трудно себе представить, скажем, праздник Святой Пасхи Христовой в Суксуне. Это был всем праздникам Праздник и торжество из Торжеств! Ни один современный День поселка не сравнится с празднованием Пасхи в старом Суксуне! Веселый колокольный трезвон начинался со светлой седмицы и продолжался всю неделю. В эти дни колокола трезвонили как никогда, выражая особую торжественную радость. Самый первый звон на Пасху начинался в Верх-Суксуне, потом в Суксуне, а после остальные церкви начинали «звон отдавать». По традиции на Пасхальной неделе в колокола разрешалось звонить всем, кто пожелает. Да и суксунские звонари мастерски веселили народ, играя на колоколах «Барыню» и «Камаринскую». На Пасхальной неделе это не запрещалось.

Колокола были музыкой для души и сердца. Звон отрывал все мысли и помыслы заводчан от земных забот и уносил в небесную высь, наполнял душу радостью и надеждой. Жаль, что местные виртуозы-звонари, в отличие от колоколотейных мастеров, к сожалению, остались неизвестными.

Старики рассказывали, что, бывало, колоколами даже лечили от разных болезней, в частности, от заикания. Ставили человека на колокольню и внезапно ударяли в колокол. Да, трудно поверить, что первая церковь в Суксуне появилась, согласно клировым записям, в 1798 году, но она была кладбищенская, т. е. там служба не совершалась. Первые заводские жители, вероятно, ходили молиться в Верх-Суксун, где в то время была церковь.

История главного храма, освященного во имя Вознесения Господня, насчитывает 163 года. Хотя само здание заложено в 1796 году, его строительство завершилось только к 1850 году. При закладке храм был назван так: Христорождественская единоверческая церковь. Она была заложена по благословию преосвященного Лаврентия епископа Вятского, «...тщанием гг. заводосодержателей Демидовых»

в центре поселка рядом с заводской конторой. В церкви первоначально было два престола: Григория Богослова — справа и великомученицы Екатерины — слева. Приход состоял из жителей Суксуна и деревни Юркан. В приходе значилось 3372 человека. Первым ее священником был отец Иоанн Филиппович Сапожников.

На Урале в те времена проживало много старообрядцев, бежавших от гонений официальной церкви. В Суксуне и окрестностях проживали старообрядцы «беспоповцы», которые молились по своим книгам. Чтобы примирить официальную церковь со старообрядцами, в XVIII веке, в царствование Екатерины II, был разработан проект воссоединения умеренных старообрядцев с никонианской церковью. Приверженцев такого компромиссного течения называли единоверцами. Староверам позволялось создавать особые приходы, священники которых служили по дониконовым книгам, но были подчинены епархиальному начальству.

Реформа Екатерины II была опробована в западных и южных губерниях и распространилась на всю страну. Одним из первых центров единоверия стали наши Суксунский и Тисовский приходы.

В 1850 году каменная Христорождественская церковь была переименована в Вознесенскую по благословию архиепископа Пермского и Соликамского Аркадия. После окончания ее строительства при ней были освящены уже три престола! Главный алтарь был освящен в честь Вознесения Господня. Два других посвящались Рождеству Христову и великомученице Екатерине.

В то время в Суксун-заводе проживало: мужчин — 1701 человек, женщин — 2062. При Вознесенской церкви служили священники Андрей Попов, Иосиф Оглобин, Николай Попов, дьяконы Василий Серебренников и Капитон Машанов.

В обязанности церкви до революции входило ведение Метрических книг, где оставались записи о рождении, бракосочетании и смерти. Регистрация населения велась в Вознесенской церкви. В 1914 году в Петропавловской, кладбищенской, деревянной церкви был открыт самостоятельный приход с передачей ей одной трети суксунских прихожан. Сюда же вошли жители деревни Юркан. Старики рассказывали, что в Вознесенской службы велись очень тщательно и долго, а кто желал службы «по-быстрому», те отправлялись в Петропавловскую церковь.

Каменная Вознесенская церковь была выстроена в виде креста, с высокой двухъярусной колокольней, что возвышалась над входом

в церковь. Здание завершалось куполом с небольшой главой, увенчанной крестом. При входе в храм сень крыльца поддерживали два больших столпа на круглых основаниях. На паперть вели массивные чугунные лестницы с орнаментом по краю. Через дубовые двери прихожане попадали в сводчатый притвор храма и далее в его центральную часть. Посреди церкви возвышались два столпа — колонны, которые поддерживали перекрытия и символически являлись знаком твердой веры. Много больших окон хорошо освещали храм. Стены украшены росписями. В четырех углах центральной части были изображены четыре евангелиста: Иоанн, Марк, Лука и Матфей. Также росписи шли под барабаном купола и над оконными проемами.

На протяжении многих десятилетий жители Суксуна украшали и благоустраивали церковь. Прихожане делали крупные пожертвования, на народные деньги отливались колокола. Второго февраля 1831 года Демидовы пожертвовали храму икону «Всех скорбящих радость», а в 1857 году управляющий Суксунскими заводами П. А. Версильов передал в дар икону Иверской Божией Матери в серебряной ризе и икону Сергия Радонежского, изображающую святого во весь рост и писанную на кипарисовой доске. В 1862 году жители завода церкви пожертвовали икону св. благоверного князя Александра Невского. Это лишь несколько примеров, достойных уважения.

В 1870 году при почетном старосте Николае Ивановиче Мамонтове возле Вознесенской церкви были устроены торговые ряды и возведена каменная ограда, к нашему времени ни то, ни другое не сохранилось. За время действия Вознесенской церкви с 1850 по 1930 годы в ней прослужило более 20 православных священников. Умерших священников хоронили за алтарной частью, а дьяконов — с южного или северного фасада. Здесь были погребены священники Андрей Попов, Антоний Попов, дьяконы Иоанн Шастин, Андрей Спицин и др. Все священники церкви имели семинарское образование, знали несколько языков, были грамотными и достойными духовными пастырями народа.

Семь священников и дьяконов были очень многодетными. Так, к примеру, семья дьякона Иоанна Шастина состояла из 11 человек. Все они получили хорошее воспитание и образование. Девочки впоследствии, в основном, стали учительницами, мальчики отправились на службу в царскую армию. Но вскоре началась революция, а затем Гражданская война — и судьба разбросала детей Шастиных во все концы света.

В Суксун-заводе протекала своя духовная жизнь, которая выражалась в почитании местных святых, в частых богослужениях и молебнах. Привечали и местных «блаженных», отношение к которым на Руси издавна было особенное. Народ признавал угодными Богу и давал милостыню бродившим по Суксуну не очень опрятному Осе Опалихинскому и постоянно рядившемуся в красную рубаху Димушке Усову. Менялась власть, менялись священники. Уходили и приходили новые поколения. С началом XX века для православных жителей Суксуна настали тревожные времена: русско-японская война, Первая мировая, революции — одна за другой, Гражданская война... У новой власти было свое отношение к культовым зданиям. В 1920 году началось изъятие церковных ценностей из храмов. В Вознесенской церкви большевики изъяли драгметаллов весом «... в 5 пудов, 5 фунтов и 75 золотников». 9 мая 1931 года церковь закрыли, в помещении сразу же оборудовали Дом культуры. Купол и колокольня были разрушены, колокола скинуты и увезены на нужды Советской власти. Комсомольцы распевали в храме богохульные песни на мотив Интернационала:

*Мы, комсомольцы молодые,
идем войной на небеса!
Пускай угодники святые
услышат наши голоса.*

*.....
Пускай Илья громами жарит —
не верим сказкам о богах
И скажем: «Баста! Долой распятого Христа!».*

На заводской плотине, в саду на кострах сжигали иконы, книги. Некоторые смельчаки вытаскивали из костра православные святыни и тайком уносили домой. Народ, рыдая, смотрел на разграбление церкви. Территория храма находилась под пристальным наблюдением милиции, и никого из жителей не подпускали к горевшим кострам. В противовес комсомольским песням неизвестный народный поэт писал:

*Пришли гонители Христовы
С тяжелым молотом в руках.
Разбить святилище готовы,
И с богохульством на устах
Рубили с жадностью канаты,
Чтоб сбросить колокол святой,
Несчастной жертве были рады —
Позор звенел над головой!..*

8 июля 1931 года местные власти суксунским верующим отдали маленькую часовню на втором кладбище, в сосновом лесу, которая была освящена в церковь. Туда ходили молиться в годы начавшихся гонений. В 1936 году была закрыта Петропавловская церковь, возвышавшаяся над заводским прудом. В ней устроили Дом обороны. В 1938 году закрыли и часовню-церковь на кладбище. Бутовый камень и кирпичи использовали для строительства кинобудки у Дома культуры.

С превращением Суксунского храма в Дом культуры в поселке началась другая жизнь: пришли времена безбожия. Комсомольцы с азартом готовили атеистические вечера, а тема была одна: «Без бога — шире дорога». В бывшей церкви стали устраивать концерты, показывать фильмы. 1 мая 1935 года в «церкви» впервые трудящимся демонстрировался фильм «Три товарища». Церковное кладбище было разорено. После 1930-х годов надгробные плиты и кресты недолго оставались на своих местах. Могилы вскоре затоптали. А уже позже, в годы реконструкции Дома культуры в 1980-х годах, некоторые захоронения были вообще перепаханы и осквернены. Чудом сохранилось лишь захоронение дьякона Андрея Спицына у южной стены храма.

На протяжении многих лет в Суксуне не могут решить: продолжать ли реконструкцию Дома культуры или уже оставить это позорное дело. А ведь здесь незримо предстоит Ангел, поскольку место заведомо освящено под церковь. Произойдет ли возрождение из руин храма — покажет только время. Разрушенный Вознесенский храм — это наши разрушенные души. Пока не восстановим и не приведем в порядок их, не восстановим и храм. Не с него ли нужно начинать приводить в порядок любимый поселок?

И, может быть, вновь загудит колокол над заводским прудом, поплывет его голос, как встарь, пробуждая и давая людям веру и надежду на будущее, на духовное возрождение себя и отчего края. И Вознесенский храм предстанет не руинами, а алавастром чистоты и благодати.

ЭПИЛОГ

Двадцать первый век постучался в Суксун-завод незаметно. Давно у поселка новые хозяева, у завода — тоже. Достоинно выжив и в социалистическое время, и в годы войны, завод-орденоносец приспособляется к условиям капитализма. Являясь оптико-механическим с 1941 года, заводское предприятие, основанное в 1727 году, живет и действует по сей день, давая новую продукцию

и рабочие места. До 500 рабочих мест — это ли не показатель? Да наш завод еще в далеком 1914 году пережил угрозу закрытия из-за отсутствия железной руды в окрестностях! Но он выжил и приспособился к новому времени — в условиях разрухи и Гражданской войны! Выжил и в годы Великой Отечественной войны. И еще сколько раз в его биографии ему грозило закрытие. Выживет он и в наше сложное время.

История, как ни странно, порою повторяется и поворачивает назад. Удивился бы Демидов, увидев таким свое детище! Открытое акционерное общество «Суксунский оптико-механический завод», руководимое Александром Валерьевичем Колчановым, уверенно идет вперед. Сегодня под торговой маркой РОСОМЗ выпускается 400 видов изделий защиты! В продукции завода сочетается качество мирового уровня и конкурентоспособная цена. Очками, касками, щитками, наушниками производства РОСОМЗ защищают своих рабочих такие гиганты современной промышленности, как «Авто-ВАЗ», «КамАЗ», «ГАЗПРОМ», «РОСНЕФТЬ» и множество других! Большинство изделий имеют сертификаты соответствия европейским требованиям СЕ. Суксун и завод известны в каждом уголке большой страны, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья. Многие изделия РОСОМЗа являются лауреатами конкурса «100 лучших товаров России», имеют золотые и серебряные знаки качества. Жизнь предприятия продолжается.

О безвозвратно ушедшем времени жителям поселка напоминают лишь старинные полуразвалившиеся заводские производственные корпуса — памятники архитектуры заводского строительства. К сожалению, нет теперь у завода гудка — главного символа трудового Суксуна. Можно считать его пережитком прошлого, а можно считать неотъемлемой частью нашего быта, воспоминания о котором вызывают ностальгию у пожилых жителей. А молодежь даже и не слышала, как он в царское время «ревел», а в советское «пел», призывая рабочих в цеха.

Жизнь в Суксуне по-прежнему идет размеренно, не торопясь, хотя на поселок наступает городская цивилизация, вытесняют пеших жителей многочисленные автомобили — их на дорогах поселка с каждым годом становится все больше. Строятся новые частные дома, перестраиваются старые. Не есть ли это свидетельство о более-менее благополучной жизни по сравнению с другими населенными пунктами? Живет старинный завод, живет и Суксун. Они давно неотделимы друг от друга.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

К главе I. СУКСУНСКАЯ СТАРИНА

1. Достопамятство Ф.Е. Обыденнова. (Рукопись) // СИКМ. О. ф. № 3387.
2. Месяцеслов на 1851 г. с записями Обыденнова Ф.Е. СИКМ. В/х № 250.
3. Суксунский районный архивный отдел. Ф. 109. Метрические книги Суксунской Вознесенской церкви за 1850–1918 гг.
4. *Геннин В.И.* Описание уральских и сибирских заводов 1735. М.: Изд-во «История заводов», 1937.
5. Ревизские сказки 1834 г. ГАСО. Ф.111. Оп.1. Д. 2852.
6. Ревизские сказки по Суксун-заводу, 1747 г. // ГАСО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1. (1900)
7. *Ставникова М., Хохилева С.* Поговорим за старым самоваром. Пермь: Суксун, 1997.
8. *Иванов А.* Железные караваны. Пермь: «Книжный мир», 2006.
9. *Шкерин В.А., Обухов Л.А., Шкребень Г.С.* История Урала XIX–XX веков. Екатеринбург: «Сократ», 2005.
10. ГАПК. «Сведения о лечебном заведении в Суксунском заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии» Ф. 973. Оп. 1. 560 с.
11. Суксунский районный архив. Ф.109. Метрические книги Суксунской Вознесенской церкви за 1869 г. (раздел «О бракосочетавшихся»).
12. Журналы Красноуфимского земского собрания. 15-я очередная сессия. 1885 г.
13. Журналы 13-го очередного Красноуфимского уездного земского собрания. Доклады управы и комиссии 1882 г. Кунгур, 1883.
14. Сайт Санкт-Петербургского роддома № 6. (roddom6spb.narod.ru).
15. Материалы Уральского Горного Управления. ГАСО. Ф. 24 (Уральское Горное Управление). Оп. 16. Д. 190. (Данные предоставлены Л. В. Рябухо).
16. Некролог Л. Ф. Окинчица // Пермский край. 1903. № 644. Л. 3. (Предоставлен Е. П. Субботинным).
17. Воспоминания Г.В. Семкова, записанные им в 1965 г. (Копия рукописи) Личный архив Н.Н. Токаревой.
18. Воспоминания Г.В. Семкова (Рукопись). Личный архив Семковых-Габовых. Пос. Суксун, 1960-е гг.

19. Документы Суксунской Петропавловской церкви за 1945–1948 гг. СИКМ. В/х. № 215.
20. Книжка для памяти Петра Матвеевича Худякова, 1918 г. (Рукопись) СИКМ. Н.в.ф. № 1237.
21. *Шарц А.К.* Однозвучно гремит колокольчик // Звезда. 1975. 15 авг.
22. *Шарц А.К.* Дело о трезвонии // Уральский следопыт. 1975. № 2.
23. *Токарева Н.Н.* Правда о первом директоре // Новая жизнь. 1997. 26 авг.
24. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Том 1. Спб, 1811.
25. Воспоминания Капитолины Петровны Распоповой (Худяковой), Суксун; воспоминания Маргариты Александровны Бухваловой, Пермь. Записаны Н. Н. Токаревой в 1999–2011 гг.
26. *Ерофеев Г.А.* Путь длиной в 120 лет. К истории развития в Суксуне самоварного производства. СИКМ. (Воспоминания, машинописный текст) Суксун, 1980.
27. *Бирюков В.П.* Урал в его живом слове: дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953.
28. *Тюриков А.И.* Талая вода. М., 2004.
29. Суксунский районный архив. Ф.109. Метрические книги Суксунской Вознесенской церкви за ноябрь 1918 г. (раздел «О бракосочетавшихся»)
30. Воспоминания жителей Суксуна: Д.Ф. Тюрикова (СИКМ, рукопись, копия), Натальи Павловны Тарховой, Зои Петровны Кузьминых, Людмилы Кронидовны Могильниковой, Маргариты Максимовны Коряковой, Раисы Максимовны Артемьевой, Марии Васильевны Камаевой, Марии Захаровны Бочарниковой, Марии Ивановны Семковой, Владимира Николаевича Овчина, Сергея Михайловича Степанова, Владимира Сергеевича Степанова, Василия Петровича Утемова, Константина Григорьевича Семкова, Николая Федоровича Кузьминых, Евникии Ефимовны Ореховой, Пермь; воспоминания М. Филипповой, С.-Петербург; воспоминания Сергея Ивановича Щитова, Уфа; воспоминания Татьяны Александровны Тарховой, Маргариты Мочалиной, записанные Н. Токаревой в 1998–2012 гг.
31. *Аксенова В.* От торговца до иконописца // Новая жизнь. 2005. 15 февр.
32. *Петрова Л.А.* Медный век России. Художественная медь Урала 1730–1770 гг. М., 2004.
33. Фольклор Урала: сборник статей. Вып. 4. Рабочий фольклор.
34. *Овчинников А.М.* Народные песни, собранные в Суксунском заводе Красноуфимского уезда. Отдел 1. Екатеринбург, 1874.
35. *Королев В.* Простите, звезды Господни. Фрязино, 1999.
36. Журналы 15-го очередного Красноуфимского уездного земского собрания по народному образованию, 1884 г. СИКМ. О. ф. №1242.
37. Ревизские сказки по Суксун-заводу 1747 г. ГАСО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1. (1900)
38. *Ганькин В.М.* На рубеже веков // Новая жизнь. 2000. 30 марта.

39. Щербаков А. П. Сезон кумысо-воздухо-минерального лечения при суксунских и ключевских серных, красноярских и морозковских железных водах в 1867 г. (в Суксунском заводе Красноуфмского уезда, Пермской губернии) // Пермские губернские ведомости. 1868.

40. Скалозубов Н. Л. Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 5. Ч. 1. 1894. Фонды КИКМ.

41. Журналы 35-го очередного съезда 30–31-й Чрезвычайных сессий Красноуфимского уездного земского собрания с докладами Управы и комиссий и с другими приложениями. Екатеринбург, 1905. СИКМ, Н.в. ф. № 1949.

42. Панаев Б., Панаева М. Из истории кружевного промысла в Суксуне. (Машинописный текст) Фонды СИКМ.

43. Антропова И. Из истории евреев Урала // Урал. 2004. № 11.

44. Герцен А. И. Былое и думы. Минск: «Народная Авеста», 1974.

45. Кандель Ф. Очерки времен и событий. Том 2. Гл. 7. Тарбут, 1988.

46. Гладышев В. Дух поэзии, любознательности и человеколюбия // Город Пермь. Прошлое и настоящее. Материалы науч.-практ. конф. Пермь, 1999.

47. Пермские батальоны военных кантонистов 3-й учебной бригады Военного министерства. 1874–1857. ГАПК. Ф. 129. Оп. 1. (3 ед. хр.).

48. Суксунский архивный отдел. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2, 7. Метрические книги Суксунской Вознесенской церкви за 1854–1874/75 гг.

49. Токарева Н., Шкерин В. Сук-су — студеная вода. Екатеринбург: «Старт», 1999.

50. Щербаков А. П. Ключевские серные и иные воды, лечебные грязи и их влияние на состояние здоровья больных курорта Ключи в 1862–1868 гг. // Фонды СИКМ. (Копия, машинописный текст).

51. Архивно-следственное дело Тюрикова П. Ф. ГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16207.

52. Архивно-следственное дело Осолихина М. В. ГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29092.

53. Тюриков Д. Ф. Автобиография. (Машинописный текст). 1980-е гг. // СИКМ. В/х.

54. Тюриков Д. Ф. Дневник с описанием туристического похода, организованного Свердловским Дворцом пионеров в связи с предстоящим 40-летием освобождения Урала от колчаковских войск. (Машинописный текст). 1958–1959 гг. Фонды СИКМ.

55. Ерофеев Г. А. Революцией рожденные. (Машинописный текст). 1970-е гг. СИКМ. В/х.

56. Хлызов П. О. Личные воспоминания участника Гражданской войны. 1968 г. СИКМ. В/х.

57. Алексеев Д. Г. Начдив Иван Грязнов. Свердловск, 1968.

58. Книга памяти жертв политических репрессий. Пермская область. Том А.

59. Сайт lid.eparhia-saratov.ru. Пермские мученики, исповедники и подвижники.

К главе II. УЛИЦЫ, ДОМА И СУДЬБЫ

60. Воспоминания: Елизаветы Игнатьевны Рыщиной, Ювеналия Александровича Рыщина, Прасковьи Бобылевой, Григория Васильевича Семкова, Степана Макаровича Никитина, Людмилы Павловны Мочалиной, Анны Степановны Винокуровой, Аполлинарии Сергеевны Морохиной, Марии Васильевны Камаевой, Лидии Ивановны Козловой, Зинаиды Паршаковой, Анны Максимовны Токаревой, Анны Павловны Панфиловой, Владимира Николаевича Овцина, Сергея Михайловича Степанова, Владимира Сергеевича Степанова, Марии Токаревой, Константина Мильевича Собакина, Натальи Павловны Тарховой, Александры Ивановны Ворониной, Зои Шипициной, Марины Филипповой, записанные Н. Н. Токаревой в 1983–2012 гг. С.-Петербург.

61. Ковязин А. С. Пройденный путь. 1960 г. (Рукопись). СИКМ. В/х.

62. Соколов В. Записки. Воспоминания. 1970-е гг. (Рукопись) // СИКМ. В/х.

63. Воспоминания Г. А. Маношина (записано Н. Г. Малелиным в 1934 г.). // Фонды СИКМ.

64. Суксунский районный архив. Ф. 109. Метрические книги Суксунской Вознесенской церкви 1900–1920 гг.

65. Журналы Красноуфимского земского уездного собрания, 1907 г. // Фонды КИКМ.

66. Название вещей бывшего дома Каменского в Суксуне. 1918. (Перечень, подлинник). // Красноуфимский государственный архив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8.

67. Дылдин В. Возвращение коллекции // МВ-Культура (приложение к газ. «Местное время». Пермь. 1999. № 8.

68. Бронин Д. Памяти Ивана Григорьевича Каменского // Свободная Пермь. 1919. 16 марта.

69. Скалозубов Н. Л. Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 5. Ч. 1. 1894. // Фонды КИКМ.

70. ПОКМ. 17317/49. Выпись из Крепостной Пермского Нотариального Архива книги по Красноуфимскому уезду на 1907 г. № 10. О покупке дома И. С. Попова у Н. И. Мамонтова в Суксуне.

71. Удостоверение кучера И. С. Попова. 1874 г. ПОКМ. Ед. хр. 17317/51.

72. Удостоверение кучера И. С. Попова. 1891 г. ПОКМ. Ед. хр. 17317/50.

73. Шевырин С. А. Проявление оппозиционных настроений в политике советской власти в крестьянской среде // Астафьевские чтения. Вып. 3. Пермь, 2005. С. 363.

74. ГАНИ. Ф. 2. Д. 11308. Архивно-следственное дело С. В. Дрёмина.

К главе III. НА ЖИТЕЛЬСТВО В СУКСУН

75. Воспоминания учителей: Ираиды Николаевны Злобиной (Суксун), Василия Ивановича Щербинина (Суксун), Анны Ефимовны Манохиной (Ключи),

а также: Светланы Ивановны Некрасовой, Юрия Васильевича Матвеева (Суксун), Юрия Николаевича Устюгова (Суксун), Виктора Геннадьевича Мочалина (Кунгур), Татьяны Оскаровны Лауфер (Екатеринбург), Константина Тимофеевича Ведрова, Глафиры Николаевны Николиной, Веры Петровны Лопатиной, Александры Ивановны Катыревой, Константина Мильевича Собакина, Алевтины Даниловны Быковой, Тамары Васильевны Белых (Кунгур), Юрия Артемьевича Мороза (Витебск, Белоруссия), Марии Нестеровны Спицыной, Эвелины Петровны Утемовой, Олега Михайловича Семионова, Бориса Абрамовича Кортина (Екатеринбург), записанные Н. Н. Токаревой в 2009–2011 гг.

76. Письма Доры Ангрес за 1960–1990 гг. (Семейный архив Мочалиных, Манохиных).

77. Архив Суксунского РОНО. Книга приказов Суксунского РОНО за 1948–1958. Ф. 14. Оп. 2. Д. 4.

78. *Печуркина Р.* Три яблока Пауля Рикерта // Новая жизнь. 1994.

79. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Том Р–С. Екатеринбург, 2009.

80. Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Том Р–С. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2005.

81. *Бернгардт Э. Г.* Академик Раушенбах. Штрихи к судьбе народа. Кн. 2. Москва, 2000.

82. *Раушенбах Б. В.* Постскриптум. Символы времени (лит. запись Сергеевой). М.: «Аграф», 2001.

83. *Лесняк Б.* Перечитывая Шаламова // Октябрь. 1999. № 4.

84. *Шаламов В.* Левый берег. М.: «Современник», 1989.

85. *Максимов О. Б.* Химик в лагерях Колымы. [Электронный ресурс] <http://lib.febras.ru/maximov/himic.htm>

86. *Шапиро Ю.* Перечитывая Шаламова. Эпизоды воспоминаний. [Электронный ресурс] <http://atheismru.narod.ru/humanism/journal/53/shapiro.htm>

87. *Мамучаивили Е.* Воспоминания о писателе. В больнице для заключенных. [Электронный ресурс] <http://www.booksite.ru/fulltext/2sh/ala/mov/4.htm>

88. Архив отдела кадров суксунской районной больницы. Приказы по личному составу. Ф. 102. Д. 11. Оп. 4. Л. 22.

89. Светлой памяти Марии Александровны Луниной. Некролог. // Исторический вестник РХТУ им. Д. И. Менделеева. Выпуск № 8. С. 30–33. М., 2002.

90. Из писем Л. Г. Каннинг к Циолковскому, 1959 г. // Фонды Государственного музея истории космонавтики в Калуге.

91. Письма Л. Г. Каннинг к Циолковскому из Усть-Кулома Коми округа, 1932 г. // Архив РАН, Московское отделение. Ф. 555. Оп. 4. Д. 268.

92. *Максимовская Н. А.* Аптекарь, спонсор Циолковского // Весть. № 3. С. 119–122.

93. *Каннинг Л. Г.* У истоков дружбы // Знамя. 1962. 27 окт.

94. Личное дело И. А. Теплякова. Архив военного комиссариата Удмуртской республики. КИ-12868.

95. Суксунский районный архив. Ф. 109. Метрические книги Суксунской Вознесенской церкви. 1909–1910 гг.

96. Альбом В. С. Пантелеева. СИКМ. О. ф. № 7142. 97. Альбом духовных стихов Е. И. Боровых. (Личный архив Н. Н. Токаревой).

К главе IV. БЕЛЫЙ ХРАМ НАД РЕКОЮ

97. ГАПК. Ф. 389. Д. 1, 2. Клировые ведомости Суксунской Вознесенской церкви, 1841 г. Летопись Суксунской Вознесенской церкви 1795–1912 (3 ед. хр.).

98. Воспоминания: Екатерины Андреевны Верзаковой, Николая Михайловича Иванова, Марины Филипповой (С.-Петербург), Валентины Николаевны Дудиной, Александры Ивановны Катыревой, Лидии Семеновны Бобылевой, записанные Н. Н. Токаревой в 1999–2009 гг.

99. Список церквей Красноуфимского уезда из ведения коих изъяты церковные ценности с указанием веса серебра. (Выписка) // Красноуфимский городской архив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 48.

100. ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 1. Д. 685. Л. 26–27.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

ГАНИ — Государственный архив новейшей истории.
ГАПК — Государственный архив Пермского края.
ГАСО — Государственный архив Свердловской области.
КИКМ — Красноуфимский историко-краеведческий музей.
ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей.
РАН — Российская Академия Наук.
СИКМ — Суксунский историко-краеведческий музей.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ ТЕРМИНОВ И СЛОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В УРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ

Автор-составитель — Т. В. Харитонов

Слово человеческое явилось не с воздуха, без всякого повода и причины: прежде чем существовать названию предмета, должен был существовать самый предмет, действительный или фантастический, но принимаемый за действительный. Вот почему язык может быть назван верным показателем материального и нравственного быта ... народа, так сказать — археологическим складом предметов его культуры. В этой области археологу нечего опасаться ни того алчного святотатства, которое нарушает покой могил с корыстной целью, ни того вольного или невольного вандализма, который мерит дорогие памятники старины лишь мерою узкой практической пользы или воображаемого вреда.

А. А. Котляревский, 1865 г.

Абшид — 1) пропуск; 2) отставка, увольнение.

Æ — обозначение меди, встречающееся в русской научной литературе XVIII века (от латинского слова *Aes*). Применялся также алхимический знак *Венеры* — ♀.

Aes — медь вообще, изделие из меди, бронза, руда. От *aescuprium* (*aescuprium*) — руда кипрская (медная). Чистая медь — *cuprum*. См. также *aesrubrum*.

Aesregulare — медь чистая.

Aesrubrum — медь красная (см.).

Акцептовать (аксептовать) — взять, принять.

Алембик — перегонный куб.

Алтын — денежная единица в 6 денег, равная 3 копейкам.

Алтынская глина — огнеупорная глина, добывавшаяся в окрестностях с. Алтынного, расположенного в западной части бывшего Красноуфимского уезда, в верховьях р. Малый Телес. В настоящее время — территория Октябрьского района Пермского края.

Амбрух — горная выработка, где производится ломка камня, добыча руды (рудник, шахта, карьер и т. п.).

Амбт — см. *амт*.

Амиант — асбест.

Ампт — см. *амт*.

Амт — ведомство, правление (например, Бергамт); варианты — *амбт*, *ампт*, *ант*.

Ангул — угол.

Аншпуг — рычаг.

Апробация — 1) проба, опыт, испытание; 2) одобрение, согласие.

Апт — см. *амт*.

Араина — сырое низкое кочковатое место на лугу.

Аргентан — см. *аргентин*.

Аргентин (белое серебро) — сплав меди с цинком и никелем, то же что *нейзильбер*.

Аримасп — фонарь, укрепленный на голове шахтера, рудокопа (от названия мифического народа аримаспов, якобы живших на Урале и охранявших в горах золото. По преданиям, они имели посреди лба один глаз).

Аршин — мера длины, равная 16 вершкам = 28 дюймам = 71,12 см.

Аршин квадратный — мера площади, равная 0,506 кв. м.

Аршин кубический — мера объема, равная 0,36 куб. м.

Аспид — яшма.

Аспидный сланец — кремнистый сланец, иногда черный глинистый сланец.

Атгестовать — характеризовать, охарактеризовать.

Бадог (бадаг) — единица объема, равная 0,5 куб. сажени (применялась в углежжении).

Бадья — емкость в виде большого металлического (или деревянного окованного, с обручами) ведра для подъема из шурфа или рудника породы. См. также *кибель* и *короб*.

Барка четверугольная (полубарка четверугольная или четырехугольная) — плоскодонное судно для перевозки металлов с горных заводов или для доставки на них руд, флюсов и т. п. Длина 6 сажений, ширина 4 сажени. С грузом осадка составляла 5 четвертей, без груза — 2 четверти. Строились барки только в Верхотурском уезде. Другие суда для перевозки металлов: *коломенки*, *полуколоменки* и *дощаники*.

Бархоты — судно для перевозки соли. Длина 22 сажени, ширина 4 сажени, высота 3,5 аршина. Грузоподъемность от 28 до 30 тыс. пудов, при этом осадка достигала 2 аршина (без груза осадка — 2 четверти). Другие соляные суда: *лодья* и *межуумки*.

Батман — мера веса, равная 10 пудам (см. *полубатман*).

Башка (голова) — деревянная часть кузнечного меха, к которой крепится кожа меха и вставляется железная труба для вдува в печь воздуха.

Белая медная руда — блеклая руда.

Белая медь — то же, что аргентит, *аргентин*. См. также *медь белая* и *нейзильбер*.

Бергамт (берг-амт) — Сибирский обер- и Пермский бергамт — органы местного управления металлургической промышленностью, подчинялись Берг-коллегии. Сибирский обербергамт ведал заводами Урала и Сибири. Пермский бергамт был подчинен Сибирскому и управлял предприятиями в районе Перми. Во время второго приезда Татищева на Урал (1734–1737) Сибирский обербергамт был переименован в Главное управление сибирских и казанских заводов, а Пермский бергамт — в Пермское горное правление. Оба названия существовали до 1786 г.

Бергауер (берг-гауэр) — рудоразборщик, рудокоп, низший служащий на заводах, отвечающий за добычу и разборку руды.

Берг-гауптман — один из главных чиновников горного правления.

Берг-гешворен — горный надзиратель, горный чин XIII класса по Табелю о рангах, соответствовал подпоручику пехоты.

Берг-коллегия — высшее правительственное учреждение, руководившее горной промышленностью России. Создана при Петре I. В связи с реорганизацией государственных органов управления в 1718 году. Берг-коллегия заменила Приказ рудокопных дел.

Бергмайстер (берг-мейстер) — горный чиновник, осуществлявший надзор за производством горных работ, руководивший всем штатом рабочих и служащих, работавших на поверхности и в руднике.

Бергшрайбер — секретарь при горном начальстве.

Берковец — мера веса, 10 пудов.

Било — подвешенная доска, позже металлическая полоса, для подачи звуковых сигналов. См. также *клепало*.

Бисквит — фарфоровая пластинка без глазури для определения цвета черты минералов путем царапания их по ней.

Близко — приблизительно, почти, около.

Блистр — синоним меди в XVIII–XIX вв., см. также *хальканиит*.

Бобыль — неоседлый крестьянин, пришлый, поселенец на чужой земле, не имеющий своего надела.

Болюс — ожелезненная глина.

Бурование — взрывные работы.

Бус (невольный бус) — пыль, мелочь, отделяющаяся при работе изпод молотков при разборе или при сортировке руд.

Бусый — серый, темно-серый.

Бухало — место на реке, ручье, куда падает вода с плотины.

Быки — задние и боковые стены плавильной печи.

Вага — вес, тяжесть.

Важня — весовая, обычно навес или сарай с весами.

Вакка — продукт выветривания базальта, диабазы или долерита в виде дресвы или щебня. См. также *вакка серая*.

Вакка серая, или граувакка — обломочная полимиктовая порода от песчаника до конгломерата или брекчии. Не путать с *ваккой*.

Вап — минеральная краска; в работах по медистым песчаникам: 1) жирная бурая и коричневая глина (Тофман, 1865), годная для изготовления краски; 2) железистая красная отвердевшая глина (Мейер, 1834). Современное значение — аргиллит.

Варнак — преступник, сосланный в Сибирь.

Вассерштольня — водоотливная *штольня* — подземная горная выработка с выходом на поверхность для отвода подземных вод из рудника.

Вашгерд — приспособление для промывки золотоносных песков или руд в виде наклонного желоба.

Вашштейгер (вошштейгер) — заведующий промывкой руд.

Ведро — в конце XVII столетия в ведре считалось 20 000 капель; в начале XVIII в. был принят объем ведра, равный 750 куб. дюймам или 12,290 л; русское ведро вмещает 30 фунтов воды или 12,285 л.

Венера — знак этой планеты ♀ употреблялся алхимиками для обозначения меди, а также на медеплавильных заводах Пермского горного округа для обозначения пятницы как дня недели.

Веретия, веретье — 1) сухой возвышенный вытянутый участок на низменном месте, среди болота или около реки (ср. *веретья*); 2) возвышенность на берегу реки, озера или лога между двумя притоками с одной стороны.

Веретья — см. *веретия*.

Верста — мера длины, равная 500 сажням или 1 500 аршинам, что составляет 1,0668 км. Синоним — *верста путевая*. Были также версты 700- и 1000-саженные (*верста межевая*).

Верста межевая — мера длины, равная 1000 сажням или двум путевым верстам.

Вершок — мера длины, равная $1/16$ аршина или $1^3/4$ дюйма, или 4,445 см.

Ветошь — вторичное сырье, применительно к металлам — лом.

Вешняк (вешняшный или вешняковый прорез плотины) — центральный водоспуск плотины, служащий регулятором наполнения заводского пруда в период выпуска паводковой (вешней) воды.

Вешняковый двор (вешняшный двор) — место перед ларевыми и вешняшными прорезями в плотине, огражденное сваями. Служило для сдерживания напора льда, топляков и сора, плывших по воде.

Вешняшный мост — мост через вешняк (вешняшные прорези).

Винный камень (кремортартар) — кислая калиевая соль винной кислоты, смесь битартрата и тартрата калия.

Вичатая коробка — корзина из прутьев (виц) для перевозки пассажиров или грузов на *дрогах*.

Взвоз — дорога в гору от реки.

Водка кислая — соляная кислота.

Водка крепкая — азотная кислота.

Воевода — не только воинский начальник. Существовало подразделение этой должности: воевода ратный (до XVI в.), т.е. воинский начальник, и воевода городовая (XVI–XVII вв.), т.е. высший местный управитель. Должность упразднена в середине XVIII в. (при Екатерине Великой).

Воровской — противозаконный.

Воровство — преступление.

Вохра — минеральная краска, чаще всего землистые гематит или лимонит, или окрашенные ими глины.

Вошштейгер — см. *вашштейгер*.

Враг — овраг, промоина, глубокая рытвина с обрывистыми берегами.

Втуне — напрасно, без результатов, без надобности (см. *тунележащий*).

Выметной камень — поднятая из горной выработки порода для дальнейшей ее ручной разборки.

Выставок — починок, поселение, выделившееся из другого населенного пункта.

Выть — участок, доля.

Галмей — цинковая руда. См. *шпиаутерова руда*.

Ганк (ганг) — рудная жила.

Гаркрец — примеси, похожие на густую грязь, всплывающие на поверхность меди в очистительном горне после действия *дразнилки*.

Гаркупфер (гармахерская медь) — полуфабрикат, медь в крицах, очищенная от посторонних примесей, частично окисленная и ломкая. Продукт плавки черной меди при выплавке в очистительном горне (*шплейзофене*).

Гармахерская печь — печь по переделу черной меди (см.), для извлечения из нее железа и выжигания серы. См. также *шплейзофен, сплейсофен*.

Гаспель (гашпиль) — вороток, лебедка.

Гиттенфервальтер (гитен-фервальтер) — горный чиновник, заводской управитель, обычно управитель завода. По Табелю о рангах — горный чин XII класса, соответствовал поручику пехоты.

Глиммер — слюда.

Говырник — порода коричневого и бурого цветов, составляющая смешение песчаника с глиной. Она вообще считается неблагонадежной и редко содержит в себе руду (Антипов 2-й, 1860).

Головник — глинистый песчаник красного или желтого цвета. Неблагоприятный для наличия медного оруденения признак (Гофман, 1865).

Голубник (голубняк) — свинцово-серый мелкозернистый песчаник с голубым отливом. В нем встречаются главным образом сернистые медные руды, преимущественно стекловатая медная руда и в меньшем количестве медный колчедан. Руды часто так мелко вкраплены, что их нельзя видеть глазом; в этом случае вопрос решается весом, т. к. рудоносный песчаник тяжелее обычного (Гофман, 1865). Голубоватый песчаник (Рышковский, 1835). Черно-синяя руда, песчаник, проникнутый медной чернью (Самойлов, 1831). Голубник в свежих забоях кажется безрудным, прежде употреблялся на закладку, но вскоре заметили, что куски его покрываются зеленым цветом. Он сам составляет руду, которая дает 1,5% металла. Первоначальный синеватый цвет его приписывают очень мелким зернам стекловатой медной руды (Бояршинов, 1846).

Гольшник (хряц) — крупные гальки кварцевых пород, сланцев и диорита (Гофман, 1865).

Горновой камень — огнеупорные породы, использующиеся для сооружения плавильных печей, заводских труб и горнов.

Горного дела целовальник — лицо государственного горного надзора Московской Руси в XVII в. См. *целовальник*.

Горнозаводские округа — административные единицы управления горной промышленностью. Система горнозаводских округов обеспечивала владельцам заводов монополию на рабочие руки, руду, топливо и сырье в пределах округа.

Горнозаводский рабочий — рабочий на углежжении. Рабочий на заводе — *мастеровой*.

Горный надзиратель — см. *берг-гешворен*.

Горный устав — регламент работы горнозаводской промышленности, издан в 1857 г.

Город провинциальный — центр провинции, имеющий в своем подчинении другие города, место резиденции губернатора, вице-губернатора или воеводы.

Город приписной — город, приписанный провинциальному городу.

Горькозем (тальковая земля) — магнезия, окись магния.

Горькоземистая известь — доломит или доломитизированный известняк.

Государевы крестьяне — крестьяне, принадлежащие царской семье и платившие оброк царской фамилии.

Государственные крестьяне — крестьяне, принадлежавшие государству.

Гость — крупный купец, торговавший с другими городами или зарубежными странами. Во 2-й пол. XVI–XVIII вв. — член привилегированной высшей корпорации купцов. Каждый гость имел от царя особую жалованную грамоту «на гостиное имя». Основными привилегиями гостя были: освобождение от тягловых повинностей, свободный проезд за границу для торговли, право приобретать вотчины, подсудность непосредственно царю.

Грань — просека в лесу.

Груба — рудник.

Грубенюнг — подросток-рабочий на руднике.

Грязный сок — см. *сок*.

Грязь — изгарина при плавке меди.

Гулящие люди — особая категория, объединявшая находящихся за сословными рамками людей: отпущенных холопов, беглых, нетяглых и пр.

Гур — натечные образования на стенках подземной горной выработки. См. также *зинтер*.

Датировка — в русских документах до 1700 года летоисчисление велось от сотворения мира (от с. м.), год начинался с сентября. Для перевода в современное летоисчисление от рождества Христова (от Р. Х. или нашей эры) нужно вычесть из даты от с. м. 5508 (в период с января до сентября) или 5509 (от сентября до января) лет. Например, август 7142 года от с. м. равен августу 1634 года, сентябрь 7142 года — сентябрю 1633 года.

Дача — термин межевого законодательства: земельный участок самостоятельной ценности (лесная дача, земельная дача); земля, данная во владение.

Дворцовые крестьяне — крестьяне, оброк с которых шел на жалованье придворным служителям.

Дербеец — почти чистая руда.

Десть — стопа писчей бумаги в 24 листа.

Десятиверстка — карта масштаба 10 верст в 1 дюйме, что соответствует метрическому масштабу 1:420 000. Сечение горизонталей такой карты обычно 50 саженей (106,68 м).

Десятина — мера земельной площади, 80x30 или 60x40 саженей, т. е. равная 2400 кв. саженям или 2 четвертям (*четям*), что составляло 1,0925 гектара, а с середины XVII в. — 1,119744 га.

Десятина — налог с заводчиков в пользу казны. По Бергпривилегии 1719 года составляла одну десятую часть с прибыли, с 1724 года — одну копейку с пуда металла.

Децимация — аналитическая химия, занимающаяся в геогнозии определением состава минералов.

Дистрикт — округ.

Доля — мера веса, $\frac{1}{96}$ золотника или 44,43 мг.

Донос — сообщение, рапорт.

Дорога, даруга — единица административного деления у башкир по основным направлениям дорог, соответствует волости. Существовало четыре дороги: Сибирская, Казанская, Осинская и Нагайская.

Дощаник — речное грузовое плоскодонное судно с мачтой для перевозки с горных заводов или на них металлов, руды, флюсов и т. п. Длина дощаника от 17 до 18 сажений, ширина — 4 сажени; осадка с грузом 7 четвертей, а без груза — 2 четверти. Дощаники строились в Верхотурском и Камышловском уездах. Другие суда для перевозки металлов: *коломенки, полуколоменки и четвероугольные барки*.

«**Дразнилка**» — свежесрубленный сосновый, березовый или осиновый кол (или бревно), вставляемый в расплавленный штейн и укрепляемый сверху так, чтобы не мог быть из штейна выброшенным. Такой же кол или шест употребляли для размешивания и ускорения вскипания купферштейна или расплава меди в штыковом горне и очистительной печи (шплейзофене). В результате расплав резко вскипал с выделением вредных примесей и шлаков в виде *гаркреца*.

Пояснение составителя. При плавке меди небольшая ее часть окисляется до закиси меди (Cu_2O). Многие примеси (железо, кобальт, сера, мышьяк) после расплавления металла отнимают у закиси кислород и всплывают на поверхность в виде шлака. Но часть закиси меди все-таки остается в расплаве. Чтобы удалить ее, медь «дразнят» — в расплавленный металл опускают свежеспиленное бревно. При попадании сырой древесины в расплавленный металл он начинает бурлить. Кроме паров воды из древесины выделяются продукты сухой перегонки. Некоторые из них (водород, окись углерода) реагируют с закисью меди, восстанавливая ее. Одновременно из расплава удаляется сернистый газ. На многих современных заводах вместо древесины в процессе «дразнения» используют мазут или природный газ.

Дранье — тесаные топором доски.

Дроги — повозка без кузова, передняя и задняя части которой соединены двумя брусами.

Дуван — гора, продуваемая со всех сторон.

Дудка — поисковая или разведочная вертикальная горная выработка небольшого сечения. См. также *шурф*.

Дюйм — мера длины, равная $\frac{1}{12}$ фута или $\frac{1}{28}$ аршина, что составляет 2,54 сантиметра. См. *инч*.

Елань — прогалина, луговая равнина, голая и открытая, возвышенная равнина.

Емчуга (ямчуга) — селитра.

Жалованье — награда.

Жгарь — крицы, получаемые при пережоге медистого чугуна и обработке железных криц на кричном горне.

Жезл — палка, посох, трость.

Желтая медь — бронза, сплав меди с цинком. См. *зеленая медь*.

Жила — в XVII–XVIII вв. пластообразная залежь полезного ископаемого с явным падением (более 18°). См. также *жилы порядочная* и *непорядочная*. В рудах пермских медистых песчаников жилы — это лентообразная залежь в русловых или старичных отложениях: *при небольшой ширине имеет порядочную толщину и тянется на значительное протяжение в длину. Подобные руды всегда находятся поблизости скопления отпечатков растений и, в особенности, близ древесных стволов* (Антипов 2-й, 1860).

Жилинский песок — песок из окрестностей д. Жилиной (ныне с. Жилино Кунгурского района). Представлял собой доломитовую муку.

Жилы порядочная и **непорядочная** — соответственно, благонадежная и неблагонадежная.

Жильные руды — см. *жила*.

Забока — часть поля, вдающаяся в лес.

Заводы партикулярные — предприятия, принадлежавшие частным владельцам.

Заводы посессионные — горные заводы, построенные частными людьми, но получившие от правительства лес, землю, рабочих или рудники (см. *посессия*).

Зальбанд — боковая поверхность жилы, контакт жилы и вмещающих пород. Термин используется до сих пор.

Запека — светлый, почти белый песчаник, по которому проходят ярко-красные полосы. Отличается от полосатника тем, что полосы шире, короче и не проходят через всю массу и светлее цветом. Считается весьма благонадежным признаком для обнаружения медных песчаных руд (Гофман, 1865).

Заплот — забор, сплошная ограда из бревен или досок.

Заплота — запруда, плотина.

Засолы — болотина, вода и грязь горьковато-вяжущего вкуса по берегам мелких рек.

Заштатный город — город, не имевший уезда.

Зеленая медь — латунь, ср. *красная медь* — обычная медь.

Зинтер — натек, свисающий с кровли подземной горной выработки, сталактит. См. также *гур*.

Золотник — мера веса, $\frac{1}{96}$ фунта или 4,266 г.

Зольник — глинистый мелкозернистый песчаник пепельно-серого цвета. Сам редко и в небольших количествах содержит руду, но подчиненные пласты в нем содержат богатые руды (Гофман, 1865).

Иготь — лабораторная ступка (ср. *пожжаст*).

Известный камень — известняк.

Издол — подъем в гору.

Инде — даже.

Инч — см. *дюйм*.

Исады — часть берега, удобная для причаливания.

Исток — протока между озерами (болотами) или из озера (болота) в речку.

Кабала — долговое обязательство.

Кайло — орудие для рыхления породы типа мотыги.

Калита — мешок.

Калужина — большая постоянная яма с водой и грязью.

Кальценифен (кальценирофен) — обжигательная печь для удаления из рожштейна серы, мышьяка и других горючих примесей.

Каптана — зимний возок (см. также *колымага*).

Капь верхняя — сталактит.

Капь нижняя — сталагмит.

Карат — до XX в. карат был неметрическим и равнялся обычно 205 мг. Имеются другие значения.

Карчи — скопления в реке корней деревьев, коряг, пней и колод.

Квершлаг — горная выработка, пройденная поперек рудного пласта.

Кейпер — с 1834 года — пестроцветные континентальные отложения верхнего триаса Западной Европы.

Кениг — королек (шарик металла), образующийся на дне плавильного горшка при опробовании руд, или при плавлении рудного минерала при помощи паяльной трубки.

Кибель — короб небольшого объема для извлечения из шахты пустой породы или добытого полезного ископаемого. См. также *бадья*.

Кизи — колчеданы, см. *кис*.

Кизь, медью богатая — медный колчедан, халькопирит. См. также *кис*.

Кизь желтая — колчедан, содержащий медь, халькопирит.

Кизь золотая — пирит.

Кирпичная медная руда — смесь куприта и лимонита, образуется при окислении сульфидных медных руд.

Кис — колчедан. См. *кизь*.

Кладбище — участок для складирования чего-либо (например дровяное кладбище).

Клепало — подвешенная металлическая полоса для подачи звуковых сигналов. См. также *било*.

Клеть — кладовая.

Клинчатый кирпич — кирпич для выкладки сводов, имел в сечении трапециевидную форму.

Клюфт — 1) трещина или прожилок в горной породе; 2) ловильный инструмент для извлечения при аварии инструмента из скважины.

Колокольная медь — сплав, состоящий из 100 частей меди и 20 частей олова, или из 78 частей меди и 22 частей меди. Некоторые литейщики для увеличения звонкости металла прибавляли к ней цинк, либо сурьму с висмутом, либо серебро.

Коломенка — похожее на *лодью*, но отличающееся размерами плоскодонное судно для перевозки с горных заводов металла или для доставки на заводы руд и флюсов. Коломенки имели длину 17 сажений, ширину 3 сажени или 10 аршин и высоту 2,5 аршина, грузоподъемность коломенок была до 8000 пудов металла и более. При этом осадка колебалась от 5–6 четвертей (без груза — одна четверть). Коломенки, как и лодьи, снабжались снастями и якорем. Для заброски якорей и перевозки людей на берег употреблялись специальные лодки, называвшиеся завознями и шитиками. Производились *однолетние* и *двухлетние коломенки*. Другие суда для перевозки руд: *полуколоменки*, *дощаники* и *четвероугольные барки*.

Коломенка двухлетняя — коломенка, загружавшаяся в полном объеме; двухлетние коломенки обычно зимовали в дороге и приходили в Санкт-Петербургский порт на следующее лето.

Коломенка однолетняя — коломенка, для ускорения хода загружавшаяся меньше обычного; однолетние коломенки доходили до Санкт-Петербургского порта за лето.

Колотушечная фабрика — цех колотушечных молотов для выковки полосового и пруткового железа из криц.

Колотушечный молот — облегченный вариант кричного молота для выковки полосового и пруткового железа из криц малого веса.

Колоша — мера руды и угля (рудовая к.) или флюса (холостая к.), засыпаемая за один раз в плавильную печь.

Колчедан желтый — халькопирит (медный колчедан). См. *кизь желтая*.

Колымага — летняя повозка (см. также *каптана*).

Компанейский завод — завод, принадлежащий группе лиц (компанейщикам). См. *партикулярный завод*.

Координаты — в дореволюционной литературе часто даются долготы объектов (например, заводов) в Пулковской системе координат. Пулковно находится в 30°19'44,11" восточней Гринвича. Эту поправку требуется вводить для перевода в долготу от Гринвича.

Копань (копанец) — 1) канал; 2) неглубокий выкопанный ров.

Короб — 1) ящик из прутьев или дранки переменной емкости, в среднем около 2 кубических метров. Существовали т.н. заводские и казенные короба. Первые имели емкость: от 24 576 (добрянский заводской короб) до 36 864 (пожевской заводской короб) кубических вершков и вмещали от 20 до 36 пудов древесного угля. Казенный короб (указной клейменный короб) имел емкость около 2 куб. м и вмещал примерно 24 пуда. 2) короба меньших размеров использовались наряду с бадьей для извлечения из шахты добытого полезного ископаемого и пустой породы. См. *кибель*.

Кортома — аренда.

Кортомленные земли — арендованные земли, синоним — окортомленные.

Костыга — 1) песчаник, включающий иногда угловатые или округленные обломки глины. Считается хорошим признаком на обнаружение медистого песчаника (Гофман, 1865); 2) отверделая глина (Рышковский, 1835); 3) отверделая глина с примесью песка, представляющая суглинок, в котором угловатые отдельности песчаника как бы вдавлены и от того она развивается на неправильные ромбоэдри (Самойлов, 1831); 4) порода, подобная вапу, но в составе ее всегда находится песок. Различаются песчаные и глинистые разновидности, первая перекрывает песчаники, вторая — или подстилает, или переслаивается с ними (Шуман, 1833); 5) глина в таком случае, когда смешана с известью, будучи притом окрашена железною охрою. Заключаясь в толщах светло-бурого песчаника, служит благонадежным признаком к открытию медных руд (Мейер, 1834).

Кошт — средства, издержки.

Красик — 1) песчаник-*ржавец* (см.) красного цвета (Гофман, 1865); 2) красная глина.

Красичная руда — руда из красика (Гофман, 1865).

Красная медная руда — куприт (Cu_2O), в пермских медистых песчаниках встречается в виде красных зернистых масс, иногда землистых.

Красная медь — чистая медь, ср. *зеленая медь*.

Кремотартар — кислая калиевая соль винной кислоты, смесь битартрата и тартрата калия, см. *винный камень*.

Крестовник (крестовик, чернядь) — темный песчаник со многими отпечатками растений, лежащими спутанными, иногда крестообразно (Гофман, 1865). Песчаник, заключающий в себе разрушенные или обугленные части растений, а окрашенный железной охрой известен под именем ржавца и обе сии породы почитаются спутниками рудных отложений (Мейер, 1834).

Крестьяне — в XVIII в. подразделялись на *государевых, дворцовых, государственных, ясаиных, приписных* и *однодворцев*.

Кресты — перекресток дорог.

Крумофен — плавильная печь, обычно они ставились по несколько в ряд и сопровождалась таким же рядом мехов, приводимых в движение общим валом с водяным колесом. В крумофенах получался роштейн, содержащий, кроме меди, множество примесей.

Крушец — металл или руда какого-либо металла.

Кулига — небольшая поляна или поле в лесу.

Купоросное масло — крепкая серная кислота.

Купферкис — медный колчедан, халькопирит.

Купферштейн — смесь, образующаяся при плавке сульфидных медных руд в нижней части плавильной печи и состоящая из сернистой меди с примесью сернистого железа. Эта смесь, обогащенная медью и свободная от пустой породы, поступает в плавку на медь вместе с богатыми медными рудами. При плавке окисленных руд пермских медистых песчаников получали сразу черновую медь. Термин применяется до сих пор.

Купферштейн-роштейн — купферштейн с содержанием 30–40% меди. Термин применяется до сих пор.

Купферштейн-шпурштейн — купферштейн с содержанием меди 65–75%. Термин применяется до сих пор.

Курень — место выжигания древесного угля из дров.

Курная изба — изба, построенная по-черному, т.е. с печью без дымовой трубы.

Курья — залив реки на месте старого русла.

Лазоревка — азурит.

Ларь — большой ящик с навесной крышкой для хранения припасов.

Ларь — канал из досок, по которому от боковых (ларевых) прорезов плотины подавалась вода на водяное колесо.

Лактер — мера длины, равная *сажени*, 2,1 м.

Ледина — низкий заболоченный участок, поросший кустами и лиственными деревьями.

Лещадь — камень в форме кирпича.

Лидийский камень — пробирный камень, черный кремнистый сланец. В пермских отложениях — включения и прослои черного кремня в мергелях и известняках.

Линия — мера длины, 0,1 *дюйма* или 2,54 мм.

Лихтлог — вентиляционная шахта.

Лодья — плоскодонное судно для перевозки соли. Длина по днищу 30 сажен, ширина 7 сажен 2 аршина и высота 3,75 аршина, с палубами.

Грузоподъемность от 65 до 75 тыс. пудов, при полной загрузке осадка колебалась между 10 и 11 четвертями (без груза — 0,75 аршина). Лодьи снабжались снастями и якорем. Для заброски якорей и перевозки людей на берег употреблялись специальные лодки, называвшиеся завознями и шитиками. Другие соляные суда: *межуумки* и *бархоты*.

Локоть — мера длины, равная 54 см или трем малым пядям по 18 см.

Лот — мера веса, равная 3 золотникам или $\frac{1}{32}$ фунта = 12,8 г.

Луда (лудяк) — затвердевшая глинистая, суглинистая почва.

Лыва (лывина) — яма, заполненная водой, лужа.

Лядина — пустошь или пахотный участок среди леса на месте пожара-ща или вырубки; густой молодой березняк среди хвойного леса.

Магазин — склад.

Марга — опока (горная порода).

Мастеровой — рабочий на заводе, занятый на выплавке металла.

Материк — коренной берег.

Медная зелень — землистый малахит в цементе медистых песчаников.

Медная синь (медная лазурь) — землистый агрегат азурита в цементе медистых песчаников.

Медная чернь — мелакоцит, землистая разновидность тенорита. См. также *смоляная медная руда*.

Медный блеск — сернистая медь, стекловатая руда, халькозин.

Медный колчедан — халькопирит.

Медь белая (аргентин) — сплав из меди, никеля и цинка, см. *нейзильбер*.

Медь желтая или зеленая — латунь, сплав меди с цинком.

Медь красная — собственно медь.

Медь черная — нечистая медь, содержащая после плавки от 50 до 90% меди.

Медь штыковая — чистовая медь, чистая медь или красная медь, продукт плавки гаркупфера или черной меди, отлитая в *штык*. В продажу также поступала медь дощатая, прутковая и листовая.

Межуумки (межеумки, межоумки) — суда для перевозки соли, по размеру средние между лодьями и бархотами. Длина 24 сажени, ширина по дну в носовой трети 6 сажений 2 аршина, а в кормовой — 6 сажений; высота борта 4 аршина. Осадка с грузом 10 четвертей.

Мелочь — 1) рудная мелочь, подсевок, подрудок — мелкие руды, смешанные с глиной и другими мягкими породами, получаемые из просевки на грохотах, севках и решетках. 2) толчейная мелочь — измельченная руда, уносимая водой из толчей и скапливающаяся в зумпфах. См. также *сор*.

Мера — емкость для измерения объема жидкостей и сыпучих материалов. Обычно равнялась *четверику* (или 26,24 л).

Мерник — сосуд известной емкости, например, ведро.

Меховая фабрика — цех по изготовлению воздуходушных мехов.

Меш — число отверстий в сите на 1 дюйм. 10 меш соответствуют диаметру отверстия сита 1,65 мм, 20 меш — 0,83 мм, 60 меш — 0,25 мм, 100 — 0,15 и 200 — 0,074 мм. Единица применяется до сих пор.

Монетные дворы — при Алексее Михайловиче Романове на медных монетах, введенных им в обращение, присутствовали буквенные индексы: М (с кружком над буквой), П, НГ (с титлом), означавшие, соответственно: Московский, Псковский и Новгородский монетные дворы. Поскольку при Алексее Михайловиче почти вся имевшаяся в стране медь происходила с Пысдорского завода, постольку эти дворы и использовали медь, полученную из медистых песчаников. При Петре Великом монеты из меди, полученной из пермских медистых песчаников, чеканились, главным образом, на Екатеринбургском и Аннинском монетном дворах, с метками на медных монетах, соответственно: ЕМ и АМ (Екатеринбургская монета и Аннинская монета).

Мостовщина — пошлина за проезд по мосту.

Мотчание — промедление, задержка.

Мотчать — медлить, тянуть время.

Моча — роса, влага, сырость.

Мусор — угольная мелочь.

Мусор тяжелый — угольная мелочь с камнями, щебнем и глиной.

Мыто — пошлина за провоз товаров или за проезд через заставу.

Надвенники — выходы коренных пород среди наносов.

Надолбы — фортификационное сооружение: торчащие бревна, врытые в землю.

Наклад — убыток.

Напарье — наконечник бура, долото.

Начальные люди — воинские начальники.

Нейзильбер — сплав меди с никелем (5–35%) и цинком (13–14%). См. *аргентин* или *медь белая*.

Новотереб — расчищенное от кустарника и зарослей место. См. также: *росчисть* и *причисть*.

Новый стиль, способ летосчисления. Разница со старым стилем: в XVI и XVII вв. — 10 дней; XVIII в. — 11 дней; XIX в. — 12 дней; XX и XXI в. — 13 дней.

Ныринские глина, песок — каолиновые глины и кварцевый песок, поставлявшиеся на медеплавильные заводы Пермского горного округа из месторождения, расположенного в 3 км северо-восточнее д. Сухой Лог и в 3 км юго-восточнее д. Поповлянки (в 12 км северо-восточнее станции Кишерты). В общем случае — глины и пески из окрестностей Кишерты.

Няша — 1) тонкая вязкая грязь, ил; 2) топкое грязное место.

Обережная трубка — обсадная труба.

Обжигальная печь — печь для обжига *роштейна*, см. *кальценирофен* (*кальценирофен*).

Обогащение руд — совокупность операций для повышения содержания полезного компонента, заключается в отделении пустой породы тем или иным способом от рудных минералов и др. примесей. В результате уменьшается объем руд и повышается концентрация полезного компонента. Способы обогащения: ручная рудоразборка и сортировка, дробление и промывка, обжигание и т. п.

Обод — округа, территория внутри определенных границ, уезд и т. п.

Ободный — то же, что обводный, окружной (от слова округа), уездный.

Ободная грамота — или обводная, грамота о пожалованных землях с описанием территории и границ пожалованных земель, то же, что межевая грамота.

Обронное дело — нанесение выпуклых изображений на металл; чеканка, гравирование.

Огнепостоянный — огнеупорный, материалы и породы, используемые для футеровки печей.

Огниво — кроме обычного значения, имеет следующие: 1) верхняя перекладина крепи в подземных горных выработках, кладущаяся на стойки; 2) одно из бревен, кладущихся на сваи сливного моста плотины.

Однодворцы — крестьяне, за воинские или другие заслуги получившие в наследственное владение участок земли. Имели дворянские права и исполняли крестьянские обязанности.

Окольный чин — придворный чин в Русском государстве XIII–XVII вв. Чин был вторым по значению после боярина (боярин — первый). В окольном чине в феврале 1634 года был произведен Михаилом Федоровичем Романовым *стольник* В. И. Стрешнев «за наход медных руды», причем минуя сразу два чина: думного дьяка и думного дворянина. Такой стремительный карьерный рост свидетельствует о степени важности медеплавильного производства для России в то время.

Олеонафты — нефтяные продукты, нефтяные масла.

Ориктогнозия — минералогия.

Орлец — камень красного цвета, красный кварц. Не путать со словом «орлец» в значении родонит.

Ортзанд — почвенный иллювиальный горизонт, ожелезненный песок, крайняя степень — *ортштейн*.

Ортштейн — песок, галечник, сцементированные окислами и гидроокислами железа и марганца.

Орудные тела — 1) палеонтологические остатки; 2) тела, одаренные жизнью: растения и животные.

Оселок (осёлок) — место бывшей деревни или села. Синоним — *пустошь* (см.).

Осторожный двор — см. *вешняиный двор*.

Острог — укрепление, обнесенное остроконечными бревнами или *надолбами*.

Осьмина — мера длины при приемке дров, равная $1\frac{3}{4}$ аршина; 2) поленица дров в одну восьмую часть кубической сажени или половину *батого*.

Откупщик — человек, бравший на себя обязательство выплачивать казне определенную сумму, получая за это право продавать товары, считавшиеся монополией государства.

Отличие — разновидность породы, ископаемого, минерала, отличающаяся каким-либо признаком.

Отнорок — ответвление от большого лога.

Отписка — письмо, уведомление.

Отсед — осадок, осадочная горная порода.

Охочие люди — вольнонаемные люди, добровольцы.

Очеп — жердь, рычаг для приведения в действие мехов.

Павосок — паузок, деревянное плоскодонное парусно-гребное судно длиной до 24 метров и грузоподъемностью до 120 т, предназначенное для перевозки грузов по мелководью.

Падун — приток реки, оврага; лог; ручей, текущий по оврагу, логу.

Пажить — луг, поле, пастбище.

Палестина — поляна в лесу.

Пальчик — узкий длинный полуостров.

Партикулярные заводы — предприятия, принадлежавшие частным владельцам. Завод, принадлежащий группе лиц — *компанийский* (компанийщичий).

Паяльная трубка — металлическая трубка малого диаметра, использовавшаяся вначале для спаивания металлов ремесленниками. Позже использовалась при исследовании минералов. Суть использования заключается в том, что вдуваемый поток через трубку и продуваемый сквозь пламя воздух направляет огонь на стык металлов (при спаивании) или минерал (при его исследовании).

Пекло — 1) желтая охра; 2) сера или смола.

Пеньковская глина — белая огнеупорная глина с Пеньковской горы, что на правобережье Сылвы близ с. Посад.

Перебор — пережат, поперечная отмель, брод.

Перегон — водораздельное пространство.

Переезд — мера площади, 1 переезд равен 1 600 кв. сажен.

Переклад (стена) — дайка.

Перка — коловорот.

Песок — *флюс*, при плавке меди в шихту добавлялся песок, называвшийся по местности, где добывался: ныртинский, опалихинский и т. п. Не всегда песок был именно песком. Это мог быть мергель, доломитовая мука, гипс и т. п.

Пестерь — сплетенная из лыка большая корзина для переноски груза за спиной.

Пильная мельница — лесопилка. Мельницей называли любое предприятие, действовавшее за счет водяного колеса.

Плавень — см. *флюс*.

Плавленый сок (сок) — шлак.

Плац — рудный двор, синоним *площадь*.

Площадь — рудный двор, синоним *плац*.

По сложности — в сумме или в среднем (исходя из контекста).

Погост — небольшое селение с церковью.

Под — самая нижняя часть плавильной печи или горна, выкладываемая кирпичом или камнем.

Подзор, подзорина — украшение, узор на нижнем краю объекта.

Подкоп — штольня.

Подкопная мера — интервал проходки горной выработки, не требующий крепления.

Подрудки — смесь оруденелого и пустого песчаника после рассева на грохотах; рудная мелочь обломки руды. Содержание меди в них менее 1%.

Пожня — покос.

Пожог — очищение руд в обжигательных печах.

Покать — склон горы.

Покойники — при разборке угольных куч после углежжения часть угля продолжает гореть, для тушения при недостатке воды использовали землю, а образующиеся маленькие кучки на Пермских заводах называли «покойниками».

Полдень — в применении к направлениям — юг.

Полночь — в применении к направлениям — север. Аналогично: «на восход» и «на закат» — это направления, соответственно, на восток и на запад.

Полок — подмости из бревен или горбыля в стволах глубоких вертикальных горных выработок (шурфов, шахт и т. п.), устанавливались через 4–6 сажен.

Полосатник (полосатик, полосун) — «песчаник, в котором различно окрашенные зерна, большей части белые и красные, расположенные полосами. Содержат медные руды весьма редко» (Гофман, 1865).

Полосун — «прослойки песчаника, проникнутого железной окисью в сильной степени, а также каменного угля. Прослойки сии придают песчанниковым пластам полосатый вид» (Самойлов, 1831). См. *полосатник*.

Полубатман — мера веса, равная 5 пудам (см. *батман*).

Полуколоменки — средние («посредственные») или малые коломенки, плоскодонные суда для перевозки с горных заводов металлов, а на заводы — руд, флюсов и т. п. Средние («посредственные») и малые коломенки имели длину от 6 до 9 сажен, ширину 6 и 7 аршин. Осадка с грузом 2 и 3 четверти (без груза на 2–3 вершка). Другие суда подобного назначения: *коломенки, дощаники, четверугольные барки* и *полубарки*.

Понурое залегание флеца — наклонное залегание пласта.

Порода — в отношении горных пород — разновидность, тип. Например, вапны разных пород и т. п., т. е. вапны разных типов.

Порох — по контексту: 1) порошок, пудра; 2) взрывчатое вещество.

Портище — кусок или отрезок ткани.

Посадский человек — житель посада, мещанин (в смысле сословия).

Посессионное право — право владения землей, недрами, предприятиями, работниками, закрепленное государством за заводчиками, которые считались содержателями предприятий.

Посессия — министерством финансов в 1811 году горные заводы были разделены на два разряда: одни — те, которыми владели по праву дворянства и прочие. Вторые, получавшие пособия от казны в виде земли, строений, крестьян, а также имевшие разрешение покупать крестьян, были названы «*посессиями*».

Поскогина — огороженная площадь для пастьбы скота.

Поталь — раскованная в тонкие листочки медь (или олово), используемая вместо позолоты.

Потатый — початый.

Потопчина — помост или толстая доска вместо помоста при откатке руд.

Поторжная работа — вспомогательная, мелкая и временная работа в заводах и рудниках, производившаяся т. н. «поторжными» или наемными людьми.

Похкастен (похкаст) — ступа (см. *иготь*).

Похверк — обогатительный цех (фабрика) с набором устройств для толчения и промывания руд.

Похштейгер — горный мастер, заведующий толчением руд.

Правеж — взыскивание долга, наказание.

Праздный — свободный.

Празеленый — иссиня-зеленый.

Пресечение — выклинивание.

Прибыльное стекло — лупа.

Прибыток — прибыль, доход.

Прииск — вновь открытый, пока не обустроенный и не разрабатываемый рудник.

Приискатель — первооткрыватель месторождения или первый начавший его разработку.

Приказ — государственное учреждение конца XV — начала XVIII вв. При Алексее Михайловиче было 13 приказов. При Петре I они были реорганизованы в камер-коллегии.

Приказ Большие казны — собирал подати с гостей гостиной и суконной сотни и с торговых людей, с крестьян и бобылей. Имел приход до 300 тыс. руб. При Михаиле Федоровиче ведал горным производством. С 1668 г. эта функция передана в *Приказ Большого Дворца*.

Приказ Большого Дворца — собирал подати с посадских людей более чем 40 городов, дворцовых сел и черных волостей этих городов и 8 слобод ремесленников (котельники, оловяшники, горшечники, кирпичники и печники). Приказу были подчинены также Сытенный, Кормовой, Хлебный и Житенный дворы со сборами, соответствующими названиям дворов.

Приказные люди — чиновники.

Припасная контора — заводууправление, ведала производством, снабжением и сбытом.

Приписные крестьяне — свободные государственные крестьяне, приписанные к казенным заведениям (заводам, фабрикам, садам, и т. п.), оброк которых засчитывался поденной работой в этих заведениях. Обычно были заняты на подсобных работах. При передаче заведения в частные руки переходили вместе с заведением.

Присада — низкий наносный берег.

Причисть — расчищенное от кустарника и зарослей место. См. также: *новотереб* и *росчисть*.

Пробирный мастер (пробирер) — химик-аналитик, кроме определения пробности благородных металлов, занимался анализом руд. В широком смысле — чиновник, следивший за правильностью проб и занимавшийся опробованием.

Провожатые — жильные образования, то же, что и *трумы* — апофизы.

Продукт — в горном производстве XVIII–XIX вв. извлеченный из руд, но не очищенный и неразделенный металл. В медеплавильном производстве — купферштейн и роштейн.

Произведение искусства — в XVII — начале XIX в. так назывались продукты человеческой производственной деятельности; например, так могли называться выплавленные из руд металлы.

Проникнутый — цементированный, пропитанный, например песчаник, проникнутый медной зеленью.

Проницание — цементация.

Прорва — новое русло реки, проток.

Проспект — общий вид.

Простирание — термин имеет современный смысл. Разница в том, что лимб компаса в XVII в. делился на 24 часа. Обозначения элементов залегания в часах (h) встречались до начала XX в. Отголоски этого сохранились до сих пор. Следует учитывать, что, в отличие от прежнего, современное деление круга 12 часов. Поэтому старое направление 6 часов — это направление на восток, а не на юг, как понял бы современный читатель.

Против — антоним современного предлога «по». Например, «против указа» — по указу, «против письма» — по письму.

Прочёт — прочтение вслух документа при его выдаче. Например, грамота с прочётом или наказное письмо с прочётом.

Прудище — место, где был пруд.

Пуд — мера веса, равная 40 фунтам или 16,3805 кг.

Пульник — песчаник, содержащий шаровидные, похожие на пули того времени, включения (конкреции) медного блеска (халькозина) свинцово-серого цвета (Гофман, 1865).

Пустоплесье — незаселенное пространство вдоль реки.

Пустопорожный — находящийся без употребления.

Пустошь — место, где раньше были деревня или село, всегда называется по имени бывшего села или деревни. Синоним — *оселок* (см.).

Пядь (пядень, пядница) — мера длины, равная расстоянию между концами расставленных большого, указательного или среднего пальцев (малая пядь, соответственно, 18 или 19 см), между концами большого пальца и мизинца (большая или великая пядь, 20–25 см). С XVII в. длину, равную пяди, называли «четверть аршина», «*четверть*», «*четь*».

Пядь с кувыркком — мера длины, пядь с прибавкой двух или трех суставов указательного пальца, т. е. 27 или 31 см.

Разборный камень — обломки горной породы в выработке, разбирающиеся вручную.

Развила — ответвление лога.

Разлом (розлом) — открытая горная выработка — канава.

Разнос — открытая горная выработка — карьер.

Раменный лес — строевой лес.

Рамень — строевой лес.

Раменье — сплошной лес.

Рассол (россол, росол) — топкий берег реки, ручья, болотистое место. Отсюда названия: р. Рассольная — река с болотистыми берегами. Реки с солеными источниками по берегам обычно назывались Усолками.

Рассоха — 1) место слияния двух логов или ручьев; один из двух логов или ручьев, образующих новый лог или ручей; 2) территория между ними.

Регистр — список, опись.

Регулы — правила.

Ржавая руда — медная руда в ржавце (Гофман, 1865). Интересно, что в Германии «красную гниль» (покраснение пород) используют в качестве поискового признака при поисках медного оруденения в пласте медистых сланцев (Т.Х.). См. также *сурик*.

Ржавец — 1) болото, топь; 2) медленный водоток, текущий из болота.

Ржавец — разнородный песчаник на охристом цементе с вариациями желтого цвета в зависимости от содержания охры. Ржавец нередко пропитан медной зеленью и переходит тогда в ржавую руду. Считается хорошим признаком для нахождения медных руд. Если цвет песчаника красный, то он называется красиком и обыкновенно содержит тогда медную руду, называемую красичной рудой (Гофман, 1865). Песчаник, окрашенный железной охрой, известен под именем *ржавца* (Мейер, 1834). Благоприятный признак для обнаружения медных руд. См. также *сурик*.

Ржавчина, ржавец — ручей, текущий из болота.

Решетка — мера объема сыпучих веществ в заводском и горном деле. 24 решетки составляли 1 короб.

Росчисть — расчищенное от кустарника и зарослей место. См. также: *новотереб* и *причисть*.

Роштейн — сырец, сплав сернистых соединений меди и железа, получаемый при первой (рудной) плавке сульфидных медных руд, то же, что *купферштейн*. Термин применяется до сих пор. Из окисленных руд пермских медистых песчаников получали сразу черную медь.

Руда кирпичная — куприт в смеси с лимонитом.

Руда купоросная — серный колчедан, пирит.

Руда медная белая — блеклая руда.

Руда медная железного цвету — медный блеск, халькозин.

Руда медная желтая — медный блеск, халькопирит.

Руда медная красная — куприт.

Руда медная смоляная — тенорит в смеси с окислами и гидроокислами железа и марганца, с кремнеземом и карбонатами. См. *медная чернь*.

Руда медная черная — тенорит.

Руда медная пестрая — борнит.

Руда песчаная зеленоватая — медистый песчаник.

Руда сажистая — смесь халькозина и продуктов его окисления (куприта и тенорита).

Руда стекловатая — халькозиновая руда.

Рудник — вновь открытый, не разрабатывающийся и не оборудованный называется *прииск*, выработанный или невыгодный для разработки рудник назывался *тунележащим*.

Рухлядь — всякая утварь.

Рухляк — мергель.

Рухляковый песчаник — песчаник на известково-глинистом цементе.

Сажень — мера длины, равная 2,1336 м или 3 *аршинам*, или 48 *вершкам*, которые в свою очередь равняются 7 *футам* или 84 *дюймам*.

Сажень квадратная — мера площади, равная 4,5523 кв. м.

Сажень кубическая — мера объема, равная 9,7127 куб. м.

Самодувная печь — см. *шплейзофен*.

Сандарак — реальгар.

Сапец — пермская мера веса, равная 6 пудам.

Свинки — набитые глиной и бутом деревянные срубы в теле плотины.

Севачка — приспособление для просева руды типа деревянных или железных носилок размером 18x14 вершков с продолговатыми отверстиями шириной в 0,5 дюйма.

Секретарь — прозвище камских бурлаков в конце XVIII — первой половине XIX в.

Селитряная кислота — азотная кислота.

Серостекловатые медные руды — фальэрц, халькозиновые руды.

Сечище — делянка с вырубленным или уже вырубленным лесом.

Синяя глина — голубовато-серая, зеленовато-серая глина. То же касается «синих» песков.

Скаска (сказка) — слово, донесение, свидетельство.

Скважистый — пористый.

Скрупул — 1,24 г.

Слань (стлань) — дорога из бревен в болотистых местах.

Слань — несколько слоев хвои или опилок, пересыпанных глиной.

Сливной камень — светло-серый мелкозернистый песчаник на карбонатном цементе (Мейер, 1834). Песчаник, превосходящий твердостью все прочие так, что при разработке одного требуется порохоострельная работа (Самойлов, 1831). Песчаник значительной крепости (Шуман, 1833).

Сливняк (яснец) — 1) светло-серый весьма твердый, мелкозернистый песчаник, дающий от удара блестящие искры. Весьма хороший признак (Гофман, 1865); 2) твердый песчаник, имеющий цементом известь (Рышковский, 1835). Антипов 2-й, наоборот, отмечает, что в сливняке хорошая руда встречается редко (Антипов, 1860).

Слуда — 1) возвышенная каменистая или глинистая часть коренного берега; 2) высокая покрытая лесом гора с крутыми склонами.

Сметник — 1) автохтонный (внутриформационный) конгломерат: глинистый песчаник со светло-красными и серыми желваками глины. В случае рудоносности, руда содержится только в песчанистом цементе и никогда — в желваках глины. Если последние имеют темно-красный цвет, то порода называется суриком и считается тогда хорошим признаком на обнаружение медного оруденения (Гофман, 1865); 2) разность отверделой глины, или сметник, есть та же самая костыга тончайшего состава. Заключаясь в толщах светло-бурого песчаника, служит благонадежным признаком к открытию медных руд (Мейер, 1834).

Сметничный уголь — уголь из разных пород деревьев.

Сметный лес — смешанный лес.

Смочное место — мокрое место.

Смурый — темный, грязно-серый, темно-серый, серый.

«Собака», рудокопная «собака» — рудничная тачка, тележка. На рудниках Пермского горного округа использовалась двух типов: венгерская, имевшая 4 колеса с узкой базой, из которых задние выше передних, и узкий ход, позволяющий вести ее по толстым доскам; немецкая — такого же устройства со штырем (т. н. «гвоздем») внизу, проходящим между двумя досками (направляющими), что облегчало управление. На венгерскую «собаку» груз наваливался на оси задних колес, на немецкую — посередине, между осями.

Согра — низкое болотистое место, заросшее ельником, чаще в пойме реки.

Сок (плавленый сок) — шлак. Когда медеплавильный шлак начинал охлаждаться и приобрел темно-красный цвет, его отбрасывали на пол фабрики, в чугунный полукруг, где после охлаждения его дробили. После опробования шлак, содержащий меди не более $\frac{1}{8}$ фунта (0,125%) вывозили на отвал.

Сор — рудная пыль, мелочь.

Сорд — роца (слово коми-пермяцкое).

Спирт купоросный — серная кислота.

Сплейсофен — см. *шплейзофен*.

Старый стиль (см. также *Новый стиль*), разница с новым: — в XVI и XVII вв. — 10 дней; XVIII в. — 11 дней; XIX в. — 12 дней; XX и XXI в. — 13 дней.

Стекловатая руда — халькозиновая руда.

Степь — водораздельная возвышенность с густым лесом.

Стоеросовый — растущий прямо (о лесе или о дереве).

Стольник — дворцовый, затем придворный, чин в Русском государстве XIII–XVII вв. В XVI–XVII вв. стольники прислуживали во время торжественных трапез (столов) у великих князей и царей, сопровождали их в поездках. Стольников назначали на воеводские, посольские, приказные и другие должности. По росписи чинов XVII в. стольники занимали пятое место после бояр, *окольничих*, думных дворян и думных дьяков.

Строссен (стросс) — уступ в стенке открытой горной выработки, в карьере, канаве.

Суда для перевозки грузов — подразделялись на суда для перевозки соли, металлов и купеческие суда. Соляные суда: *лодьи, междуумки и бархоты*. Суда для перевозки с горных заводов металлов или сырья (руд, флюсов и т. п.): *коломенки, полуколоменки, дощаники и четвероугольные баржи*. Купеческие суда: камские шитики, каюки, жиганы и повозки.

Сузеленый — зеленоватый.

Сузем, суземье (суземок) — 1) старый глухой лес; 2) поле, расположенное за таким лесом, или удаленное от населенных мест.

Сурик — красный глинистый песчаник с темно-красными желваками глины. Руда содержится в песчанистом цементе. Ср. сметник (Гофман, 1865).

Сутычь (сутыч) — встык.

Тарханный — освобожденный от податей или повинностей (XVI–XVIII вв.).

Творожник — глинистый песчаник с обломками светло-серой или белой глины (Гофман, 1865).

Температуры — почти до конца XIX в. температура измерялась в шкале Реомюра, предложенной им в 1730 г., где 1°R равен $1,25^{\circ}\text{C}$.

Толчая — ступа.

Торас — плотина.

Трейбофен — разделительная печь, разделительный горн.

Трумы — апофизы жил (см. также *провожатые*).

Тундра — 1) торф; 2) заболоченное место, заболоченный грунт.

Туне (*втуне*) — без пользы, попусту, даром.

Тунележащий рудник — неразрабатываемый, выработанный или невыгодный для разработки рудник (см. *втуне*). «Рудник, лежавший без работы один год, также рудник, из которого в течение года не было добыто и поставлено руд более 100 пудов, объявляется тунележащим, и рудопрмышленник не имеет на оный права» (п. 655 Устава Горного, Свод законов... 1833).

Тын — изгородь, забор.

Тягло — налог, повинность.

Тягун — длинный подъем или спуск с горы.

Увал — возвышенность, косогор, склон оврага, горы.

Угар — потери металла в результате окисления при плавке или нагреве.

Углежоги — работники, занимавшиеся заготовкой древесного угля.

Уговорщик — подрядчик.

Ужище — веревка.

Уметить — попасть.

Урема — частое чернолесье, окаймляющее речки; густой пойменный лиственный лес, лес и кустарник в низине или в долине с высокотравьем.

Уречище — пространство, прилегающее к реке, по обеим сторонам реки.

Урман — темнохвойный (ель, пихта, кедр) дремучий лес; хвойный лес, растущий в болотистом месте.

Уставщик — служащий заводской администрации, отвечавший за определенный участок производства и распределявший по работам.

Фабрика — цех, мастерская.

Фальэрц — 1) тетраэдрит, блеклая медная руда; 2) серо-стекловатая медная руда — халькозин.

Фельдорт — горизонтальная подземная выработка без выхода на поверхность.

Фифка (февка) — паяльная трубка.

Флец — пластообразная залежь субгоризонтального залегания, либо осадочный пласт, имеющий различные углы залегания, вплоть до вертикального. См. *жила*.

Флецовые жилы — пологие пластообразные жилы.

Флус — *флюс* (см. также: *флюс белый* и *черный*).

Флюс — в металлургии: добавки к руде при плавке металлов для снижения температуры плавления и перевода пустой породы в шлак, смесь горных пород, облегчающая плавку руд или т. н. «песок».

Флюс белый — реактив при лабораторных испытаниях, представляет собой смесь селитры и *винного камня* в пропорции 2:1, перетертые вместе.

Флюс черный — реактив для лабораторных плавок с целью определения меди в руде. Состав: порошкообразная смесь селитры и *винного камня* в пропорции 1:2, прокаленная до прекращения горения. Является восстановителем и растворяет в расплавленном состоянии кварц и силикаты, образуя легкоплавкий и подвижный шлак.

Фунт — мера веса, равная $\frac{1}{40}$ пуда или 96 золотникам, или 409,512 г.

Фурмовая фабрика — цех по изготовлению отливок.

Фут — мера длины, равняется 12 дюймам или 30,48 см.

Хальканит — синоним меди в XVIII в., см. также *блистр*.

Холуй — 1) коряга в реке; 2) песчаный нанос, нанос мусора (коряг, веток, кустов) в реке, на пойменном берегу.

Хорнштейн — горновой камень.

Хряц (гольшник) — 1) грубый песок с гравием, 2) место, покрытое галькой или мелкими камнями; 3) крупные гальки кварцевых пород, сланцев и диорита (Гофман, 1865).

Цегентнер — горный чин, занимавшийся сбором десятины, налога с заводовладельцев.

Целовальник — заведующий казенным или общественным имуществом. Перед вступлением в должность целовал крест в знак того, что будет работать честно. Позднее название закрепилось за торговцами водкой.

Центнер (центр) — в технической литературе XVIII в. 100 фунтов (2,5 пуда).

Цоль — *дюйм*.

Цулег — горный компас.

Чекмарь — деревянный молоток для уминания глины, один конец тупой, чтобы прибывать глину, другой — острый для разминания комьев.

Челпан — гора округлой формы.

Черная медная руда — тенорит.

Черная медь — нечистая медь после плавки купферштейна (роштейна) в шплейзофене, содержала от 50 до 90% меди. Имела черный цвет, отчего и получила соответствующее название. При плавке окисленных медных руд медистых песчаников получали сразу черную медь. Термин применяется до сих пор.

Черник (чернядь, чернедь) — темный песчаник со многими остатками растений, лежащими по одному направлению в длину (Гофман, 1865). Ср. с *крестовником*.

Черные волости — государственные волости; земли, принадлежащие общинам.

Черный лес — еловый лес. См. также *красный лес*.

Чернядь (крестовик, крестовник) — темный песчаник со многими отпечатками растений, лежащими спутано, иногда крестообразно (Гофман, 1865). Песчаник, заключающий в себе разрушенные или обугленные части растений (Мейер, 1834). Считается благоприятным признаком для обнаружения медных руд.

Чернядь (чернедь) — см. *черник*.

Чертеж — участок леса, предназначенный под вырубку.

Чеснок — элемент укреплений: палисад; бревна, вбитые или врытые в землю для укрепления вала или рва.

Честной камень — дорогой (драгоценный) камень.

Четверик — мера объема, равная 26,24 л.

Четверть — мера длины, равная 4 вершкам или 0,25 аршина, что соответствует 17,78 см. До XVII в. четверть называлась пядью.

Четь — то же, что и четверть, например, четь аршина, две чети версты и т. д.

Четь — мера площади 1 200 кв. сажени или ~ 0,6 гектара. См. *десятина*.

Шахра — конгломератовидный песчаник: в красном глинистом песчанике, вскипающем с кислотами, заключаются светлые известковистые, шаровидные или овальные глинистые вроски (Гофман, 1865). Современный термин — внутрiformационный конгломерат.

Шахтица — *шурф*.

Швафелькис — пирит, серный колчедан.

Шифер — темно-серый, почти черный, мелкозернистый сланцеватый песчаник, переходящий в сланцеватую глину. Если встречается в нем руда, то она бывает только в виде тонких налетов (Гофман, 1865). Слоистая глина черно-серого цвета, с малой примесью песчаных частей (Мейер, 1834).

Шихтмейстер — низший горный чин, составитель шихты. Определял пропорции руды, флюса и угля при плавке.

Шихтплац (шихт-планц) — площадка, на которой составлялась шихта: к руде добавлялись известковый камень и «варнишной песок» (осадок, который получался на дне солеваренных цренов). Эта шихта засыпалась в крумофены.

Шмельцер — плавильщик.

Шмельцофен — плавильная печь.

Шпат гипсовый — волокнистый гипс, селенит.

Шпиаутер — цинк.

Шпиаутерова руда — цинковая руда. См. *галмей*.

Шплейзофен — печь, состоявшая из топки с поддувалом, колосников, горнила и пода с гнездом для рафинирования черной меди. Печь действовала свободным притоком воздуха в поддувало, дутья мехами не производилось. Синоним — *самодувная печь*. Назначение — очищение металла с помощью окислительной плавки. Примеси металла, расплавленного на поду печи, окисляются и уходят в шлак; а сера, мышьяк, сурьма — улетучиваются.

Штейгер — мастер, заведующий работами на руднике.

Штейн — грубо говоря, полусернистая медь (Cu_2S), получаемая при плавке обожженного медного колчедана на купферштейн. Фактически же штейны представляют собой сложные системы, состоящие из Cu и Fe, Cu_2S и FeS. Железо большей частью переходит в виде силиката в шлак. Термин существует до сих пор.

Штольна (штольня) — горизонтальная подземная горная выработка, выходящая на дневную поверхность. Проходится от склонов гор, холмов, бортов оврагов или логов и т. п. Служит для разведки или добычи полезных ископаемых, отлива воды (*вассерштольня*), откатки добытого полезного ископаемого и пр. Ср. со *штреком*. См. также *подкоп*.

Штрек — горизонтальная подземная горная выработка, не имеющая выхода на дневную поверхность. Проходится от шахтного ствола, или *штольни*.

Штык — продолговатый брусок отлитого металла весом в расчете на переноску одним человеком. При археологической разведке территории бывшего Егошихинского медеплавильного завода 1992–1998 годов в русле р. Егошихи был обнаружен штык меди размером 10x14,5x20 см. Вес этого штыка 26 кг. На Екатеринбургский монетный двор медь поставлялась в штыках весом 13–14 фунтов (5,3–5,7 кг).

Штыковая медь — медь, разлитая в штыки после очистки, продукт плавки гаркупфера, то же, что *красная медь*.

Штыковой горн — печь для отлива *штыков*.

Шурф — вертикальная разведочная или поисковая горная выработка небольшого сечения, проходима с поверхности для вскрытия коренных пород с целью поиска и разведки полезного ископаемого. См. также *дудка* и *шахтица*.

Шутём — 1) заброшенное, невозделываемое поле, заросшее травой и кустарником; 2) поле, превращенное в покос.

Щуп — железный стержень с ручкой, заканчивавшийся копьеобразным утолщением с четырьмя бороздками. Щуп вбивался в землю, по мере углубления заменялся более длинным или наращивался. Порода оставалась в бороздках утолщения и вынималась на поверхность. Глубина исследования щупом достигала 16 — 18 м.

Ямчуга — см. *емчуга*.

Ярд — мера длины, равная 3 футам или 36 дюймам, или $\frac{3}{7}$ сажени, или $\frac{12}{7}$ аршина, что соответствует 0,9144 м.

Ясашные крестьяне — крестьяне, платившие оброк или подати натурой (мехами, хлебом, лесом и т. п.). Обычно это были сибирские крестьяне и некоторые инородцы.

Яснец (сливняк) — светло-серый весьма твердый, мелкозернистый песчаник, дающий от удара блестящие искры. Согласно Гофману (1865) весьма хороший поисковый признак. Антипов 2-й (1860), наоборот, отмечает, что в сливняке хорошая руда встречается редко. *Примечание:* цемент яснеца обычно известковый, поэтому медные руды в самом яснеце отсутствуют, но в зоне окисления, выше уровня грунтовых вод, могут быть встречены вторичные карбонаты меди.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. СУКСУНСКАЯ СТАРИНА	4
«Минувшее проходит предо мною...»	4
Про пароход и колокольчик	11
Крещение кантонистов в Суксун-заводе	14
Стражи человеческого блага	20
Как в Суксуне крамолу искали	29
Мастера и мастерицы	31
«Дорожить надо ремеслом и качеством»	41
И фараоны, и цари, и... генералы	44
«Рыбаки ловили рыбу...»	50
Записки мирового судьи	55
Гидра революции	62
«Ежели я паду позорной смертью...»	73
ГЛАВА II. УЛИЦЫ, ДОМА И СУДЬБЫ	79
Усадьба немца Тиле.	82
Взрыв в Суксуне	85
Дом с плачущими окнами.	88
Сокровища старого дома	97
Как умер И. Г. Каменский	104
Две Анны, или улица Ленина, 28	106
ГЛАВА III. НА ЖИТЕЛЬСТВО В СУКСУН	116
Дора Рикерт — учительница из уральской глубинки	116
Потомок декабриста	128
Леди Каннинг	133
За кладбищенской оградой	138
ГЛАВА IV (заключительная). БЕЛЫЙ ХРАМ НАД РЕКОЮ	147
Эпилог	152
Используемые источники	154
К ГЛАВЕ I. Суксунская старина	154
К ГЛАВЕ II. Улицы, дома и судьбы	157
К ГЛАВЕ III. На жительство в Суксун	157
К ГЛАВЕ IV. Белый храм над рекою	159
Список сокращений.	160
Словарь устаревших терминов и слов, употребляемых в уральских заводах.	161

Записки краеведа

Наталья Николаевна ТОКАРЕВА

ЗАВО́ДСКИЕ

Редактор *Марина Лебедева*

Корректор *Елена Новикова*

Дизайн, верстка *Людмила Черных*

Дизайн обложки *Светлана Степанова*

Словарь устаревших терминов и слов,
употребляемых в уральских заводах,
составил геолог *Тимур Харитонов*, г. Пермь.

В книге использованы фотографии из фонда Суксунского историко-краеведческого музея, Кунгурского историко-краеведческого музея, Пермского краевого музея, музея истории космонавтики в г. Калуге, Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала и других музеев, а также из личных архивов людей, проживавших ранее и живущих поныне в п. Суксун.

Подписано в печать 26.04.13. Формат 60x90/16. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Тираж ??? экз. Заказ №

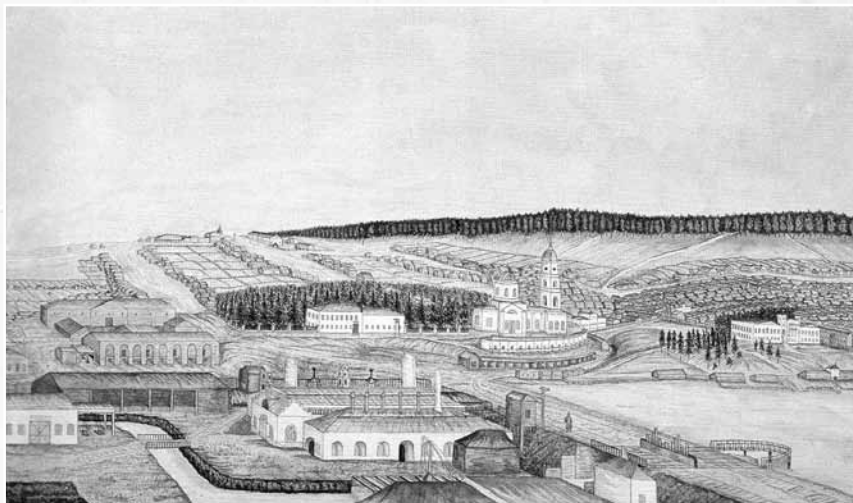
*Г.-К. Грот. Портрет А. Н. Демидова.
До 1745 г. Нижнетагильский
музей-заповедник горнозаводского дела
Среднего Урала*

*Церковный колокол,
отлитый в Суксунском заводе в 1760 г.
Пермский краевой музей*

*Чугунная плита, заложенная под основание фундамента конторы
Суксунского медеплавильного завода Демидовых.
Невьянск, 1725 г. Кунгурский историко-краеведческий музей*

*Суксун-завод середины XIX в.
С акварели А. П. Щербакова. Государственный исторический музей, Москва*

*Суксунская
Вознесенская церковь.
Нач. XX в. СИКМ*

Семейство Обыденновых. 1912 г. СИКМ

*Людвиг Окинич (второй слева) с врачами-коллегам. 1902 г.
Музей Пермской краевой клинической больницы*

Рабочие фабрики А. А. Панфилова. Нач. XX в. СИКМ

*Кружевница П. К. Мелентьева (в центре) с семейством.
Суксун. Нач. XX в. Личный архив А. Н. Поповой*

*Е. Ю. Чекмачева,
праправнучка А. А. Панфилова,
гл. юристконсульт
ЗАО «Невьянский цементник». 2012 г.*

*Дмитрий Федорович Тюриков.
1920-е годы. Личный архив
Т. А. Максимовой*

*Мировой судья Г. В. Семков.
Нач. XX в.
Личный архив семьи Габовых*

«Голова Иоанна Предтечи». Рис. П. И. Чиркина 1898 г. СИКМ

Вот какие щуки водились
в суксунском пруду!
П. А. Хлызов с уловом.
Вес рыбины 8,4 кг. 1941 г.
СИКМ

Петр Матвеевич Худяков.
1915 г. Личный архив
К. П. Распоповой

Здание бывшего Суксунского двухклассного училища. 1963 г. СИКМ

Интеллигенция Суксун-завода. Нач. XX в. СИКМ

*Елизавета Эдуардовна Тиле.
1970-е годы. Личный архив
Т. И. Шестаковой*

Суксун-завод в начале XX в. Из коллекции И. С. Берсенева

Дом коммерсанта Попова по ул. Шахаровка. Нач. XX в. СИКМ

Волостное правление в Суксуне. Нач. XX в. СИКМ

1912 г. в Суксуне
Ученье всех Каменских (Леринской гуд.)
Ив. Гр., Лид. Ник. и О. И. Каменские

Семья Каменских в Суксуне. Слева направо: Иван Григорьевич, Лидия Николаевна
и жена нижегородского племянника Ольга Ивановна Каменская. 1912 г.
Личный архив В. Н. Марчук (г. Москва)

Дом Рыцциных. Фото С. В. Котельникова

Дом Каменского. 1950-е годы. СИКМ

*Анна Павловна
Панфилова (крайняя слева).
1961 г. Личный архив
И. Лопатина*

*Дора Рикерт и ее друг Цветан. 1960-е годы.
Личный архив А. Е. Манохина*

*Анна Максимовна Токарева. 1991 г.
Личный архив Н. Н. Токаревой*

*Потомок декабриста –
хирург Сергей Михайлович Лунин.
1952 г. СИКМ*

*Послушница Екатерина. 1915 г.
Личный архив Н. Н. Токаревой*

*Владимир Сергеевич Пантелеев (третий слева) с сослуживцами.
Конец XIX в. СИКМ*

*Павел и Лидия Каннинги.
Конец XIX в. Музей
истории космонавтики
г. Калуги*

*Супруги Иван Агапович
и Анна Васильевна
Тепляковы. 1920-е годы.
Личный архив
Л. Г. Семковой*

Молодежь Суксунского завода. 1920-е годы. СИКМ

Суксунская Вознесенская церковь в 1930-е годы. Личный архив А. А. Белых

*Священник Суксунской Вознесенской церкви
о. Антоний Попов. Канонизирован в 2001 г.
Музей Кишертской средней школы*

*Чудотворная икона Суксуна
«Неопалимая Купина»,
явленная на р. Сылве в XVII в.
Суксунская Петропавловская церковь*